

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Забайкальский государственный университет»

**Проблема соотношения
естественного и социального
в обществе и человеке**

*IX Всероссийская с международным участием
научная конференция*

14–15 мая 2018 г.
г. Чита

Чита
Забайкальский государственный университет
2018

УДК 316(082)
ББК 60.5я54
ББК С5я54
П 781

Рекомендовано к изданию организационным комитетом
научно-практического мероприятия
Забайкальского государственного университета

Редакционная коллегия

Н. Д. Субботина, д-р филос. наук,
профессор кафедры философии (отв. ред.)
Е. Ю. Захарова, д-р филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии
О. А. Борисенко, канд. филос. наук, доцент кафедры философии

Проблема соотношения естественного и социального-го в обществе и человеке : материалы IX Всерос. с между-нар. участием науч. конф. / Забайкал. гос. ун-т ; [под общ. ред. Н. Д. Субботиной]. – Чита : ЗабГУ, 2018. – 287 с.
ISBN 978-5-9293-2130-6

В IX Всероссийской с международным участием научной конференции приняли участие представители России (Выборг, Москва, Нижний Новгород, Иркутск, Оренбург, Чита), Китая (Яньтай) и Республики Беларусь (Минск). В научном издании анализируются фундаментальные понятия философии, проблемы естественных и социальных наук: биозтики, NBIC-технологий, глобальной экологии, нейрофеноменологии. Исследуются проблемы культуры, образования, возможности реализации личности, природной и социальной адаптации человека, этнокультурной и территориальной идентичности, естественные и социальные основы гениальности, продолжают исследование причин агрессии и межэтнических конфликтов, экологического неблагополучия, социальные и психологические причины болезней человека и социальной революции.

Сборник предназначен для специалистов разных направлений: философов, культурологов, социологов, психологов, биологов, врачей, педагогов.

УДК 316(082)
ББК 60.5я54
ББК С5я54

ISBN 978-5-9293-2130-6

© Забайкальский государственный
университет, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНОЕ И ЕСТЕСТВЕННОЕ В ПРОБЛЕМАХ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

<i>Барковская А. В.</i> Человек и природа в контексте научного дискурса	7
<i>Гаврилова Ю. В., Бернюкевич Т. В.</i> Нейрофеноменология: проблема метода исследования религиозного сознания	21
<i>Деделко Ю. В.</i> Трансдисциплинарные исследования и интегративный статус философии в развитии концепции социального капитала	36
<i>Каржина Г. А.</i> Развитие принципов и понятий в естественно-научной и гуманитарной культурах	51
<i>Корсаков С. Н.</i> Проблемы соотношения естественного и социального в работах А. В. Козенко	60
<i>Сайганова В. С.</i> Трансдисциплинарность и биоэтическая направленность постнеклассической науки	72
<i>Соколыч В. Н.</i> Биоэтика сегодня: статус, сущность, проблемы	80
<i>Тарасов А. А.</i> NBIC-технологии конвергенции естественного и социального как генератор основного конфликта эпохи 4-й индустриальной революции	92
<i>Хен Ю. В.</i> Возможные пути преодоления экологического кризиса	102
<i>Четверикова Н. А.</i> Философско-антропологическая систематика: позиции природы и культуры	113
<i>Яковлев Н. Н.</i> Античные и средневековые философы о социальных и естественных предпосылках социальных конфликтов	120

ЕСТЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ

<i>Аносов С. С.</i> Волонтерство как социальная и естественная потребность	130
<i>Ардашова Ю. И.</i> Тенденции развития социальной культуры в России	134
<i>Батянова Л. Н.</i> Социальные и естественные условия гражданской активности и социальной ответственности	138
<i>Борисенко О. А.</i> Адаптация человека в условиях культурной безопасности	146
<i>Виноградова Н. И., Касьянова Е. И.</i> Возможности самореализации личности в процессе профессиональной подготовки	152

<i>Дружинин Г. В.</i> К проблеме естественно-правового измерения корпорации как форме организации человеческого общества	162
<i>Лица М. Б., Щеткина И. А., Захарова Е. Ю.</i> Качество жизни и социальная безопасность	169
<i>Полюшкевич О. А.</i> Общественное недовольство в социальных и естественных рамках	182
<i>Цзян Хун, Инь Хунлей.</i> Пути образования информационной грамотности в университетской библиотеке	188

ЕСТЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ЭТНИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ

<i>Ананьина Д. А.</i> К проблеме определения этнокультурной идентичности уйгуров в условиях межэтнического конфликта в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР	195
<i>Зимина Н. С.</i> Проблема соотношения гражданственности и этничности: социально-антропологический аспект	202
<i>Ковригина Г. Д.</i> Территориальная идентичность в эпоху разрушения значимости пространства	208
<i>Курбачёва О. В.</i> Социально-философский анализ феномена этноконflikта: природа и особенности развертывания	213
<i>Субботина Н. Д., Фомина М. Н.</i> Социальные и естественные факторы межэтнических конфликтов и способы их преодоления	230

ЕСТЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

<i>Иванов Р. В.</i> Источники формирования идеологического пространства в России	239
<i>Коломиец Г. Г.</i> Гениальность как проблема соотношения природного и социального	246
<i>Кондакова Н. С.</i> Агрессия человека: проблемы соотношения естественного и социального	258
<i>Сараева Н. М.</i> Междисциплинарный подход к изучению жизнеспособности молодёжного населения в регионе экологического неблагополучия	264
<i>Скуденков В. А.</i> Психология (не)болезней	273
<i>Фатенков А. Н.</i> «Блоковская незнакомка», ещё одна: Революция как произвол стихии, регуляция справедливости и внеморальное величие красоты (актуальные ретроспекции и перспективы)	278

CONTENT

SOCIAL AND NATURAL IN PROBLEMS OF PHILOSOPHY AND SCIENCE

<i>Barkovskaja A. V.</i> Nature and Man in the Context of Scientific Discourse	7
<i>Gavrilova Yu. V., Bernyukevich T. V.</i> Neurophenomenology: the Problem of the Method of Researching in Religious Consciousness	21
<i>Dedolko J. V.</i> Transdisciplinary Research and Integrative Status of Philosophy in Development of the Concept of Social Capital	36
<i>Karzhina G. A.</i> The Development of Principles and Concepts in the Natural Sciences and Humanities	51
<i>Korsakov S. N.</i> The Relation Between the Natural and the Social in the Work of A. V. Kozenko	60
<i>Saiganova V. S.</i> Transdisciplinarity and Bioethical Orientation of Post-non-classical Science	72
<i>Sokolchik V. N.</i> Bioethics Today: Status, Essence, Problems	80
<i>Tarasov A. A.</i> NBIC-technologies for Convergence of Natural and Social as Generator of the Main Conflict in the Age of the 4th Industrial Revolution	92
<i>Khen J. V.</i> Ways of Overcoming Environmental Crisis	102
<i>Chetverikova N. A.</i> Philosophical and Anthropological Systematics: the Positions of Nature and Culture	113
<i>Yakovlev N. N.</i> Ancient and Medieval Philosophers on the Social and Natural Background of Social Conflicts	120

NATURAL AND SOCIAL IN PUBLIC PROBLEMS

<i>Anosov S. S.</i> Volunteering as a Social and Natural Need	130
<i>Ardashova Yu. I.</i> Trends in the Development of Social Culture in Russia	134
<i>Batyanova L. N.</i> Social and Natural Conditions of Civic Engagement and Social Responsibility	138
<i>Borisenko O. A.</i> Adaptation of a person in conditions of cultural security	146
<i>Vinogradova N. I., Kasyanova E. I.</i> Possibilities of Self-realization of the Person in the Process of Professional Training	152

<i>Druzhinin G. V.</i> To the Problem of the Natural-legal Dimension of a Corporation as a form of Organization of Human Society	162
<i>Liga M. B., Shchetkina I. A., Zakharova E. Yu.</i> Quality of Life and Social Safety	169
<i>Polyushkevich O. A.</i> Public Discontent in Social and Natural Contexts	182
<i>Jiang Hong, Yin Honglei.</i> The Ways of Information Literacy Education in University Library	188

NATURAL AND SOCIAL IN ETHNIC PROBLEMS

<i>Ananyina D. A.</i> To the Problem of Defining the Ethnic and Cultural Identity of Uighurs in the Context of Interethnic Conflict in Xinjiang-Uygur Autonomous Region of China	195
<i>Zimina N. S.</i> The Problem of Correlation of Citizenship and Ethnicity: the Socio-anthropological Aspect	202
<i>Kovrigina G. D.</i> Territorial Identity in the Era of the Destruction of the Significance of Space	208
<i>Kurbacheva O. V.</i> Socio-philosophical Analysis of Ethno-conflict Phenomenon: Nature and Peculiarities of its Development	213
<i>Subbotina N. D., Fomina M. N.</i> Social and Natural Factors of the Interethnic Conflicts and ways of their Overcoming	230

NATURAL AND SOCIAL IN HUMAN NATURE AND PUBLIC CONSCIOUSNESS

<i>Ivanov R. V.</i> Sources of Formation of Ideological Space in Russia	239
<i>Kolomiets G. G.</i> Geniusity as a Problem of the Relation of the Natural and Social	246
<i>Kondakova N. S.</i> Human Aggression: Problems of Correlation Between Natural and Social	258
<i>Sarayeva N. M.</i> Interdisciplinary Approach to Studying Youth Population Resilience in the Region of Ecological Trouble	264
<i>Skudenkov V. A.</i> Psychology of (not)diseases	273
<i>Fatenkov A. N.</i> One more “Blok’s stranger”: Revolution as an Outrage of a Force of Nature, Regulation of Justice and an Immoral Grandeur of Beauty (actual retrospections and prospects) ...	278

**СОЦИАЛЬНОЕ И ЕСТЕСТВЕННОЕ
В ПРОБЛЕМАХ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ**

**SOCIAL AND NATURAL
IN PROBLEMS OF PHILOSOPHY AND SCIENCE**

УДК 316.3

*Алла Викторовна Барковская,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: barkovskaja2@gmail.com*

Человек и природа в контексте научного дискурса

В статье предпринята реконструкция основных этапов развития науки, в контексте которых эксплицируются основные модели отношения человека и социума к природе. Акцент сделан на специфике постнеклассической науки, трансформирующей классический образ природы, и современных технологиях, радикально изменяющих мир человека и характер его отношений с природой.

Ключевые слова: *природа, человек, наука, культура, социальная практика, технологии*

Ala V. Barkovskaja,
*Candidate Sciences (Philosophy), Associate Professor;
Associate Professor of the Department
Philosophy and Methodology of Science,
Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus,
e-mail: barkovskaja2@gmail.com*

Nature and Man in the Context of Scientific Discourse

In this article, the main stages of the development of science have been reconstructed, in the context of which the basic models of the relationship of man and society to nature are explicated. The emphasis is on the specificity of post-non-classical science, transforming the classical image of nature, and modern technologies that radically change the human world and the nature of its relationship with nature.

Keywords: *nature, man, science, culture, social practice, technology*

Сегодня акцентуация внимания на проблеме корреляции человеческого сообщества и мира природы является неизбежной по причине неравенства их интересов и предпочтений. Это тема определяет экологическое поле тех дисциплин, которые с недавних времен её актуализировали в своем пространстве под углом собственных предметных интересов, например, экология («естественное/искусственное»); социальная экология (объекты «второй», искусственной среды); экологическая этика (моральные принципы), и т. д. Однако не лишена интереса к ней и философия, занятая реконструкцией характера взаимоотношений человека и природы на всех этапах их совместной эволюции. Это позволяет выявить некоторые модели их отношений, опираясь на онтологические, психологические, этические, экологические и иные параметры, зафиксировав тем самым: 1) приоритет природы и пиетет человека перед ней; 2) власть и господство человека над природой; 3) диалог и сотрудничество как современные стратегии партнёрских отношений. Эти модели представляют собой кросс-культурные образования, существующие в одном временном диапазоне в виде социально-экологических альтернатив. Они репрезентируют динамику отношений человека и природы,

раскрывают мировидение и миропонимание людей, показывают значение ритуалов, мифов и иных культурных феноменов в контексте реальных социальных практик и др.

Остроту эта тема приобрела и в связи с позицией иудейско-христианской религии, для которой Бог – единственный творец всего сущего, его Автор, гарант и законодатель, определяющий стилистику поведения людей в сфере тварного. В этой ситуации все тварное не имеет самостоятельного бытия, а существует по принадлежности к Богу, определяющему весь мировой порядок. Природа перестает быть самоценной и самозаконной сущностью, она обесценивается и теряет значимость будущего: не она дает эталон человеку, а бесконечный дух. Сам тварный мир предстает как неоднородный, он – просто лестница существ, восходящая к Создателю, а человек – малый мир, но занимающий особое место во вселенной Бога, ему даровано право действовать свободно, Бог лишь помогает ему в этом. В результате Бог наделяет человека особыми полномочиями по отношению к природе, он должен её «возделывать и хранить» [Быт. 2:15], она для себя недостаточна, поэтому у неё постоянно должен быть господин, чтобы повелевать её стихиями. Данная ситуация не может не привести к дисгармонии и обособлению мира природы от мира человека: они начинают жить каждый по своим законам, реализуя цели божественного замысла.

Известны средневековые религиозные войны против животных, которых вызывали в суды для вынесения им наказаний, предавали анафеме и т. д. за причинение вреда человеку. Английский писатель Дж. Барнс в романе «История мира в 10 ½ главах» одну из глав посвятил этой проблеме, показав, что в Библии не все высказывания в смысловом отношении однозначны, ибо адвокаты и людей, и животных находят веские аргументы в защиту обеих сторон. Но весь пафос повествования сводится к тому, что человек всё же не властен ни урезать, ни отменять права животных, дарованные им Спасителем, даже в том случае, когда их поведение неудобно для людей.

Однако в западной христианской традиции в неявной форме присутствовали предпосылки к традиции «управления

природой», хотя грехопадение человека лишало его этого права, да и природный мир неплохо устроен, чтобы воздать ему должное. Но технические открытия в условиях христианской цивилизации оказались лучшим доказательством величия человеческого разума, ибо он понял, что с помощью знаний можно подчинить себе любые силы природы и таким образом «очеловечить» весь тварный мир. В связи этим западное христианство оценивается как наиболее антропоцентричное в системе мировых религий (Л. Уайт) и, наряду с экофильными установками Книги Бытия, в ней присутствуют экспансионистские интенции в отношении к природе (Р. Атфилд).

Особое место среди форм культуры занимает искусство, эстетически возвеличивающее природу: она есть прекрасный мир и ценность как таковая, перед которой можно только благоговеть. В этом смысле Пьер Ронсар в элегии «Гастинскому лесорубу» является её праведным защитником, для него лес – воплощение вольно произрастающей, не тронутой цивилизацией природы, которая всегда была символом человеческой свободы, отблеском его «золотого века», поэтому уничтожая её, человек истребляет и самого себя. И. Ж. де Мен делает акцент на возможностях природы, которая не только социально уравнивает людей, но и даёт им доброе сердце и ориентирует на полезную деятельность во имя всех. П. Шаррон создаёт культ «нашей матери Природы», как того нравственного императива, за которым человеку надо следовать.

Естественно, в этом контексте примеры и отсылки можно только умножать, но в качестве резюме можно привести слова В. В. Вейдле, что действительно искусство есть дело не расчленяющего знания, но целостного прозрения и неделимой веры, призванное заново творить мир со всей необузданностью творческой фантазии по законам самой жизни [1].

Апелляция к иным формам культуры, на мой взгляд, важна, т. к. не только подчёркивает значимость проблемы конфронтации в системе «общество – человек – природа», но и рельефнее отражает специфику научного дискурса, источником которой она признана. Именно наука радикально изменяет образ мира и человека, все её практики направлены на ис-

следование и познание природы, а, значит, и все преференции у субъекта научного познания. Преимущественное положение науки в том, что она изначально ориентирована на открытие объективных законов, благодаря которым можно переделать мир в соответствии с социальными и экономическими предпочтениями, т. е. «Этот мир мне *дан*, но он не *создан* мной!» (К. Маркс). Наука, по мнению М. Хайдеггера, не есть просто культурное занятие человека, а решающий способ, каким для нас предстаёт все, что есть, поэтому она ставится в ряд ценностей, которыми человек дорожит [9, с. 67]. Н. А. Бердяев полагает, что «в своей сущности наука есть реакция самосохранения человека, потерянного в тёмном лесу мировой жизни. ...Наука и есть усовершенствованное орудие приспособления к данному миру, к навязанной необходимости». Соответственно «ценность научных законов природы, прежде всего, была в практической ориентировке в природе, в овладении ею её же средствами» [1, с. 266–267].

Современное человечество, тем не менее, все претензии предъявляет именно к науке, утвердившей субъект-объектные отношения, в которых природа стала объектом приложения физических и интеллектуальных сил человека. Вторая половина XX в., как всем известно, ознаменовалась тотальной критикой науки, низвергающей её с пьедестала лидерства, как некоего абсолютного и безусловного образца объяснения и понимания мира. Правда, критические стрелы летели и раньше, в период оформления неклассической науки и философии, однако их удары стали ощутимее, когда заговорили об антропогенных нагрузках на природу, их неконтролируемости, возможностях экологической катастрофы на Планете и др.

И дело может быть даже не в самой науке, а в использовании её результатов для перманентного усовершенствования техники и технологий, которые, собственно, и приводят к деградации и природы, и общества. Не случайно с 70-х годов прошлого века стали проводить симпозиумы «Discoveries», посвященные этой проблеме. Особенность их проявилась в том, что здесь техника рассматривается как культурный феномен, имеющий антропологическое измерение, т. к. она

изменяет и картину мира человека. Последствия экологического характера должна устранять сама техника, став более эффективной. При этом высказывается мысль, что сущность техники скрыта не в ней самой, а в культурной и духовной специфике современного мира. Так, Ж. Эллюль анализирует эту ситуацию через призму философии абсурда, в которой оказывается человек в процессе технической экспансии. Он показывает на конкретных примерах Франции (расширение телефонных сетей, производство гаджетов и тому подобных атрибутов общества потребления) в какой абсурд ввергнут человек техническим развитием: «мы зачастую производим то, что никому не нужно, просто потому что имеется техническая возможность для этого. Стремление к использованию технических возможностей неодолимо и абсурдно. Обязательно и абсурдно используется и продукт, в котором никто не нуждается» [10, с. 156].

Не в этот ли абсурд попадаем и мы сегодня – реклама постоянно навязывает всем нам массу полезных, но ещё более бесполезных вещей, которые явились следствием технических возможностей. Последние пропагандируются как смысложизненные ценности, без которых невозможно жить, они производятся с той степенью гарантии, чтобы возникла необходимость их быстрой замены. Существуют и другие инициативы, например, сделать вас обладателями последней модели модного гаджета, хотя его наращенные функции никогда не будут востребованы в реальной практике. Развитие IT-технологий привело к тому, что социальные сети стали конкурировать с обычными СМИ, поэтому реклама в Интернете обогнала телевизионную, а сам Интернет меняет прописку – с экранов компьютеров он активно перемещается в мобильные устройства и т. п. Даже пресловутый основной вопрос философии (Ф. Энгельс), благодаря мобильным телефонам, переформулировался в вопрос «Ты где?». В этой связи, как заметил У. Эко, мобильный телефон привёл к трансформациям, которые охватывают не только реальность, но и изменяют сам способ существования в мире. Данный контекст не против техники и технологий, ведь постнеклассическая наука

позволила создать такие биоматериалы, биотехнологии и т. п., которые напрямую становятся защитниками всего живого, помогая ему выжить в мире техногенных и экономических приоритетов.

Что касается науки, то в массовое сознание транслировалось представление о ней как замкнутом в себе и изолированном от других компонентов культуры феномене, что порождало о ней превратное представление, девальвировало в общественной мысли её социальную значимость. Эти факторы инициировали интерес к многообразным видам вне-научного знания, которое впоследствии было легитимировано в культуре. Вместе с тем в техногенной цивилизации наука признаётся в качестве высшей ценности, т. к. всё то, что она производит, может быть значимо для нас. Наука как феномен культуры конструирует новую реальность и представляет собой программу, код, технологию человеческой деятельности. Ценностными ориентирами для учёных признаны истины, как результат объективного познания законов и принципов действительности, и инновации, способные изменить характер отношений социума и природы. Специфика научного дискурса задана его ориентацией на исследование природы как своего объекта, в своих предметных ориентациях он имел дело с разным типом систем – простыми, сложными, саморазвивающимися. Представления об устройстве природы и законах её функционирования радикально менялись по мере освоения этих систем, что, несомненно, подготавливало почву для кардинального пересмотра эффективности социальных практик и положения современного человека в её естественной среде.

Новоевропейская эпоха активизма природу рассматривала с позиции адекватности конструктивистским планам социума, поэтому конструирование и становится ключом к её пониманию. Такая система ценностей стала в дальнейшем доминирующей, ибо обеспечивала инструментально-технологическую направленность на преобразование природных объектов и, в конечном итоге, подготовила почву для преодоления человеком зависимости от природы. Тем самым значимость природы для субъекта определяется соответствием его требо-

ваниям. Среда обитания людей разделяется на естественную, которая развивается по своим законам, независимо от человека, и искусственную, созданную им самим, в качестве «второй природы», «неорганического тела цивилизации», согласно К. Марксу. Он показал особый характер отношения человека к природе, который воплощён в человеческой деятельности, благодаря ей люди и создают вокруг себя вот такое «неорганическое тело». С его помощью человек соотносится с природой, его жизнь воспроизводится в процессе активности, которая проявляется в деятельности, адаптации к сложившимся условиям, т. е. поведении и коммуникации. Под влиянием этих форм изменяется и воспроизводится человеческий мир, они фактически играют роль программы, ценность которой в инновационной динамике социума видится в определении стратегии его будущего развития.

Взгляд на природу через *призму естественнонаучного и технического знания делает субъекта главной фигурой*, которая её описывает, анализирует и, расчлняя, исследует по частям. Она должна ориентироваться на Я-субъекта, поэтому и этика ориентирована на человека, на закрепление его власти и господства над ней. Научный разум приобретает статус высшей инстанции в процессе познания природного мира, а цивилизация движется вперед к прогрессу как смыслу человеческой истории.

Данный тип отношений общества и природы можно обозначить как научно-технологический, отражающий смену приоритетов в экономической жизнедеятельности социума. Ориентир на индустриализацию способствовал развитию экстенсивной формы природопользования и расширению искусственной среды обитания социума, которая в ещё большей степени его дистанцировала от естественной природы. Сущность научно-технологической модели определяется традицией «управления природой», которая институализировалась в культуре не столько в качестве мировоззренческой, сколько экономической парадигмы. Человек, ведущий натуральное хозяйство, не может не испытывать пиетет по отношению к природе тем более, что культурная традиция транслирова-

ла образцы природопользования, закрепляя их в социальной практике. Проблема состояла в том, что почитание природы, определяющее суть мировоззренческой культуры земледельцев, наталкивалось на их объективное экономическое положение, что вынуждало людей нарушать вековые принципы природопользования. Посему дилемма порой была неразрешима.

Так, в белорусской истории природопользования второй половины XIX и в начале XX в. зафиксировано, что экономическое положение помещичьих и крестьянских хозяйств было разным, поскольку уровень применяемых ими технологий не сопоставим: у первых были лучше удобрения, обработка, рациональный севооборот. Это приводило к тому, что крестьяне вынуждены были брать землю (ляды) в краткосрочную аренду и при этом культивировать так называемое «лядиное хозяйство» (подсечно-огненное земледелие), т. е. путем выжигания леса его расчищали, тем самым, увеличивая хозяйственные угодья. В результате краткосрочные арендаторы не особенно стремились заботиться об арендуемых участках, что приводило к хищнической эксплуатации последних. К тому же система лесного хозяйства была крайне экстенсивной: вырубались леса для производства дров, строительных материалов, экономика страны требовала сбыта лесных продуктов на внешний рынок и др. [6, с. 75, 77]. Этот конфликт людей с окружающей их природой порождён объективно сложившимися обстоятельствами их жизни. Природа как сфера естественного мира не имела правового статуса, т. к. законодательство охраняло и защищало собственность помещика, куда включались и природные богатства, которыми он владел, т. е. они попадали под юрисдикцию государственного органа весьма опосредовано.

Реальные предпосылки к конструктивному изменению представлений о природе и адекватной социальной практике связаны с двумя революциями в естествознании: дисциплинарной революцией в науке (первая половина XIX в.) и глобальной революцией (рубеж XIX–XX вв.). Первая, ознаменовалась превращением естествознания из эмпирической науки в развитое теоретическое знание, вторая – означала переход от классической к неклассической физике. Несмотря на то,

что дисциплинарное естествознание ещё базировалось на рецептурных предписаниях ньютоновской механики, но уже благодаря работам Дж. Максвелла и Л. Больцмана происходит качественная трансформация самого предмета физики: им становятся сложные системы с большим количеством элементов. В расшатывание господствующей механической картины мира свою лепту вносит и принцип эволюционизма, ренессанс которого связан с развитием химии, биологии, геологии, изучение объектов которых выявило их качественное отличие от объектов физики. Новизна неклассических идей связана с эволюционным объяснением живых и геологических систем, превращением химических элементов и др. Так, уже Д. И. Менделеев утверждал, что если для механики «вещество есть система весомых точек, почти чуждых индивидуальности и лишь состоящих в известном подвижном равновесии. Для химии же это целый живой мир с бесконечным разнообразием индивидуальностей, как в самих элементах, так и в их сочетаниях» [5, с. 53].

А научная революция конца XIX – начала XX в. привела к созданию принципиально новых фундаментальных теорий – квантовой механики и теории относительности, повлекших за собой ломку представлений о природном мире не только физики, но и всего естествознания, подвергнув сомнению возможность человека быть его судьёй и контролёром. Квантовая физика разрушает дистанцию между объектом и субъектом, что позволяет нам чувствовать себя «...одновременно и актёрами, и зрителями» (Н. Бор). В связи с этим В. Гейзенберг задаётся, на его взгляд, уместным вопросом: какая же картина природы свойственна современному естествознанию, в особенности же физике? Его ответ вполне конкретен, т. к. в наше время «речь, по сути дела, идёт уже не о картине природы, а о картине наших отношений к природе». Тем самым, «картезианское различие *res cogitans* уже не может служить отправной точкой в понимании современной науки». В поле её зрения «прежде всего – сеть взаимоотношений человека с природой, те связи, в силу которых мы, телесные существа, представляем собой часть природы, за-

висящую от других её частей, и в силу которых сама природа оказывается предметом нашей мысли и действия только вместе с самим человеком» [3, с. 303–304].

Движение к освоению саморегулирующихся систем позволяет природу рассматривать в качестве сложной динамичной системы, поэтому картина природы не является точным и окончательным её портретом. К тому же современное «видение природы претерпевает радикальные изменения в сторону множественности, темпоральности и сложности» (И. Пригожин). В свою очередь, это требует от наблюдателя, осуществляющего познавательную деятельность, знания как ориентироваться во времени, т. е. уметь различать прошлое и будущее, без чего немислимо научное исследование природного мира и описание объектов теоретического познания [7, с. 90]. Таким образом, наука вновь открывает для себя время, а овладев новыми измерениями, пришла к выводу, что природный мир обладает возможностью спонтанной активности, поэтому перестает рассматриваться в качестве музея, ибо представляет собой определённую последовательность деструктивных и креативных процессов со многими сценариями развития. Соответственно в таком мире науку интересуют не столько равновесные системы, сколько взаимодействующие с окружающим миром: для них неравновесная термодинамика специально ввела термин «вложенные» системы, обозначающий промежуточные уровни иерархически организованных больших систем. Иными словами, это такие открытые системы (по аналогии их сравнивают с городом, живыми системами), которые могут существовать только благодаря включённости в окружающий их мир.

Таким образом, история науки свидетельствует о том, что она эволюционирует и в этом процессе способна рефлексировать над собственными основаниями, что позволило ей создать о себе новый благоприятный имидж. Постнеклассическая наука сумела отказаться от наукоцентризма и фундаментализма, субъектоцентризма, т. к. субъект признаётся культурно-историческим существом, включённым в природный и социальный мир. Посткритицизм изменяет и отношение

к научной традиции, аккумулирующей прошлый опыт, даже, если он и негативный, то и в этом случае имеет своеобразный продуктивный смысл, он позволяет приобрести новое знание, в этом случае сознание совершает поворот, познавая в другом, чуждом, себя самое (Г. Гадамер).

Постнеклассическая наука стала ориентироваться на изучение природных комплексов, в которые включён и сам человек, т. е. такие объекты называют «человекоразмерными», к которым относят биомедицинские и экологические объекты, биотехнологии, системы искусственного интеллекта и т. д. Освоение столь сложных систем показывает, что уже невозможно создать истинный образ природы в её чистой объективности, поскольку такой тип объектов предполагает включение аксиологических факторов в структуру объясняющих положений, экспликацию связей внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с вненаучными ценностями общесоциального характера. Более того, с этими системами нельзя свободно экспериментировать [8, с. 186].

Общепризнанным лидером в формировании нового образа природы становится синергетика, которую часто определяют как теорию самоорганизации. Её статус междисциплинарной методологии полагается перспективным, ибо эвристические идеи синергетики трансформируют не только прежние образы природы, но и человеческий мир. Соответственно принципам синергетического мировидения формируется и новый стиль мышления, который обозначают как «нелинейное мышление», связанное уже с ситуацией выбора в мире становящегося, возникающего. Поэтому на смену былому чувству «слепой уверенности», что природный мир нам подвластен, к нам приходит «чувство умеренной надежды», что мы сможем вступить с ним в диалог и не перейти точку его бифуркации.

В этом контексте альтернативой «традиции управления» природой становится новая *диалогическая программа*, определяющая идейное ядро «традиции сотрудничества» с ней. Это приводит к формированию *взгляда* на природу как *организмический живой мир*, частью которого мы являемся и включа-

емся во множество её связей и взаимодействий, что предполагает обращение с ней как с *равным партнёром*, по аналогии с межличностной коммуникацией. Субъект-субъектные отношения становятся императивом современных социальных практик и инвайроментальной активности человека. Этический долг человека состоит в том, чтобы вписаться в систему природы и при этом не разрушить её целостности, а, наоборот, заботиться о её благополучии и процветании. Наше отношение к природе определяется как симпатия, выражающаяся в понимании, сочувствии, сострадании, сопереживании и т. п. Человек, познавая природный мир, должен не навязывать ему свои правила игры, а вступать с ним в диалог. Люди не могут полностью контролировать природу, поэтому необходимо отказаться от иллюзии абсолютного знания о ней и изменить силовой способ природопользования.

Данная стратегия активно поддерживается экологической этикой, в рамках которой природа признана в качестве автономного и морально-правового субъекта, при этом ответственность за её разрушение возложена на человека, призванного совершенствовать природный мир и раскрывать его нереализованные возможности, которые не могут раскрыться сами по себе, без его творческого содействия. Определённый вклад в будущее человека вносит биоэтика, ее основатель Ван Ранселер Поттер полагал, что с её помощью людям удастся построить «мост в будущее», соединяющий две культуры – науку и гуманитарное знание.

В этом смысле постнеклассическая наука воплотила в себе эту междисциплинарность, она коррелирует с философским и социально-гуманитарным знанием. Низвергнув иерархическую модель отношений между науками, они признали плодотворным принцип комплементарности и равноправности разного типа дискурса, поскольку характер проблем усложняется и нельзя замкнуться в дисциплинарных рамках. Нобелевским лауреатам 2014 г. в области естественнонаучных номинаций задали ряд интересных вопросов, среди которых был и такой: «Представьте, что у вас есть возможность рассказать о своём открытии одному из учёных или философов

прошлого. Кого бы вы выбрали?». И Эдвар Мозер (премия по физиологии и медицине) неожиданно ответил: «Иммануила Канта. Он объявил пространство... не скажу, что врождённой идеей, но чем-то вроде. Нейроны места (открыл О'Киф) и нейроны координатной сетки, открытые нами, – часть системы, которая заставляет мозг воспринимать пространство. Несколько лет назад мы стали проверять, есть ли эта система у новорождённых детёнышей животных. К моменту, когда те начинают ползать, система уже сформирована. Чтобы развиваться, ей не нужен накопленный опыт. Так что мне доставило бы удовольствие рассказать Канту про работу на эту тему» [4, с. 16].

Сегодня активно обсуждают будущее умных городов (е-сити), умной логистики, умной бюрократии и многое другое, что в перспективе может осуществиться и определять суть нового мира – мира «Индустрии 4.0», основу которой составляют цифровые технологии. В цифровой экономике взаимодействие клиентов должно быть бесшовным, универсальным, прямым, контекстуальным и персонализированным. При единении физического и цифрового мира все активы приносят в цифровой домен, где программное обеспечение доминирует.

Если в XX в. австрийский художник экологического направления в живописи Фр. Хундертвассер разводил сады на крышах домов, формируя тем самым эстетику города, то в XXI в. сити-фермеры хотят создать огороды и хозяйства на крышах домов и в небоскрёбах по целому ряду веских причин.

Все эти и многие другие инновации вселяют надежду, что дальнейшее развитие науки и новые технологии помогут нам сформировать ответственное отношение к миру природы и разработать адекватные ему социальные практики. Поколение миллениалов (Z) выступает гарантом защиты окружающей среды посредством знаний высоких технологий. Остается надеяться, что у них всё получится, и, наконец, природа почувствует себя самоценной.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Л. В. Полякова. М.: Правда, 1989. 606 с. (Сер. Из истории отечественной философской мысли).

2. Вейдле В. В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества / сост. и послесл. И. А. Доброченкова; коммент. И. А. Доброченкова, З. М. Лурье. СПб.: Аксиома, 1996. 333 с.
3. Гейзенберг В. Картина природы в современной физике // Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. С. 290–305.
4. Козловский Б. Согласны на медаль. Четыре эксклюзивных интервью с нобелевскими лауреатами 2014 года // Кот Шрёдингера. 2014. № 2. С. 13–16.
5. Менделеев Д. И. Основы химии: предисловие к 8-му изданию. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 24. 462 с.
6. Пичета В. И. Народное хозяйство во второй половине XIX ст. и в начале XX века // Курс Белоруссоведения. М., 1918–1920. С. 71–84.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Возвращенное очарование мира // Природа. 1986. № 2. С. 86–95.
8. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М.: Высш. шк., 1992. 191 с.
9. Хайдеггер М. Наука и осмысление // Новая технократическая волна на западе. М.: Прогресс, 1986. С. 67–83.
10. Эллюль Ж. Технологический блеф // Философские науки. 1988. № 9. С. 150–177.

УДК 2-13

Юлия Викторовна Гаврилова,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: julia.voitsuk@yandex.ru

Татьяна Владимировна Бернюкевич,
доктор философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии,
Институт фундаментального образования Национального
исследовательского Московского государственного
строительного университета,
г. Москва, Россия,
e-mail: beryukevich@inbox.ru

Нейрофеноменология: проблема метода исследования религиозного сознания

В статье проводится анализ современного, перспективного направления в исследованиях сознания – нейрофеноменологии. Авторы отмечают, что данная область знаний предлагает комплексный подход

к изучению сознания, объединив методы когнитивных наук, нейробиологии, психологии, философии и медитативные практики буддийской традиции. Синтез данных методов даёт хорошие результаты в исследованиях сознания индивида. Авторы приходят к выводу, что применение в научных экспериментах психотехник религиозно-философского характера может также способствовать более детальному изучению индивидуального религиозного сознания и субъективного религиозного опыта.

Ключевые слова: сознание, религиозное сознание, религиозный опыт, нейробиология, феноменологическая редукция, медитация

Yulia V. Gavrilova,

*Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor, Philosophy Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: julia.voitsuk@yandex.ru*

Tatiana V. Bernyukevich,

*Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor,
Associate Professor, Department of History and Philosophy,
Institute of Fundamental Education National Research
Moscow State Construction University,
Moscow, Russia,
e-mail: bernyukevich@inbox.ru*

Neurophenomenology: the Problem of the Method of Researching in Religious Consciousness

The article analyzes the modern, perspective direction in studies of consciousness – neurophenomenology. The authors note that this area of knowledge offers a comprehensive approach to the study of consciousness, combining the methods of cognitive sciences, neurobiology, psychology, philosophy and meditative practices of the Buddhist tradition. Synthesis of these methods yields good results in studies of the consciousness of the individual. The authors come to the conclusion that the use of religious and philosophical psychotechnics in scientific experiments can also contribute to a more detailed study of individual religious consciousness and subjective religious experience.

Keywords: *consciousness, religious consciousness, religious experience, neurobiology, phenomenological reduction, meditation*

Религии всегда привлекали внимание исследователей – философов, теологов, а также учёных, не только социальных, но и естественных наук. Такой интерес объясняется попытками разгадать тайну религий: почему на протяжении сотен

веков миллионы людей посвящают себя и свои жизненные силы служению какому-либо божеству? Они «дарят» своё духовное и материальное существование богам, духам, поклоняясь им и находя в этом наслаждение. Что собой представляет религия? Откуда появился этот древнейший феномен? Если он имеет такое влияние на человека, то может быть, он действительно индуцируется трансцендентной реальностью? Тем более, подтверждений этому много: чудесные исцеления, пророчества, видения, одержимость и т. д. И, скорее всего, адепты различных религий не ограничились бы перечислением вышеприведённых «чудесных» свидетельств о существовании трансцендентной реальности, добавив в этот список ещё порядка 10–20 наименований сверхъестественных явлений. Однако, как пытаются доказать многие исследователи, дело вовсе не в трансцендентных силах. Само ядро религий, их сущность, считают они, сокрыты в сознании индивидов и механизмах его работы [4; 11]. Не случайно индивидуальное религиозное сознание определяется как фундамент любой религии, основание, на котором выстраивается стройная система доктринальности и культово-обрядовой деятельности.

Попытки объяснить формирование религиозного сознания на основании механизмов работы сознания как такового неизбежно наталкиваются на проблему соотношения естественного и социального в обществе и человеке. Это связано с тем, что индивидуальное сознание имеет естественную форму, но социальное содержание. Естественная форма сознания – это закономерности развития психики человека и психосоматические процессы в его организме. Социальное содержание представлено знаниями, идеями, ценностными ориентирами, убеждениями и т. д. Естественная форма и социальное содержание сознания находятся в диалектическом единстве, поэтому правомерно считать, что индивидуальное сознание детерминировано, с одной стороны, внешней средой (системой социокультурных факторов), с другой – работой механизмов, входящих в область внутреннего естественного, т. е. организмом человека, его естественными потребностями и психическими закономерностями [9, с. 150].

Согласно теории взаимодействия естественного с социальным, разработанной Н. Д. Субботиной, естественное выступает предпосылкой появления социального, обуславливает его, делая возможным сам факт существования социального [10]. Этот методологический принцип работает и для сознания индивидов. Естественная форма сознания – это одна из предпосылок функционирования сознания; она делает возможным сам факт наличия сознания. Так как существование религиозного сознания невозможно без функционирования сознания как такового, то, на наш взгляд, данный принцип должен выступать важнейшей методологической основой исследования процессов формирования религиозного сознания. Применение теории взаимодействия естественного с социальным в обществе и человеке оказалось результативным в ходе выявления диалектики естественных и социальных факторов, влияющих на формирование религиозного сознания, что нашло отражение в диссертационном исследовании одного из авторов данной статьи [1]. Исследование показало, что индивидуальное религиозное сознание индуцировано единством естественных и социальных механизмов, формирующих сознание как таковое. Религиозным сознание становится не только под воздействием определённого рода культурконтекстных детерминаций, но огромную роль в этом играют психические и психосоматические реакции организма человека.

В связи с этим, появляется необходимость исследования закономерностей функционирования психики человека как одного из естественных факторов формирования религиозного сознания. Однако возникают сомнения: позволит ли это дополнить систему знаний о религиозном сознании и субъективном религиозном опыте, составляющем ядро религиозного сознания. Позволит ли выявить специфику механизмов переживания религиозного опыта, его получения и передачи? Это связано с тем, что установка на исследование психических и психосоматических реакций организма зачастую приводит к анализу мышления, памяти, восприятия, но не самого религиозного сознания. В то время как особенности психики человека поддаются достаточно успешному изучению, тонкую

грань соприкосновения и взаимозависимости психических процессов и социальных явлений, а также результаты этих взаимозависимостей бывает очень сложно исследовать, тем более с помощью экспериментальных методов.

Решить эту сложную задачу на протяжении всего XX века и до настоящего времени, пытаются учёные, принадлежащие к различным направлениям в области исследования сознания. Среди них такие известные авторы, как Д. Деннет, Дж. Эдельман (функционализм), Т. Нагель (мистерианское направление), Д. Чалмерс и Д. Сёрл (феноменологическое направление) и т. д. Представители данных направлений, применяют различные подходы и методы к изучению сознания. В том числе они используют экспериментальные методы исследований активности головного мозга; с помощью технических средств анализируют воздействие данной активности на психику человека и её функционирование. Также исследователи уделяют особое внимание эмоциональным переживаниям, тактильным ощущениям и т. д.; пытаются выявить закономерности переживания субъективного опыта, определить зависимость сознания не только от психических реакций, но и от работы головного мозга. Однако разрешить так называемую психофизиологическую проблему, то есть проблему соотношения мозга и сознания им не удалось.

Проблема заключается в том, что экспериментальные методы не приносят желаемого результата в исследованиях сознания и субъективного внутреннего опыта, не говоря уже об изучении религиозного сознания и религиозного опыта, которые не поддаются сколько-нибудь успешной фиксации и анализу с помощью специальных технических устройств ввиду своего идеального характера. Поэтому в процессе исследования сознания опора на философию и в частности на феноменологию неизбежна. Так, Т. В. Литвин, характеризуя исследовательские программы, реализуемые на стыке феноменологии и естественных наук, правомерно отмечает: «Авторы принимают в качестве основы для всех направлений и связующего звена для разнородных методик именно феноменологический метод Гуссерля, – благодаря ему теоретико-познавательный

потенциал анализа сознания реализуется в своей целостности, а не как разнонаправленные количественные изыскания» [3, с. 160]. То есть, для нейробиологии, когнитивной психологии, биохимии и многих других наук, исследующих воздействие внутреннего естественного и социального на формировании сознания, фундаментом является философия.

В настоящее время решить проблему метода исследования сознания, выявления его зависимости от функционирования головного мозга и психических реакций, предпринимают учёные, принадлежащие к сравнительно новому направлению в области изучения сознания – нейрофеноменологии. Данное направление интересно тем, что в реализации своих исследовательских программ нейрофеноменологи, помимо феноменологического метода Э. Гуссерля и методов нейронауки, активно практикуют медитацию буддийской традиции. Следовательно, закономерности получения человеком субъективного внутреннего опыта религиозного характера также попадают в сферу исследования нейрофеноменологии и могут успешно изучаться посредством её теоретико-методологического арсенала.

Сложно определить в какую область знаний входит нейрофеноменология – в когнитивную нейробиологию или в философию. Скорее, она представляет комплексный подход к изучению сознания. Соединив в своих трудах достижения философии, биологии и биохимии, основоположники нейрофеноменологии Ф. Варела, Э. Томпсон и Э. Рош заявили о новаторстве в исследовании субъективного опыта и результативности интегрированного применения эмпирических методов, феноменологии, и религиозных психотехник. Показательно то, что разработчики нейрофеноменологии не считают её самостоятельным направлением, а именуют лишь частью исследовательской программы. Так, Ф. Варела пишет: «мой подход является частью более общей исследовательской программы, которую я называю нейрофеноменологией, в которой переживаемый опыт и его природная биологическая основа связаны соответствующими описаниями, взаимно ограничивающими друг друга» [16]. На самом деле, нейрофеноменология за не-

сколько десятков лет существования постепенно превратилась в обширнейшую сферу знаний, одной из основных целей которой является отнюдь не решение психофизиологической проблемы, а попытка определить, а может и выстроить «мостики» между активностью нейронных сетей и опытом сознания.

Для исследования религиозного сознания нейрофеноменология интересна тем, что допускает полезность и результативность применения психотехник религиозного характера, в частности буддийской традиции.

Чтобы лучше понять роль нейрофеноменологии в исследованиях сознания, отметим особо значимые для нашего исследования ключевые положения данной области знаний.

1. Сознание человека необходимо изучать посредством «тройной связки», которая содержит анализ опыта сознания, биологию и биохимию нервной системы, а также исследование нелинейной динамики нейронных сетей.

2. В исследованиях сознания необходим синтез синергетики с интроспективным анализом опыта сознания.

3. Физиология головного мозга и опыт сознания – взаимозависимые области исследования, однако опыт сознания не сводится к психофизическим процессам.

4. Исследования опыта сознания необходимо осуществлять на основании построения моделей нейронных структур, возникающих в момент получения опыта сознания.

5. Важнейшим методом изучения опыта сознания является интроспекция.

6. В процессе исследования опыта сознания применяется система практических методик, а не произвольная регистрация получаемого опыта.

7. Фиксация, «описание» и интерпретация опыта сознания, полученного во время участия в буддийских психотехниках.

Безусловно, все вышеперечисленные ключевые характеристики нейрофеноменологии заслуживают внимания и представляют интерес для исследователей. Однако ограничимся изложением основных положений учения, имеющих определённую ценность для выяснения действительной сущности сознания и получаемого опыта сознания.

Первоначально нейрофеноменология развивалась в рамках когнитивной нейробиологии и была нацелена на исследование процесса познания. У. Матурана и Ф. Варела объясняли это тем, что живые системы являются когнитивными системами, а процесс жизни является процессом познания. Само же познание – это биологический феномен и изучать его следует исключительно с позиций биологии [14]. По мнению нейрофеноменологов, в реализации познания участвуют мозг, нервная система, эмоции, восприятие, поведение и т. д. В дальнейшем исследователи пришли к выводу, что познавать – это не значит пассивно отражать окружающую реальность. Познавать – значит творить, создавать себя и окружающий мир. А в этих процессах ведущая роль принадлежит сознанию. Как оказалось, изучение процесса познания с помощью средств одних естественных наук вряд ли принесёт хороший результат. В итоге У. Матурана и Ф. Варела были вынуждены обратиться к философии с её богатой теоретико-методологической базой. Но всё же, утверждали исследователи, наличие самого сознания возможно только при наличии мозга, психики и непрерывных познавательных актов.

Используя анализ жизнедеятельности сложных живых систем, У. Матурана и Ф. Варела пришли к выводу, что в процессе познания у такого рода систем наблюдается структурная динамика, то есть изменения связей между структурными элементами системы, что свидетельствует о непрерывном развитии системы. Нейрофеноменологи утверждают, что реакция системы на динамику своей структуры это и есть сознание, а опыт сознания – это способность системы фиксировать, показывать, «описывать», изменения своей структуры [16]. Особо стоит отметить, что в нейрофеноменологии сознание понимается не как «внутренние манипуляции» индивида с потоком информации, поступающей из внешней среды. Так, например, У. Матурана пишет: «Нервная система (или организм), естественно, не созданы кем-либо (на подобие компьютера или других машин). Нервная система не “собирает информацию” из внешней среды, как нам часто приходится слышать... Популярная метафора называть мозг “устройством, обрабаты-

вающим информацию” не только амбициозна, но и неверна» [13]. Таким образом, в нейрофеноменологии сознание трактуется как процесс, вызванный внутренней динамикой структуры, как ответ системы на изменения внутри структуры. Такое понимание сознания связано с главным принципом нейрофеноменологии, с её основанием – теорией аутопоэзиса¹.

Динамика структуры системы происходит двумя путями. Первый путь: самообновление системы – обновление связей между элементами структуры за счёт внутренних изменений системы, при этом связи между структурными элементами, обновляются, но остаются неизменными, а сама система сохраняет свою исходную форму и набор «идентификационных» признаков. Второй путь: создание новых связей между структурными элементами за счёт взаимодействия системы со средой. Эти процессы динамики структуры протекают непрерывно и параллельно.

Система реагирует на внешнюю среду структурными изменениями, которые меняют связи между элементами структуры, либо саму структуру системы, а через это, опосредовано, меняется поведение системы, то есть, меняются связи системы со средой. Система хранит память о всех предшествующих структурных обновлениях и изменениях, следовательно, всякое структурное изменение влияет на будущее поведение системы как бы предопределяя его. Из этого следует, что поведение системы диктуется не внешними условиями, не информацией извне, но «памятью», фиксацией всех предыдущих актов динамики структуры. Скорее всего, так и возникает опыт сознания, по крайней мере, так он запечатлевается. В связи с этим, следует сделать некоторые замечания относительно опыта сознания религиозного характера.

---

¹ Аутопоэзис можно интерпретировать как процесс самопроизводства и самовоспроизводства связей внутри структуры системы; так называемая «операциональная замкнутость», но не закрытость системы. Ф. Варела так поясняет теорию аутопоэзиса: «Понятие аутопоэза является определяющим в сдвиге представлений о биологической феноменологии: оно подразумевает, что механизмы, лежащие в основе самопроизводства служат ключом к пониманию как разнообразия, так и уникальности живого» [16]. В данном исследовании теория аутопоэзиса будет затронута лишь косвенно.

Существует точка зрения, что опыт сознания одинаков для всех ситуаций, для всех наблюдаемых явлений и процессов, специфику опыта, своеобразие его характера, придают внешние условия, так называемые, социокультурные детерминации. Иными словами, мы не можем говорить о наличии различных видов опыта сознания, например, о получении мистического опыта, о получении опыта религиозного характера, о переживании опыта изменённых состояний сознания и т. д. Однако, в то же время мы не можем утверждать, что, интересующий нас религиозный опыт составляет переживание уникальных, исключительно сверхъестественных состояний и что в этот момент нейронные сети ведут себя также особым «сверхъестественным образом». Напротив, в моменты получения религиозного опыта были зафиксированы стандартные изменения нейронных сетей [15]. Все же сошлёмся на исследование Г. Ньютон-Мэлони, который пытается доказать, что религиозный опыт специфичен, то есть количественно и качественно отличается от всех остальных переживаний, но все же не является чем-то сверхъестественным. Г. Ньютон-Мэлони пишет: «Переживание религиозного опыта отличается от всех остальных переживаний. Качественно – поскольку уникален его предмет – общение с божественным; количественно – интенсивность переживания просто огромна» [4]. Позволим себе согласиться с точкой зрения исследователя. Действительно, религиозный опыт специфичен уже тем, что не имеет во внешней среде воспринимаемого реального объекта, воздействующего на органы чувств. Но, несмотря на это, субъективный религиозный опыт настолько сильно и глубоко переживается индивидом, что подчас вызывает психическую зависимость, возможно даже сродни наркотической; индивид стремится вновь и вновь ощущать, либо переживать присутствие трансцендентного и некую связь с ним. Здесь речь идёт не о чувствах и ощущениях, доступных в опыте каждому индивиду в любой момент времени. А именно о глубинных переживаниях, иногда связанных с достижением изменённых состояний сознания, переживание которых требует особого исследования. Однако в область исследования нейрофеноме-

нологии измененные состояния сознания не входят, но опыт сознания, получаемый индивидом в религиозных практиках, исследован достаточно полно. И здесь на первый план выходят феноменология, индивид и метод интроспекции.

В нейрофеноменологии одной из сложных систем, участвующих в процессе познания, является индивид. Сложная система такого рода носит название – наблюдатель. «Индивид-наблюдатель» может впитывать, интериоризовывать и интерпретировать информацию из внешней среды, но только в моменты «волнений» внутри структуры, в нашем случае, в моменты структурной динамики нервной системы и мозга.

Наблюдатель – это ключевая фигура в исследованиях сознания, проводимых нейрофеноменологами. Наблюдение, как отмечал У. Матурана, «является основной точкой отсчёта и наиболее фундаментальным вопросом любой попытки понять реальность и причину феномена сознания» [13, с. 27]. На самом деле, пишет исследователь, всё сказанное сказано одним наблюдателем другому наблюдателю [13]. Под наблюдением нейрофеноменологи, прежде всего, понимают самонаблюдение и самоанализ, фиксацию полученного опыта сознания и его описание от «первого лица». Основной операцией наблюдения является различение явлений и процессов, то есть выделение чего-либо, в том числе и себя из фона общего потока событий реальности. Здесь речь идёт не о чём ином как о феноменологическом методе, составляющем, по мнению разработчиков нейрофеноменологии, особо важную часть любого эксперимента исследования сознания.

В нейрофеноменологии наблюдение происходит одновременно с фиксацией и анализом активности нейронных сетей в момент получения опыта сознания. Однако запись и анализ активности нейронных сетей производится от «третьего лица», в то время как наблюдение предполагает исключительно интроспективность, не противоречащую методу феноменологической редукции. По мнению создателей нейрофеноменологии, использование в естественно-научных экспериментах метода феноменологической редукции носит эвристический характер, так как только этот метод позволяет получать «живые» сведения об опыте сознания. Ф. Варела по этому поводу

отмечает: «Я настаиваю на том, чтобы выдвинуть на первый план этот основной принцип феноменологического подхода, так как исследования сознания часто очень быстро переводятся в эмпирический поиск физических коррелятов сознания. Нам нужно неоднократно возвращаться к этому вопросу, поскольку, только феноменологические мосты позволяют оценить глубину сознания, позволяют сохранить связи с живым опытом» [16, с. 336]. Согласимся с данным утверждением, так как выводить сознание исключительно из колебаний нейронных сетей, определять сознание только посредством физической природы, не совсем верно. Скорее всего, здесь необходим комплексный подход, но всё же с приоритетными позициями феноменологического метода, предполагающего «...сосредоточение только на том, что открывается сознанию и отказ от любой попытки суждения о возможном мире, находящемся за гранью сознания, трансцендентном ему» [8, с. 147]. Однако стоит отметить, что нейрофеноменологи вносят существенные дополнения в понимание феноменологического метода. Во-первых, они считают, что противопоставление фиксации и описания опыта сознания от «первого лица» и фиксации и описания опыта сознания от «третьего лица» ошибочно. Мы поддерживаем данную точку зрения, так как считаем, что интроспективность характерна для любого эксперимента по исследованию сознания, связанного с описаниями полученного опыта. Безусловно, значительная роль в любых экспериментах отводится анализу сознания «от третьего лица», то есть объективной позиции наблюдателя. Однако именно наличие субъекта в экспериментах, суждения субъекта об опыте сознания, уже предполагают анализ сознания «от первого лица» даже там, где интроспекция не применима. Известный исследователь сознания Д. Деннет так характеризует примирение эмпирических стратегий: «Сами суждения субъекта об опыте сознания являются первичными данными для исследования, суждения не есть сообщения о данных, а сами данные» [цит. по: 12]. Однако здесь возникает опасность исследования не самого феномена сознания, а представлений индивида об опыте сознания, исследование его опыта суждений, мнений и т. д.

Во-вторых, в нейрофеноменологии подразумевается, что феноменологическая редукция преобразует так называемый наивный опыт (скорее всего физической природы) в рефлексивный опыт второго порядка. Процесс такого преобразования базируется на глубоком понимании переживаемых явлений, использовании рассуждений и описаний опыта сознания, а также на стабильности систематической практики работы с сознанием. Последнее положение отсылает нас к применению методов отнюдь не научного, а скорее религиозно-философского, либо мистического характера – медитативных практик буддийской традиции.

Некоторые разработчики нейрофеноменологии, в частности Ф. Варела, в ходе экспериментального исследования сознания и изучения опыта сознания придавали большое значение применению медитации. Ф. Варела усматривал в этом огромный потенциал для дальнейшего развития науки о сознании. Поэтому, благодаря его стараниям, в Европе были открыты научно-исследовательские центры по изучению сознания на основании буддийских практик. Но самый значительный вклад Ф. Варелы в популяризацию медитативных практик как одного из экспериментальных методов изучения сознания, состоит в организации ряда конференций по обсуждению проблем взаимодействия науки и буддийской философии, точнее, перспектив применения буддийских практик к научным исследованиям. В дальнейшем был открыт международный институт «Ум и Жизнь» по изучению положительных и отрицательных эффектов на сознание и организм человека от длительных медитативных практик.

С нашей точки зрения, применение медитации не противоречит исследованию сознания и может оказаться довольно результативным, однако возникают сомнения относительно формирования целостной системы научных знаний о получении субъективного внутреннего опыта и, тем более, выявления зависимостей данного опыта от нейронных сетей.

Отметим, что термин «медитация» имеет западное происхождение и предполагает «состояние глубокой сосредоточенности на избранном объекте, часто сопровождаемое нео-

бычными переживаниями в сознании и ощущениями в теле» [5, с. 98]. Также медитация включает в себя методы психической тренировки и развития. Медитативным практикам необходимо учиться, проходя все стадии обучения постепенно, поэтапно. Только соблюдая строгую систематичность в постижении психотехники, можно достичь действенных ментальных состояний, получающих реальное воплощение в психосоматических реакциях организма. «Таким образом, медитация есть средство превращения трансцендентного в имманентное, в терминах индийской философии – превращение того, что следует реализовать, доказать, обосновать (садхьям), в реализованное, доказанное, обоснованное (сиддхам)» [6, с. 463]. Иными словами, воплощение ментальных состояний в реальность – это и есть опыт. Главная особенность буддийской медитации – осознанность, предполагающая контроль медитативной практики со стороны сознания, при полном бодрствовании «наблюдателя».

Всё вышеизложенное полностью соотносится с подготовкой и проведением исследовательских экспериментов по изучению сознания нейрофеноменологами. Точнее, нейрофеноменологи выстраивают свои экспериментальные действия в соответствии с буддийскими медитативными практиками. Они с помощью технических средств фиксируют и анализируют данные опыта сознания, полученные от «наблюдателей» систематически и продолжительное время практикующих медитацию. Их эксперименты предполагают: «(1) культивирование систематической способности к рефлексии; (2) глубоко интимное понимание явления; (3) использование рассуждений, без которых интуиция слепа; (4) стабильность» [7, с. 427]. Таким образом, буддийская созерцательная традиция обеспечивает нейрофеноменологам отличную подготовку в исследовании сознания интроспективно. Буддийская медитация учит постоянному вниманию и аналитическому распознаванию индивидуальных психических процессов «наблюдателя».

Нейрофеноменологи считают, что буддийская философия за многовековую историю существования накопила крупнейший практический опыт работы с сознанием, который не-

обходимо использовать в научных целях, а не отказываться от него как содержащего фантазийные элементы. Западная наука, в свою очередь, располагает новейшими техническими средствами, предоставляющими возможность исследовать сознание и опыт сознания во время погружения в медитацию. Кроме того, медитативные практики не противоречат феноменологической философии с её методом феноменологической редукции и могут успешно применяться совместно.

Подход к исследованию сознания и методы изучения сознания, предложенные нейрофеноменологией, на наш взгляд, оправданы и результативны. Это подтверждается тем, что области когнитивной науки и нейронауки феноменологическая философия, медитативная практика имеют собственную степень автономии, то есть собственные специфические методы и средства, мотивы, проблемы, но они также имеют общие сферы исследования, обмениваются уникальными знаниями, достигнутыми на грани их пересечения.

Список литературы

1. Гаврилова Ю. В. Диалектика естественных и социальных факторов формирования религиозного сознания (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Чита, 2011. 159 с.
2. Капра Ф. Скрытые связи. М.: София, 2004. 361 с.
3. Литвин Т. В. Время, восприятие, воображение. Феноменологические штудии по проблеме времени у Августина, Канта и Гуссерля. СПб.: Гум. акад., 2013. 208 с.
4. Ньютон-Мэлони Г. Религиозный опыт: феноменологический анализ уникального поведенческого события. 1992. № 4. С. 15–21.
5. Пахомов С. В. Индуизм: Йога, тантризм, кришнаизм. СПб.: Амфора, 2002. 172 с.
6. Парибок А. В. Медитация // Философия буддизма: энциклопедия / отв. ред. М. Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. М.: Вост. лит., 2011. С. 460–463.
7. Прись Е. И. О проблеме объяснительного провала в философии сознания // Философия и культура. 2015. № 3. С. 421–429.
8. Савельев А. Е. Феноменология сознания // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. № 1. С. 147–149.
9. Субботина Н. Д. Социальная эволюция и поведение человека: диалектика естественного и социального, сохранения и развития. М.: Ленанд, 2014. 432 с.

10. Субботина Н. Д. Социальное в естественном. Естественное в социальном. М.: Прометей, 2001. 193 с.
11. Торчинов Е. В. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. 2-е изд., испр. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 384 с.
12. Gallagher S., Zahavi D. The Phenomenological Mind: An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Science. London: Routledge, 2008. 244 p.
13. Maturana H., Varela F. J. The Tree of Knowledge. Shambhala; Boston, 1987. 231 p.
14. Maturana H., Varela F. J. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living, Boston Studies // Philosophy of Science. 1980. Vol. 42. 171 p.
15. Tononi G., Edelman G. Consciousness and Complexity // Science. 1998. Vol. 282. Pp. 1846–1851.
16. Varela F. J. Neurophenomenology. A Methodological Remedy for the Hard Problem // Journal of Consciousness Studies. 1996. No. 4. Pp. 330–349.

УДК 101 + 572.1/.4 + 304.2

Юлия Владимировна Дедолко,
*магистр философии,
старший преподаватель кафедры философии
и методологии науки,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: dedolko@mail.ru*

**Трансдисциплинарные исследования
и интегративный статус философии
в развитии концепции социального капитала**

Статья посвящена проблемам взаимодействия естественных и социогуманитарных наук в исследованиях социального капитала. Современные исследования в биологии и антропологии выявили эволюционное происхождение, генетическое закрепление и распространение основных форм социального поведения людей и обосновали концепцию генно-культурной эволюции человечества. Автор статьи обосновывает интегративный статус философии и перспективы синтеза естественных и социогуманитарных наук в исследованиях социального капитала.

Ключевые слова: *социальный капитал, антропосоциогенез, социобиология, трансдисциплинарные исследования*

Julia V. Dedolko,
*Master of Philosophy,
Senior Lecturer of the
Department of Philosophy
and Methodology a Science,
Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus,
e-mail: dedolko@mail.ru*

Transdisciplinary Research and Integrative Status of Philosophy in Development of the Concept of Social Capital

The article is devoted to the problems of interaction of natural and sociohumanitarian sciences in the studies of social capital. Modern studies in biology and anthropology have revealed the evolutionary origin and genetic fixing and spreading of the basic forms of social behavior of people and substantiated the concept of the genetic and cultural evolution of mankind. The author of the article justifies the integrative status of philosophy and the prospects for the synthesis of natural and sociohumanitarian sciences in studies of social capital.

Keywords: *social capital, anthroposociogenesis, sociobiology, transdisciplinary research*

Публикация исследования американского социолога Л. Дж. Ханифана, где впервые формулируется концепт «социальный капитал», пришлась на начало XX в. Анализируя деятельность сельских общин в статье «State Supervisor of Rural Schools» (1916), он использует выражение «социальный капитал» как метафору для обоснования высокой роли неформальных взаимодействий людей (доброжелательности, общения, взаимной симпатии и социального единения) в решении «...своих рекреационных, интеллектуальных, моральных и экономических условий» [14]. Сегодня концепция социального капитала, значительный вклад в развитие которой внесли П. Бурдьё, Дж. Коулман, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма и др., имеет дискуссионный теоретический статус, но находит широкое применение в эмпирических исследованиях ряда социальных феноменов в социогуманитарных науках. В состав социального капитала включают доверие, альтруизм, солидарность, во-

площённые в социокультурных нормах и традициях, реализующиеся посредством процессов социальной самоорганизации и саморазвития и составляющие базис основных исторически сложившихся институтов (этических, религиозных, социальных, экономических, политических).

Большинство исследователей согласны с тем, что сущность социального капитала заключается в выражении его в качестве общественного блага, однако его производителем и носителем является человек, как основной элемент общественной структуры. В настоящее время актуальна синтетическая эволюционная парадигма, в которой философия обретает интегративный статус и обеспечивает трансдисциплинарный анализ исследуемого явления, позволяя осуществить синтез дисциплинарных исследований для получения его наиболее полной и объективной картины. Поэтому нам представляется обоснованным при изучении социального капитала исходить из биологического, психологического и социального триединства человека. Современные исследования в области дисциплинарных направлений биологии (социобиология, нейробиология) и антропологии (физическая, социокультурная) свидетельствуют о том, что эволюционные преобразования, приведшие к появлению человека и общества, включали два направления изменений – эволюционные преобразования биологии гоминид и изменения общественных отношений.

Выступая на Всероссийской конференции «Социальный капитал современного общества» в 2012 г. в СПбГУ, философ и социолог О. И. Иванов высказал небезосновательный тезис о том, что «социальный капитал, вероятно, существует столько времени, сколько существует человечество» [11]. Историко-философская реконструкция взглядов на проблему антропосоциогенеза показывает, что феномены, включаемые современными исследователями в состав социального капитала, перманентно присутствуют в фокусе внимания европейской философии и науки. Зачатки эволюционных идей о происхождении жизни, человека и общества появляются у древнегреческих натурфилософов Анаксимандра, Эмпедокла, Демокрита, Парменида: «...они отвергали всякое уча-

стие богов в создании тех или иных явлений; на их место они ставили природу с её порождающей силой и присущей ей необходимостью и даже самих богов трактовали как природные существа» [3]. Демокрит рассматривал происхождение и становление человека и общества как часть естественного процесса мирового развития, в ходе которого люди сформировали основные навыки, необходимые для общественной жизни, а затем на их основе создали искусственные установления в виде полисной государственности и законов. Рассматривая проблему происхождения государства, Платон говорит, что оно возникает из-за естественной потребности людей к объединению с целью облегчения условий своего существования. Аристотель, которого Б. П. Карпов называет предтечей эволюционной концепции, считает, что человек природой создан к общественному общежитию и жизнь вне социума для него невозможна, даже умственную и нравственную силу, присущую человеку, Аристотель называет оружием, данным ему природой. Эпикур формулирует идею договорного происхождения государства, целью которого является обеспечение взаимной безопасности людей, преодоление их взаимного страха и не причинение друг другу вреда. Цицерон считает, что правовые законы, предназначенные для соблюдения справедливости и равенства, должны следовать естественному закону и соответствовать сложившемуся в государстве строю, традициям и обычаям предков.

С распространением христианства прежние представления о мире, месте и роли человека в нём трансформируются. Согласно христианскому мировоззрению, человек создан актом божественного творения, в силу чего имеет двойственную природу – материальное тело и бессмертную душу, а государство создано Богом в наказание людям за первородный грех (Августин Аврелий, Фома Аквинский). В ренессансной философии вопрос о происхождении человека по-прежнему трактуется с позиций христианского креационизма, но большую роль начинает играть понятие человеческой деятельности, общество понимается как союз свободных и равных творческих личностей, ставятся вопросы светского управления государ-

ством. Н. Макиавелли в труде «Государь» к факторам, влияющим на успешность государственной политики, причисляет соблюдение правителем обычаев предков, прежних порядков и культурных особенностей, обращает внимание на необходимость взаимодействия государя с подданными. Т. Мор главной добродетелью жителей острова Утопия называет «...жизнь, согласную с законами природы» [7], а главным удовольствием – альтруизм: «...отнять что-нибудь у себя самого, чтобы придать другим, есть исключительная обязанность человеколюбия и благожелательности; эта обязанность никогда не уносит нашей выгоды в такой мере, в какой возвращает её. Подобная выгода возмещается взаимностью благодеяний» [Там же]. Т. Кампанелла представил свой проект утопии «Город Солнца» где процветает демократия; управление находится в руках мудрейших людей, которые занимаются справедливым распределением жизненных благ и почитаются народом.

Мыслители Нового времени ищут рациональное объяснение причин возникновения государства и разрабатывают теорию общественного договора. Г. Гроций определяет государство как совершенный союз свободных людей, заключённый ради соблюдения права и общей пользы. Основой законов является естественное право, базирующееся на предписаниях разума и требованиях морали, признающее необходимость взаимных обязательств и сотрудничества между людьми. Согласно Т. Гоббсу, общество в естественном состоянии – это общество без доверия, где «...словесные обязательства слишком слабы, чтобы они могли обуздывать честолюбие, корыстолюбие, гнев и другие страсти» [2]. Гражданские законы должны разрабатываться на основе естественных, суть которых Т. Гоббс сводит к афоризму: не делай другому того, чего ты не желал бы себе. Дж. Локк также исходит из посылки существования естественного состояния, но трактует его как состояние равенства и полной свободы в границах закона природы и разума, в котором каждый должен «...сохранять остальную часть человечества» [4]. Государство возникает только тогда «...когда люди взаимно соглашаются вступить в единое сообщество и создать одно политическое тело» [Там же] с целью обеспе-

чения жизни, соответствующей человеческому достоинству, безопасности и защиты от войн. Основой для объединения служат знакомства, дружба и доверие друг к другу, особенно на начальных стадиях социогенеза.

Французский мыслитель эпохи Просвещения Ш. Л. Монтескьё также разделяет естественное и государственное состояния и соответственно им законы – на естественные (желание людей жить в обществе, стремление к миру и взаимоотношениям на основе взаимных просьб) и гражданские (базирующиеся на справедливости). При установлении законов необходимо обращать внимание на характер и свойства народа, его образ жизни и численность, присущие ему склонности, обычаи и нравы. Ж.-Ж. Руссо предлагает концепцию Политического организма, созданного на основе «...подлинного договора между народами и правителями» [10]. Основой законов должны выступать взаимная и исходящая от разума справедливость, соглашения и общая воля. Ж.-Ж. Руссо различает четыре вида законов, целью которых являются свобода и равенство: политические, гражданские, уголовные и «...наиболее важные из всех – нравы, обычаи и особенно мнение общественное» [Там же]. При создании законов необходимо учитывать род занятий, степень зрелости и нравов народа.

В классической немецкой философии традицию разделения на естественное и государственное состояние общества продолжает И. Кант. Переход к гражданскому обществу осуществляется путём осознания людьми нравственного долга и уважения к естественному праву, поэтому заключить общественный договор, в результате которого возникает государство, могут только люди с развитой моралью. Общественный договор заключается с целью взаимной выгоды и в соответствии с категорическим императивом, имеющим априорную природу. Согласно Г. В. Ф. Гегелю, гражданское общество – это антагонистическое общество, охватывающее сферу бытия граждан и их объединений, наполненное противоречиями по причине реализации частных интересов. С одной стороны, гражданское общество опосредует собой переход от семьи к государству, с другой стороны, оно вторично по отношению

к нему. Процесс развития общества – это процесс становления свободы в мире посредством становления и реализации нравственности в три этапа: семья как непосредственный, или природный, нравственный дух; гражданское общество, возникающее в процессе утраты единства семьей; собственно государство, в котором достигается тождество особенного и всеобщего, а нравственность получает объективность и действительность как органическая целостность.

Возвращаясь к проблеме происхождения человека, стоит отметить, что христианское мировоззрение обусловило господство креационистской модели антропосоциогенеза до середины XIX в. Даже в Новое время, в XVIII в. К. Линней, несмотря на соседство человека и обезьяны в созданной им научной классификации растительного и животного мира, считал человека венцом божественного творения. Начавшиеся в эпоху Возрождения процессы секуляризации, развитие науки, географические открытия способствовали накоплению фактического материала и требовали усовершенствования методик в области антропологических и социальных исследований. XIX в. ознаменовался кризисом философии и ростом научного знания. В этот период происходит демаркация наук на естественные и социогуманитарные, произрастающая, на наш взгляд, из мировоззренческих установок и культурных универсалий европейской цивилизации. Как отмечает И. Р. Пригожин, одной из причин, породившей два противоположных способа видения универсума стало следование принципам детерминизма и отрицание фактора времени в философии и науке классического периода. Несмотря на тенденцию к разграничению естественных и социогуманитарных наук, процесс становления и развития последних происходил под влиянием естествознания. Это нашло отражение в позитивизме (О. Конт, Д. С. Милль, Г. Спенсер), ориентировавшимся на методологический инструментарий естествознания, однако, настаивавшим на трактовке общества, как уникальной сверхприродной реальности.

В качестве предпосылок формирования концепции социального капитала стоит отметить работы французского политолога и историка А. Токвиля, философов и социологов

Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма, М. Вебера. Одной из цитируемых современными исследователями социального капитала (Р. Патнэм, Ф. Фукуяма) работ является «Демократия в Америке» (1835–1840) А. Токвиля, где он описывает выраженную тенденцию к гражданскому объединению и общественной деятельности у американцев, которая и стала причиной развития и укрепления демократии. В контексте исследований социального капитала необходимо обратить внимание на понятие сплочённости, посредством которого Г. Зиммель описывал благоприятные отношения между людьми, и понятие конфликта как формы взаимодействия в процессе удовлетворения пересекающихся интересов индивидов и социальных групп. Конфликты – необходимое универсальное свойство социальной жизни, а возможность их разрешения зависит от степени сплочённости социальной группы. Э. Дюркгейм в работе «О разделении общественного труда» (1893) утверждает, что основная функция разделения труда – поддержание социальной солидарности, являющейся высшим моральным принципом, универсальной ценностью, признающейся членами общества. Эвристическим потенциалом в исследовании феномена доверия обладает типология социального действия М. Вебера. Поскольку целерациональное действие – это сознательное определение целей и средств, отказ от предшествующего опыта, оно может стать выражением недоверия. И наоборот, ценностно-рациональное действие с верой в неизблемую ценность какого-либо поведения, становится формой выражения доверия. Автор концепта «социальный капитал» Л. Д. Ханифан, вторя Аристотелю, подчёркивает беспомощность человека, полностью предоставленного самому себе. Даже объединение членов одной семьи не в состоянии удовлетворить потребность быть частью более крупной группы. В процессе взаимодействия с ближними происходит накопление социального капитала, который обладает способностью удовлетворять социальные потребности людей и возможностями существенно улучшать условия жизни общества: «Сообщество в целом выиграет от сотрудничества всех своих частей, в то время как человек найдёт в своих ассоциациях преимущества в виде помощи, сочувствия и общения со своими соседями» [14].

В конце XIX – начале XX в. начинает формироваться неклассический этап развития науки и продолжается институализация социогуманитарных наук. Уходя, с одной стороны, от механицизма и биологизма классического этапа, представители философии и социогуманитарных наук неклассического этапа, с другой стороны, испытывали влияние идей эволюционизма. Теория эволюции дополняется антропологическими исследованиями, где наряду с изучением физических особенностей развития различных рас и народов формируется интерес к специфике быта, структуре социальных отношений, религиозным верованиям, культурным традициям. Направлением, развивающим эволюционную теорию и экстраполирующим её на культуру, является функционализм, методология которого была разработана антропологом Б. Малиновским, подчёркивавшим, что именно «...антропология, участвующая в создании научного образа своего предмета, а именно культуры, способна оказать другим гуманитарным наукам крайне важную услугу» [6, с. 17], обеспечив их широким спектром знаний и придав им новый импульс в развитии. Погружаясь в жизнь более простых культур, современное человечество имеет возможность взглянуть на себя издали и с новыми критериями подойти к своим порядкам, убеждениям и обычаям.

Функциональный анализ культуры Б. Малиновский начинает с постулирования её прочной взаимосвязи с материальным окружением и биологической природой человека, подчёркивая диалектическую взаимосвязь природного и культурного: «...биологический детерминизм неизменно навязывает поведению человека некоторые последовательности, которые должны быть включены в любую культуру» [Там же, с. 72], но и «...культура налагает на человеческое поведение детерминизм особого типа» [Там же, с. 102]. Всякая базовая, как правило, физиологическая, потребность вызывает адекватный культурный ответ, который регламентирует порядок её удовлетворения и закрепляет в виде сложной сети социальных институтов, подразумевающей наличие систем обучения и властного управления, передающейся посредством традиции и трансформирующейся в результате

социокультурного развития или диффузии. Б. Малиновский подчёркивает, что все виды человеческой деятельности могут быть классифицированы в рамках четырёх инструментальных императивов (обучения, экономики, обычаев и законов, политической власти), подчинение которым столь же абсолютно, что и следование биологическим детерминантам и, более того, может оказывать на них негативное воздействие: «... сбой в социальной кооперации или неисполнение норм приводит к разрушению или истощению в чисто биологическом смысле» [6, с. 104]. Одним из важнейших условий выживания индивида и общности является способность к сотрудничеству и взаимопомощи, трансформирующая биологическую борьбу за выживание в принцип конкурентности. В работах «Динамика культуры», «Магия, наука и религия» Б. Малиновский показывает, как различные феномены культуры выполняют функции единения, способствуют сотрудничеству, вырабатывают принципы и нормы взаимодействия, воспроизводимые посредством культурной традиции и передаваемые путём воспитания и обучения. Б. Малиновский уделяет также большое внимание процессу формирования идеи дара в первобытных обществах, осознанию важности обмена дарами на различных стадиях социальных контактов.

На исследования Б. Малиновского опирается М. Мосс в работе «Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах», где он анализирует процессы обмена в ранних обществах. Он отмечает их включённость в сложную структуру социальных взаимоотношений и подчёркивает свободный и безвозмездный, но одновременно принудительный и небескорыстный характер, подразумевающий, однако, не стремление извлечь прямую выгоду или прибыль, а ожидание взаимности и обязательного возмещения даров, добровольность и великодушные процессы. М. Мосс отмечает, что процессы дарообмена можно считать зачаточной стадией функционирования рынка. Однако, в отличие от рыночного обмена, актором в процессе дарообмена выступают не индивиды, а коллективы, а циркуляция благ является лишь одним из типов отношений в рамках более широкого и постоянно-

го общественного договора. Для общего именования ранних форм обмена М. Мосс использует индейское слово «потлач», изначально означающее «кормить», «расходовать». Этимология этого понятия отсылает нас к исследованиям Р. Докинза и Э. Уилсона, доказывающим, что ранние формы альтруизма в социальных группах как людей, так и животных, связаны именно с процессом распределения пищи среди членов сообщества. Однако в человеческих сообществах потлач наделяется символическими функциями, важнейшая из которых – формирование сплочённости. М. Мосс называет потлач тотальным феноменом, связывающим воедино все аспекты ранних обществ: правовой, религиозный, мифологический, магический, экономический, этический, эстетический, социально-морфологический. М. Мосс считает, что «...мораль и экономика подобного рода продолжают постоянно и, так сказать, подспудно функционировать и в наших обществах» [8], понимание чего может служить для выявления и анализа различных проблем современности.

Как показывают исследования К. Полањи и Ф. Броделя, опирающихся на работы антропологов и метод исторической реконструкции, обмен всегда был встроен в систему социального взаимодействия и обусловлен ею. Система рыночного обмена складывалась продолжительное время и регламентировалась нормами поведения в рамках традиционных обычаев и религиозных догм, но капиталистическая экономика, функционирующая на принципах стихийной саморегуляции и максимизации прибыли, способствовала кардинальной трансформации общества: «Теперь уже не экономика «встраивается» в систему социальных связей, а социальные связи – в экономическую систему» [9]. Феномены, которые экономисты трактуют как товары или капитал, согласно К. Полањи, обретают этот статус лишь в классической политэкономической концепции «человека экономического», по природе склонного к обмену и торговле. Современные исследования показывают, однако, что лишь 5–7 % людей стремятся достичь успеха в бизнесе. Средний мировой показатель доли предпринимателей по отношению к трудоспособному населению составляет 6,7 % [1].

Эти данные наглядно демонстрируют апокрифичность тезиса А. Смита о природной предрасположенности человека к торгу и обмену, поскольку она характерна для невысокого процента людей. Напротив, такие качества, как социальность, альтруизм, сотрудничество обнаруживают свою тотальность и укоренённость в биологической природе человека.

Основатель социобиологии Э. Уилсон в работах «О природе человека», «Смысл существования человека», «Хозяева Земли. Социальное завоевание планеты человечеством», опираясь на эволюционную теорию Ч. Дарвина, популяционную генетику, эволюционную экологию, нейробиологию, эволюционную психологию и антропологические исследования, обосновывает тезис о том, что «социальное поведение обусловлено генетически и является формой приспособленности организмов к окружающей среде» [12] и развивает концепцию генно-культурной эволюции. Он анализирует причины дистанцированности и обособленности социогуманитарных наук, изучающих феномены человеческой и общественной жизнедеятельности в отрыве от их биологического субстрата, и находит их в сложившихся мировоззренческих установках, имеющих большое влияние и на академическую мысль. Э. Уилсон отмечает, что недостатком философско-этических систем, занимающихся исследованиями природы ценностей, является отсутствие эволюционной перспективы, ведущее к изучению морально-нравственных принципов исходя из их последствий, а не причин. Решением проблемы с целью определения смысла и ценностей дальнейшего человеческого бытия, по Э. Уилсону, является синтез социогуманитарных наук с биологией, что развивает идеи Б. Малиновского: «...не только антропология, но и наука о человеке вообще, включая все общественные науки, ... может и должна содействовать построению общего научного базиса, который по необходимости окажется одинаковым для разных направлений изучения человека» [6, с. 17].

Социобиология осуществляет синтез этологии, экологии, генетики, антропологии. Основной её метод – сравнение социальных видов, основанное на огромном эмпирическом ма-

териале, позволяющее конструировать и испытывать общие принципы генетической социальной эволюции и применять их к изучению человека. Опираясь на исследования Ф. Добжанского, Р. Докинза, Э. Уилсон делает вывод о том, что человеческие гены передали эстафету в эволюции культуре, сформировав новую единицу передачи значимой информации – мем, однако было бы поспешно отбрасывать значимость человеческого генотипа и его влияния на культуру. Большая часть генетической эволюции социального поведения произошла за пять миллионов лет до появления цивилизации, возникшей примерно 10 000 лет назад. Согласно К. Лоренцу, появление культуры, основанной на кумулирующей традиции и таких специфических качествах, как абстрактное мышление и язык, значительно ускорило процессы генно-культурной эволюции человечества: «Возникшее отсюда «наследование приобретённых свойств», в свою очередь, привело к тому, что историческое развитие культуры происходит на много порядков быстрее, чем филогенез любого существующего вида» [5]. В пользу генно-культурной эволюции говорят исследования антрополога Дж. Мёрдока, выявившего во всех культурах социальные черты, являющиеся такой же уникальной особенностью человечества, какой другие черты являются для различных видов животных. Необходимость учитывать биологический аспект в исследованиях общества и его социального капитала согласуется с выводами Ф. Фукуямы о том, что социальный капитал способен к трансформации и регенерации: «...люди будут продолжать использовать свои врождённые способности и разум для того, чтобы создавать правила, которые служат их долгосрочным интересам и потребностям. Человеческие существа делали это на протяжении десятков тысяч лет, поэтому было бы странно, если бы они прекратили так поступать в конце XX века» [13].

Мы полагаем, что синтез естественных и социогуманитарных наук в изучении человека и общества способен вывести уровень исследований на подлинно трансдисциплинарный уровень, характерный для современного, постнеклассического этапа развития науки, и позволит постигнуть всю глубину и сложность генно-культурной эволюции, выявить истинную

подоплеку общественных трансформаций и разработать действенные механизмы коррекции социальных процессов. Естественнонаучные исследования на сегодняшний день располагают обширным эмпирическим материалом, в новом свете представляющим социокультурные феномены человеческого бытия. Общество как сверхсложная живая система, функционирующая на принципах самоорганизации и саморазвития, имеет тенденцию сохранять устойчивость и воспроизводить новые формы регуляции. Исследования в рамках социальной и экономической антропологии, социобиологии, нейробиологии имеют эвристический потенциал в изучении различных аспектов социального капитала и в определении вектора направления развития общества, создании ценностных систем и наиболее продуктивных форм социального взаимодействия.

Список литературы

1. Глобальный мониторинг предпринимательства [Электронный ресурс] / О. Р. Верховская [и др.]. СПб., 2013. Режим доступа: http://www.gsom.spbu.ru/images/cms/data/faculty/gem_2013_final20_all.pdf (дата обращения: 15.01.2018).
2. Гоббс Т. Левиафан [Электронный ресурс] // Гражданское общество: электрон. б-ка. Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (дата обращения: 03.03.2018).
3. Карпов В. П. Аристотель и его научный метод [Электронный ресурс] // Аристотель. О частях животных / пер. В. П. Карпова; Государственное издательство биологической и медицинской литературы. 1937. Режим доступа: <http://www.simpodium.ru/ru/node/551> (дата обращения: 05.03.2018).
4. Локк Дж. Два трактата о правлении [Электронный ресурс] // Гражданское общество: электрон. б-ка. Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_2.pdf (дата обращения: 03.03.2018).
5. Лоренц К. Восемь смертных грехов [Электронный ресурс] // Обратная сторона зеркала / пер. с нем. А. И. Федорова, Г. Ф. Швейника; сост. и ред. А. В. Гладкого. М.: Республика, 1998. 393 с. Режим доступа: https://www.royallib.com/read/konrad_lorents/vosem_smertnih_grehov_tsivilizovannogo_chelovechestva.html#0 (дата обращения: 15.02.2018).
6. Малиновский Б. Научная теория культуры [Электронный ресурс] / пер. с англ. В. Г. Николаев [и др.]; сост. С. Я. Левит [и др.]. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. Режим доступа: <https://www.litres.ru/bronislav-malinovskiy/izbrannoe-dinamika-kultury/chitat-onlayn/> (дата обращения: 07.04.2018).

7. Мор Т. Утопия / пер. с лат. А. И. Малеин, Ф. А. Петровский. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 302 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=39781> (дата обращения: 25.02.2018).

8. Мосс М. Очерк о даре [Электронный ресурс] // Общества. Обмен. Личность. М.: Вост. лит., 1996. Режим доступа: http://www.anthropoeconomicus.narod.ru/files/Moss_Present.pdf (дата обращения: 23.03.2018).

9. Поланы К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени [Электронный ресурс] / пер. с англ. А. Васильева, А. Шурбелева; под общ. ред. С. Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с. Режим доступа: https://www.royallib.com/book/polani_karl/velikaya_transformatsiya_politicheskie (дата обращения: 22.02.2018).

10. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права [Электронный ресурс] / пер. с фр. А. Д. Хаютина, В. С. Алексеева-Попова. М.: КАНОН-Пресс: Кучково поле, 1998. 416 с. Режим доступа: http://www.lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 17.03.2018).

11. Титов В. О., Ващук А. Э. Проблемы социального капитала в современном мире [Электронный ресурс] // Социальный капитал современного общества: Всерос. конф. (25–26 окт. 2012 г.). СПб.: С.-Петербург. ун-т, 2012. Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/problemysotsialnogo-kapitala-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 15.03.2018).

12. Уилсон Э. О природе человека / пер. с англ. Т. О. Новикова; ред. А. В. Быков. М.: Кучково поле, 2015. 352 с. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/o-prirode-cheloveka-read-434483-1.html> (дата обращения: 05.05.2016).

13. Фукуяма Ф. Великий разрыв [Электронный ресурс] / пер. М. Б. Левина. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/fuku/index.php (дата обращения: 16.03.2018).

14. Hanifan L. J. State Supervisor of Rural Schools, Charleston, W. Va [Электронный ресурс] // Electronic Library ИТНАКА, 2000–2017. Режим доступа: http://www.jstor.org/stable/1013498?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 15.03.2018).

Галина Альбертовна Каржина,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии,
Нижегородский государственный университет,
г. Нижний Новгород, Россия,
e-mail: karzhina_ga@mail.ru

Развитие принципов и понятий в естественно-научной и гуманитарной культурах¹

Обобщаются особенности развития естественнонаучных и гуманитарных принципов и ценностей под влиянием новых социально-экономических, экологических, общенаучных факторов.

Ключевые слова: *естествознание, гуманитарная культура, глобальная культура*

Galina A. Karzhina,
Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor;
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Nizhny Novgorod State University,
Nizhny Novgorod, Russia,
e-mail: karzhina_ga@mail.ru

The Development of Principles and Concepts in the Natural Sciences and Humanities²

This article describes general features of development of the natural-science and humanitarian principles and values under the influence of new socio-economic, ecological, general scientific factors.

Keywords: *natural science, humanities, global culture*

Мир XXI века, несмотря на предостережения политиков и общественных деятелей, не стал безопаснее, устойчивее и гуманнее [6]. Не случилось и предсказанного Френсисом Фукуямой «конца истории» [14], о чём свидетельствует характер отношений Соединенных Штатов с Россией и другими странами.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00335.

² The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 18-011-00335.

Событийный фон последних десятилетий, как в масштабах всей цивилизации, так и в масштабах жизненного мира отдельной семьи и отдельно взятого человека, наполнен новыми формами борьбы добра и зла, разрушения и созидания. Российское самосознание на этом фоне повзрослело и, не отрицая западных достижений, с ностальгической теплотой оглядывается на советский период истории страны, культурой которого прививалась единая универсальная природа человеческих ценностей и принципов жизни [1]. Советский социальный и образовательный опыт сделал возможной и значимой в середине XX века дискуссию о двух типах культуры [11], о дуализме человечности и экономики [13], дуализме гуманитарной и естественнонаучной культуры [3; 11]. В советском обществе англичанина Ч. Сноу, сформулировавшего одним из первых проблему двух культур [11], удивляло взаимодействие и объединение физиков и лириков, которые вместе искали ответы на вопросы: «Что же такое мир, и какое место в нем занимает человек?». Казалось, что универсальные научные принципы и понятия снимут противостояние двух культур и станут общечеловеческими ориентирами. Однако в общественном сознании утвердились другие приоритеты, и многочисленные медиа наступают не только на общечеловеческие ценности, но и внушают возможность противостояния природе, естеству, замены естества техносферой. Новые течения в гуманитарной культуре и новые властители умов усугубляют отрыв от реальности, который становится главной бедой нашего времени [12].

Вызовы времени нашли своё отражение в трансгуманизме, активно навязывающем возможность изменения человеческой природы средствами науки и технологий. Это философское течение и общественное умонастроение обращено к биотехнологиям, генной инженерии, его представители пропагандируют «подкорректированных детей из пробирки» и считают, что социальное зло исчезнет в процессе трансформации человеческой природы. Манифест российских трансгуманистов возвещает: «Мы склоняемся к тому, что такие черты современного человека, как эгоизм, ксенофобия, ненависть и агрессивность любого рода – это следствие врождённых

инстинктов. Инстинкты, безусловно, заложены в нас генетически. Следовательно, если мы хотим изменить общество к лучшему, если хотим создать среду, в которой будут жить только ответственные люди, то воздействовать мы должны не на душу (психологию), а на тело (физиологию)!» [10]. Уповают на трансформированную человеческую природу и другие философы и политики. Френсис Фукуяма написал новую работу, где по существу отказался от идеи «конца истории» [15]. Причиной такого отказа послужили не события, связанные с войнами в Афганистане и Ираке. Сопротивление исламских фундаменталистов американскому влиянию автор склонен рассматривать временным сопротивлением прогрессу. Причина – развитие современной науки, прежде всего, генетики и психогенетики, предоставляющей новые грани и возможности человеческого.

Критика трансгуманизма в современной литературе осуществляется как с позиций антициентизма, где имеет место защита человеческого вообще от любой технологизации и от роботизации, понимаемой как киборгизация (примером служить творчество нижегородского философа В. А. Кутырева, который критикует культуру и философию постмодерна с позиций антициентизма [4]) так и стороны той части научного сообщества, которая противопоставляет редукционизм принципам системности и органицизма.

Антропологическая составляющая гуманитарной культуры, известная со времен Сократа, получает развитие в трудах П. Сартра, Н. А. Бердяева, А. Шюца и сегодня дополняется исследованиями аксиологии, этики научного познания, биоэтики. В то же время в массовой культуре остро ощущается недостаточность фундаментальных смыслов, которые рождаются путём взаимодействия разных культурных слоёв, идей и образов на матрицах культурного пространства, но не трансформируются под влиянием преходящих факторов. Эти смыслы позволяет воспринимать и анализировать естественнонаучная культура.

Неравновесная термодинамика дала современному миропониманию глубокий по значению термин – «бифуркация», подразумевающий приобретение нового качества системы

при малом изменении её параметров, и обыденной точке зрения был противопоставлен новый мир – нелинейный, не позволяющий экстраполировать, прогнозировать будущее из настоящего. Если ранее, укрепленный в обыденном восприятии образ времени противостоял только христианскому темпорализму, подразумевавшему неизбежность конца индивидуального земного существования и конца мира в целом, и повседневная событийность с религиозной точки зрения должна была соотноситься с непредсказуемостью завтрашнего дня, над которым простирается божественная вечность, то с развитием неравновесной термодинамики и космологии новые нелинейные смыслы времени пришли из концепции нестационарной Вселенной. Светская атеистическая культура, не признававшая религиозный темпорализм, восприняла новые смыслы, под влиянием естественнонаучных принципов флуктуации, сингулярности, бифуркации, синергии.

Широко известный своей концепцией антихрупкости Нассим Талеб недавно написал в своём Facebook-аккаунте: «Наблюдение по поводу современности: слишком высокий темп изменений оказывается смертельным». В интервью интернет-изданию РБК он пояснил эту мысль: «Само по себе развитие благотворно и неизбежно, вопрос лишь в том, как мы к нему адаптируемся. Если общество недостаточно быстро приспосабливается к изменениям, его ждёт коллапс. Но и слишком быстрое приспособление превращается в регресс: общество начинает терять то хорошее, что у него было до того, как начались перемены» [12].

Во 2-й половине XX века в разных науках появляются идеи, которые развивают принципы единства мира и органичной связи всех его элементов. Астрофизика и космохимия раздвигают масштабы естественнонаучных объектов и показывают фундаментальную связь всех процессов во Вселенной. С развитием Гипотезы Большого Взрыва, продолжается переосмысление концепций времени и пространства. Конечно, строгие теории и «протокольные описания» здесь не появились, но варианты их приближений, такие как концепция физического вакуума, теория струн, гипотеза квантованности времени, постепенно входят в научный обиход.

Учёные обнаруживают органику в космосе, новое дыхание получает гипотеза панспермии, становится возможным научный поиск инопланетного разума и обоснование уникальности земной жизни. Так, например, советский астроном И. С. Шкловский одним из первых с позиций науки выразил идею человеческого одиночества во Вселенной. Атом, мирный и немирный проявляет себя в водородной бомбе, Чернобыле, Фукусиме. Примечательно, что универсальную концепцию жизнедеятельности через призму безопасности начал создавать академик В. А. Легасов, которому и выпало судьбой испытание идей в страшной катастрофе в Чернобыле.

В середине прошлого века химия создала уникальные полимеры, которые стали одним из главных загрязнений окружающей среды, а сегодня химики развивают парадигму «зелёной химии», минимизируя негативное воздействие созданных человеком веществ на окружающую среду. Современная супрамолекулярная химия подчеркнула роль кластеров, разнообразие связей и привела к расширению представлений о разнообразии частиц вещества. Сформировался системно-биосферный подход, который определил развитие таких новых междисциплинарных направлений, как биогеоэкология, биогеография, где в исследованиях обосновываются принципы устойчивости биосферы, и, как крайняя точка зрения, набирает популярность концепция Геи-организма английского учёного Дж. Лавлокка.

Академик К. Г. Скрябин отмечает: «В итоге сегодня мы имеем принципиально новую парадигму развития человечества в XXI в., возникшую на основе главных вызовов – последних достижений биологии (клеточная биология, технологии чтения и сохранения генетической информации, создание генетических программ, перспектива замены органов выращенными из соматических клеток), успехов агробиологии (многообещающие генно-инженерные технологии в сельском хозяйстве, создание растений с новыми генетическими текстами), зарождения персональной, прогностической и профилактической медицины» [10]. Мы имеем дело с новой гносеологической ситуацией обретения реальности,

под влиянием развития естественных наук, которые, изучают то, что вещественно, и поэтому противостоят гуманитарному знанию, блуждающему в мифах постмодерна. Как красиво и точно сформулировал А. Неклесса: «наукой в европейском (христианском) понимании являются науки естественные, ибо только они имеют в качестве предмета исследования то, что сотворено Богом. Знание же в сфере практики и человеческой рефлексии, т. е. то, что в сегодняшнем обиходе называется социальными и гуманитарными науками, является особым образом организованным рассуждением, т. е. дисциплинами, имея в своей основе творение человека» [7].

Гипотеза Большого взрыва, представления о нестационарности Вселенной, о виртуальности микромира меняют умонастроения в целом, способствуя переосмыслению места человека в мире и его возможностей. Большие данные показывают роль корреляций, неуловимых человеческому анализу, но доступных искусственному интеллекту, не позволяя забывать о «деталях и мелочах».

Показательна междисциплинарная дискуссия при обсуждении доклада ведущего отечественного микробиолога, академика А. Г. Заварзина на Президиуме РАН с интригующим названием «Выживет ли человечество?». О её актуальности можно судить не только по заголовку, но и по реплике участника дискуссии, академика РАН А. С. Спирина: «исторически мы восприняли индивидуалистическую философию, в корне противоречащую основному принципу биологии. В ней главное – вид. Особью поступаются, когда нужно выжить виду. А мы поставили во главу угла индивидуум» [2].

В современной культуре сосуществуют две крайности: традиционно осуждаемый технократизм, с одной стороны, и отрицание естественнонаучной культуры, проявляющееся в гипертрофированном выделении человека и человеческого из природы, с другой. Эти крайности дополняют друг друга так же, как сциентизм и антисциентизм, упование на достижения науки и техники, вплоть до изменения природы человека, и полное отрицание возможности любого воздействия на человека и окружающую среду. Фундаментальные концепции

общенаучного значения из физики, биологии, химии, геологии приближаются к пониманию природы как целого, как универсума, что, в свою очередь, должно влиять на развитие философских аспектов гуманитарных знаний, которые, быстро расширяя своё место в современной культуре, в случае отрыва от естествознания, могут формировать однобокий взгляд на мир и на место человека в мире, способствовать развитию неоправданных притязаний, доводя творческие амбиции до волюнтаризма и произвола. Вспомним часто встречающийся рекламный слоган: «Брось вызов законам Ньютона!». Становится понятным, что разделённость в культуре естественнонаучного, гуманитарного, технического и религиозного опыта разрушает глобальные смыслы и ориентиры человеческого существования и развития. Глобальный мир испытывает потребность в новых формах дискурса, новых типах идей и теорий, где гуманитарное и негуманитарное знание тесно переплетаются. Отчасти, эти формы дискурса уже получают свое воплощение и оформление в концепции NBIC-конвергенции (по первым буквам областей: N -нано; B -био; I -инфо; C -когно), объединяющей научные исследования биологов, химиков, математиков, затрагивающей проблему реальности в целом, эпистемологический спор реализма и конструктивизма [5; 8].

Потенциал естественнонаучной культуры остаётся, как правило, незадействованным в социальной жизни. Средства массовой информации навязывают оглуляющий стиль и образ жизни, предлагают быстрые способы приобретения миллиона, а если это сложно – рекомендуют решить проблемы с помощью кредита или лекарства. К сожалению, немалая часть населения, особенно подростки, для которых школа и учитель не всегда являются авторитетом, вполне серьёзно воспринимают эту информацию.

Становится очевидной необходимость защиты интеллектуального потенциала общества на фоне глобальных экологического, общекультурного и нравственного кризисов. При этом обращение к проблемам обустройства мира, ответ на который дают естественные науки, является своеобразной познавательной терапией как для общества в целом, так и для

отдельного человека. Традиционные конфликты поколений, социальных групп и слоёв теряют свою остроту в масштабах естественнонаучной культуры. Первые мгновения рождения Вселенной, происхождение жизни, её многообразие, происхождение человека и человеческой цивилизации – эти вопросы поднимают сознание над обыденностью, задают тон интеллектуальному творческому восприятию природы, космоса, человека. Как зародилась жизнь на планете Земля? Сколько лет живые организмы заселяют нашу планету? Каким образом на неживой планете развились такие причудливые формы жизни от одноклеточных до насекомых, млекопитающих и человека. Имеющиеся в наличии теории недоказуемы, а что может в наибольшей степени снять эмоциональное напряжение от повседневности, как не осознание мимолетности и преходящего характера наших сиюминутных слабостей и ошибок. Интеллектуальные качества у большинства людей не зависят от характера образования, и проистекающая из них потребность к познанию мира существует в каждом человеке, если ему не приходится ежеминутно решать проблемы выживания.

Естественнонаучные знания имеют и повседневное применение, так как на них основаны универсальные принципы безопасности. Для человека необходимы сведения о том, что вредно и насколько, что полезно и в какой степени. Научно-технический прогресс делает доступными сложные бытовые устройства, новые строительные и ремонтные материалы, необычные ткани и многое другое. Эти вещи требуют интеллектуальной квалификации и обеспечивают понимание значимости соответствующих знаний, формируя тем самым в вопросах безопасности личностную, гражданскую позицию, закладывает традиции семейного быта.

У человека, обладающего естественнонаучной культурой, как и у религиозного человека, есть глубокие критерии истинного и ложного. Эти критерии во многом определяются внутренней системой идеалов и норм объяснения, описания, обоснования знаний, их построения и организации. Они фиксируются смыслами и образцами знаний, которые составляют пространство культуры.

Естественнонаучная культура неотделима от рационалистических ценностей, предполагающих вдумчивое объяснение и рассуждение, она развивает представления о единстве мира и единой универсальной сущности человеческих ценностей и принципов жизни. Пока жизнь продолжается, мы учимся, должны учиться, напрягая душевные и физические силы, извлекая уроки, учимся адекватности восприятия и действия.

Снятие противопоставления естественнонаучной, гуманитарной и религиозной культуры может способствовать освобождению от ложных форм общественного развития и самополагания, инициировать стремление к целесообразным и необходимым поступкам.

Список литературы

1. Гордость России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.priderrussia.ru>; <https://www.facebook.com/priderrussia/fref=nf> (дата обращения: 23.03.2018).
2. Заварзин Г. И. Становление биосферы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vivovoco.rsl.ru/vv/journal/vran/zav.htm> (дата обращения: 05.01.2018).
3. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zinoviev.ru/rus/sverch.html> (дата обращения: 05.03.2018).
4. Кутырев В. А. Крик о небытии // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 66–79.
5. Лекторский В. А. Конструктивизм vs реализм // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 13, № 1. С. 19–25.
6. Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя. М.: Академкнига, 2008. 342 с.
7. Неклесса А. И. Новое время и актуальная историческая ситуация: докл. А. Неклессы на Первой философско-религиозной конференции [Электронный ресурс] // Философско-религиозные тетради. Тетр. 2. М., 2011. Режим доступа: http://www.maib.ru/bookspublication/memberspublications/2011/07/05memberspublications_335.html (дата обращения: 05.02.2018).
8. Розин В. М. Анализ реального познания как условия снятия спора конструктивистов и реалистов // Эпистемология и философия науки. Т. 17, № 3. С. 93–108.
9. Российское трансгуманистическое движение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.transyumanizm.ru> (дата обращения: 05.02.2018).

10. Скрябин К. Г. фундаментальная и прикладная биотехнология. Ответ на вызов XXI века // Вестник российской академии наук. 2009. Т. 79, № 3. С. 242–245.

11. Сноу Ч. Две культуры и научная революция // Портреты и размышления. М.: Прогресс, 1985. С. 195–226.

12. Талёб Н. Патология нашего времени – потеря контакта с реальностью Талёб [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/interview/own_business/16/11/2017/5a0c361d9a7947003e4aff7c (дата обращения: 02.04.2018).

13. Уайтли М. Дж. Американское общество накануне XXI столетия: удастся ли преодолеть дуализм ценностей [Электронный ресурс] // Американское общество на пороге XXI века: итоги, проблемы, перспективы: материалы конф. М.: Изд-во МГУ, 1996. Режим доступа: http://www.amstud.msu.ru/fulltext/texts/conf1_995/uaytli23.htm (дата обращения: 09.03.2018).

14. Фукуяма Ф. Конец истории или последний человек. М.: АСТ, 2004. 558 с.

15. Fukuyama F. Our Post human future. NewYork: Farrar: Straus and Giroux, 2002. 437 p.

УДК 316:1

Сергей Николаевич Корсаков,

*доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник,
сектор гуманитарных экспертиз и биоэтики,
Институт философии РАН,
г. Москва, Россия,
e-mail: snkorsakov@yandex.ru*

Проблемы соотношения естественного и социального в работах А. В. Козенко

В статье рассматриваются проблемы соотношения естественного и социального, поставленные в публикациях известного российско-астрофизика и историка науки Александра Васильевича Козенко: антропный принцип в свете современной космологии, естественнонаучный и гуманитарный подходы к проблеме смысла жизни, соотношение социального (культурного) и биологического (органического) в человеке в свете принципа дополнительности Нильса Бора, будущее человека в космосе.

Ключевые слова: естественное и социальное, астрофизика, антропный принцип, человек, космос, А. В. Козенко

Sergej N. Korsakov,
Doctor of Sciences (Philosophy),
senior researcher,
sector the humanitarian expertise and bioethics
Institute of philosophy, RAS,
Moscow, Russia,
e-mail: snkorsakov@yandex.ru

The Relation Between the Natural and the Social in the Work of A. V. Kozenko

The article deals with the problems of the relationship between natural and social, set in the publications of the famous Russian astrophysicist and historian of science Alexander Vasilyevich Kozenko: anthropic principle in the light of modern cosmology, natural science and humanitarian approaches to the problem of the meaning of life, the ratio of social (cultural) and biological (organic) in man in the light of the principle of complementarity of Niels Bohr; the future of man in space.

Keywords: *natural and social, astrophysics, anthropic principle, man, space, A. V. Kozenko*

В нашей философии со времён В. И. Ленина сложилась традиция союза философов и естествоиспытателей. Диалектический материализм как научная философия природы и общества не мог не опираться на результаты научного познания.

В сталинский период идея этого союза была извращена, его сменил идеологический диктат, который выдавался за руководящую роль философии. В действительности в одежды философии рядилась идеология, обслуживавшая существовавший политический режим. Феномен лжефилософии, лжедиалектики применительно к лысенковщине был убедительно проанализирован в книге И. Т. Фролова «Генетика и диалектика».

Начиная с периода «оттепели» союз философии и естествознания приобрёл устойчивые формы и продемонстрировал свою эффективность. Важными событиями были Всесоюзные совещания по философским вопросам естествознания, проводившиеся в 1958, 1972, 1981, 1987 гг. Совещания организовывались Научным советом АН СССР по философским

вопросам естествознания (председатель П. Н. Федосеев), затем Научным советом АН СССР по философским и социальным проблемам науки и техники (председатель И. Т. Фролов). В результате в 1960–1980-е гг. установилась атмосфера доверия между философами и естественниками, совместного обсуждения сложных методологических и мировоззренческих проблем науки. Крупнейшие учёные того времени (П. Л. Капица, В. А. Энгельгардт, Б. Л. Астауров) регулярно выступали со статьями на философско-мировоззренческие темы. Издательство «Наука» публиковало сборники таких статей в серии «Наука. Мировоззрение. Жизнь». Мысли и идеи, высказанные выдающимися естественниками, были весьма полезны и для философов.

В 1990-е гг. традиция взаимодействия философов и естественников практически сошла на нет, Научный совет РАН по философским и социальным проблемам науки и техники был закрыт. Вместе с тем, проблемная ситуация, диктующая необходимость тесного диалога философов и естествоиспытателей, только усугубилась. Пышным цветом расцвело наукообразное мифотворчество, пожинал плоды феномен лженауки. Возникла и одно время интенсивно работала Комиссия РАН по борьбе с лженаукой. Но участие философов в этой работе было незначительным. Тем не менее, сама по себе задача внимательного отношения и анализа мировоззренческих соображений естественников не утратила своей актуальности. Особенно интересны соответствующие тексты тех учёных, кто систематически высказывался по философским и социальным вопросам.

Широкую платформу междисциплинарный диалог получил в Институте философии РАН в рамках ежегодных чтений памяти академика И. Т. Фролова. Среди учёных, неоднократно выступавших на Фроловских чтениях по мировоззренческим проблемам науки, был известный астрофизик и историк науки, доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник Института физики Земли им. О. Ю. Шмидта РАН Александр Васильевич Козенко (1950–2015). Сфера научных исследований А. В. Козенко концентрировалась преи-

мущественно в области теории фигуры планет, планетологии, космогонии и истории науки. Им получены аналитические решения интегральных уравнений теории фигуры пятого приближения для квадратичного закона распределения плотности. Впервые сделана оценка влияния дифференциальности вращения на гравитационные моменты на примере политропы единичного индекса со слабодифференциальным вращением. В явном виде определён тензор вторых производных геопотенциала в локальной системе координат. Выведены рекуррентные соотношения для нормированных присоединённых полиномов Лежандра. Внесён вклад в исследование естественных спутников планет. Сделаны предварительные оценки механических параметров грунта Фобоса. Предложен активно-пассивный радиофизический подход для исследования структуры поверхностных слоёв и теплового потока Марса. В области космогонии им найдено новое свидетельство существования двух резервуаров дейтерия в Солнечной системе, сделана оценка времени формирования Юпитера и уточнена его возможная роль в образовании планет. В области истории науки А. В. Козенко разработаны эпистемологические основания биографики и написаны научные биографии основателя русской астрофизики академика А. А. Белопольского и выдающихся представителей английской науки Джеймса Джинса, Артура Эддингтона и Гарольда Джеффриса. А. В. Козенко избирался действительным членом Лондонского Королевского астрономического общества (1986), Американского и Европейского астрономических обществ (1987).

Практически все доклады А. В. Козенко на Фроловских чтениях были сосредоточены на различных аспектах проблемы соотношения естественного и социального: антропный принцип в свете современной космологии, естественнонаучный и гуманитарный подходы к проблеме смысла жизни, соотношение социального (культурного) и биологического (органического) в человеке в свете принципа дополнительности Нильса Бора, будущее человека в космосе.

Антропный принцип – пожалуй, в наиболее концентрированном виде демонстрирует суть проблемы соотношения

естественного и социального. Независимо от того, в сильной или слабой форме он понимается, антропный принцип постулирует необходимую связь природы и человека как существа разумного и социального. Ведь согласно этому принципу, природа изначально так устроена, что, либо допускает, либо же, даже предполагает возможность существования человека и его разума. А. В. Козенко, синхронно с В. В. Казютинским, из самого факта наличия антропного принципа делал вывод о том, что «сегодня человек оказался в центре науки, изучающей законы формирования и развития Вселенной – космологии» [1, с. 197]. Точнее, речь идёт о Мультиверсе или Мультиленной, включающей в себя бесконечное количество вселенных.

А. В. Козенко солидаризировался с мыслью И. Т. Фролова о магистральном характере вектора гуманизации науки. Идея о том, что астрофизика становится наукой о человеке, была высказана В. В. Казютинским на VII Фроловских чтениях. Казютинский интерпретировал антропный принцип таким образом, что наблюдаемая Вселенная не может считаться уже просто «внешним миром», данным нам в опыте, но должна мыслиться целым, частью которого мы сами являемся.

Соображения Казютинского поддержал А. В. Козенко. Он считал, что без познания жизни и человека современное познание фундаментальных проблем естествознания уже невозможно.

Вместе с Казютинским Козенко отмечал, что специфика астрофизического измерения проблемы существования человека в мире состоит в том, что приходится иметь дело с типами физической реальности, которые ранее не имели места в нашем опыте, но, кроме того, с такими типами реальности, которые находятся за горизонтом событий, доступных человеческому наблюдателю, и мы можем только лишь констатировать их существование, но не изучать их [7, с. 331].

Новаторство А. В. Козенко заключалось в том, что он посмотрел на антропный принцип с точки зрения инфляционной космологии, согласно которой в силу бесконечности Мультиленной различные её участки проходят через сингулярности в разное время, что резко повышает вероятность существова-

ния участков, подобных нашему миру. Совершенно не обязательно ожидать, чтобы наконец-то появилась подходящая для жизни и разума Вселенная, их и так избыточно много. Таким образом, опасения в креационистских истоках природы, способной породить разумную жизнь, на сегодня отпадают. Это важный в мировоззренческом и философском отношении вывод. А. В. Козенко обозначил и другую проблему: возможность сохранения разумной жизни путём перелётов человека в мироздании между доменами большой плотности, где инфляция кончилась недавно, и раздувающимися доменами, где ещё не наступила опасность локального коллапса или барионного распада. В крайнем случае, необходима посылка изучения с целью воссоздания жизни нашего типа внутри таких областей, и передача туда информации. Правда, А. В. Козенко оговаривается, что «такой процесс возможен, если плотность энергии вакуума не превышает некоего критического значения, в противном случае размер горизонта событий оказывается меньше, чем расстояние между доменами, в которых идёт процесс самовосстановления Мультиленной, и связь между ними становится невозможной» [1, с. 200].

А. В. Козенко обращал внимание на то, что космология накладывает принципиальные ограничения на время существования жизни (цивилизаций) в каждом домене Мультиверса. Вот здесь в наиболее остром виде и выступает проблема соотношения естественнонаучного и гуманитарного подходов. Они обеспечивают различное понимание смысла жизни. При этом они дополняют друг друга. «Само обсуждение проблемы невозможно без учёта диалектики социального и индивидуального в развитии человека» [2, с. 676]. Постановка вопроса о смысле принадлежит субъекту, тому, кто соотносит себя с некоторым целым, с которым он стремится соединиться, так или иначе, преодолев собственную временную ограниченность. Но это-то и составляет главную трудность. Козенко специально обсуждает вопрос о пределах существования человечества.

Он перечисляет возможные эндогенные риски и угрозы, связанные с глобальными проблемами:

- принципиальное изменение климата на планете и загрязнение окружающей среды;
- движение геологических плит материков, способное радикально изменить рельеф среды обитания человека вплоть до исчезновения отдельных территорий за линией Мирового океана;
- связанные с этими процессами цунами и землетрясения;
- опасность роста вулканизма и необратимого запыления стратосферы;
- опасность исчезновения магнитного поля Земли вследствие его переполусировок.

При решении глобальных проблем нужно думать, например, о «выводе на орбиту искусственного спутника, представляющего собой систему зеркал гигантских размеров для противодействия как повышению, так и понижению средней температуры поверхности Земли» [5, с. 182].

Но ещё серьёзнее угрозы экзогенные. Насущной проблемой является создание глобальной системы противокосмической обороны для защиты Земли от необратимых катастрофических последствий столкновения с небесным телом диаметром более километра. «Создание системы комической безопасности могло бы стать тем общим делом, которое способствовало бы объединению человечества и дальнейшему прогрессу в области высоких технологий» [Там же, с. 185]. Человеческая цивилизация в любой момент может быть атакована из космоса, а люди занимаются взаимным устрашением! Разумна ли такая цивилизация. Если разумна, то уж никак не гуманна.

Дальнейшие перспективы существования человечества, если оно справится с перечисленными выше угрозами, выглядят неутешительно. Неотвратимым является коллапс Солнца, вследствие которого всё живое на «внутренних» планетах Солнечной системы будет выжжено. После этого Солнце станет белым карликом и перестанет быть источником энергии.

Весь вопрос в том, на какой стадии будет тогда человеческая цивилизация. Будет ли она готова к существованию в кос-

мосе, к межзвёздным перелётам? Найдёт ли к тому времени способы справляться с проблемой губительного для всего живого высокого уровня коротковолнового излучения при движении в космосе? Если степень технического и биологического развития человечества будет «на подходе», то быть может, на какое-то время, Марс может оказаться временной площадкой для его существования, когда природа Земли в ходе коллапса Солнца станет непригодной. «На Марсе можно будет, в принципе, создать экологические условия, приемлемые для развития биосферы земного типа» [Там же, с. 186]. Но только на какое-то время.

А. В. Козенко специально изучил вопрос о соотношении естественных и антропологических факторов в этой ситуации. Ведь раньше к существованию в космосе привлекали людей с соответствующей специальной подготовкой. Как быть в случае массового космического переселения? Возникнет проблема адаптации к экстремальным условиям обитания. Придётся столкнуться с кратковременными перегрузками, длительной невесомостью, повышенной радиацией, пребыванием в замкнутом пространстве космического аппарата в одиночестве или же среди небольшого коллектива людей, постоянно находящихся вместе [8, с. 160]. Всё это сопряжено с известными и подчас малоизвестными психологическими и социальными трудностями.

Непосредственно на Марсе перед людьми встанут проблемы повышенного фона излучения (на Марсе нет защитного щита магнитосферы), более слабой силы тяжести и меньшего давления атмосферы (масса планеты меньше земной). «Адаптация к таким неземным условиям с неизбежностью должна привести к изменениям в организме человека» [Там же, с. 161]. Какими станут колонисты Марса? Переселенцы на Марсе будут испытывать меньшее напряжение от тяготения, снизится парциальное давление кислорода. Легче переносить новые условия будут люди с большей ёмкостью грудной клетки, кому будет легче дышать. Вероятно, увеличение роста и сокращение мышечной массы, преимущества которой здесь будут не столь велики, как на Земле. Более высокий, чем на

Земле уровень фоновой радиации будет способствовать ускорению мутаций и закреплению вновь востребованных антропологических характеристик. Иначе человеческая эволюция протекала бы на более массивной, чем Земля планете: росла бы сила мускулов, скорость реакций, крепость внутреннего сложения, а конечности стали бы короче. Причём всё это – только возможные антропологические изменения вследствие гипотетической смены местопребывания человека в космосе. «Конечно, существенные изменения произойдут в психике людей. Несомненно, жизнь в отрыве от земного человечества выработает свои нравственно-моральные нормы», – писал А. В. Козенко [8, с. 163]. Он выражал, тем не менее, надежду, что при любых топологических изменениях человек сохранит гуманистические идеалы.

А. В. Козенко перечислял в своих работах и те проблемы глобально-космического порядка, с которыми человечество вряд ли справится. В современной литературе по философии естествознания это одна из тем острых дискуссий. Профессор В. Н. Савченко из Дальневосточного университета говорил в докладе на VI Российском философском конгрессе, что ускорение движения галактик свидетельствует о том, что Метагалактика коллапсирует в космологический горизонт, поскольку перед ней вселенская «Чёрная стена», ломающая геометрию пространства и поглощающая всё движущееся [9, с. 282]. А. В. Козенко не выдвигал столь радикальных гипотез. Он называл такие возможные губительные опасности: вспышка сверхновой поблизости от звёздной системы где живут люди, короткие гамма-всплески при слиянии нейтронной звезды и чёрной дыры, встреча с чёрной дырой, столкновение галактик.

Биологическая форма жизни возможна только на стадии расширения Вселенной. Но расширение будет сопровождаться со временем барионным распадом. Материя, состоящая из барионов, обречена на нестабильность. Если же принять, что её – лишь около 4 процентов из существующей во Вселенной, а прочее – тёмная материя, тем уже выглядят перспективы сохранения жизни. При распаде барионов не будет атомов, моле-

кул, вещества – любых сложных структур. Не лучше перспективы и в случае сжатия Вселенной. На фазе сжатия никакие формы жизни становятся невозможными из-за возрастания фона коротковолнового излучения.

В специальной работе А. В. Козенко рассмотрел вопрос о соотношении социального (культурного) и биологического (органического) в человеке в свете принципа дополнительности Нильса Бора. Нужно помнить, что в боровском смысле дополнительность понимается не как взаимная дополнительность, а как взаимоисключение: мы можем фиксировать, например, либо местоположение частицы, либо её скорость.

А. В. Козенко привёл высказывание Нильса Бора о том, что физико-химические и биологические понятия относятся к условиям наблюдения, дополняющим друг друга. При этом, согласно Бору, идеи и убеждения, язык и традиции – тоже часть биологических свойств человека, поскольку их общая природная особенность в отличие от физико-химических характеристик: передача по наследству. Ссылаясь на интерпретацию М. А. Розовым дополнительности в гуманитарном познании, Козенко отметил роль социальных факторов в биологическом наследовании. Социальные факторы относятся к системам с рефлексией, стало быть, могут быть фактором обратных влияний и самоизменений объекта, коим является человек [4, с. 326]. В этом – дополнительность уже между биологическим и социальным в человеке. Рост свободы в результате экспансии социального приводит к сужению значения биологических свойств человека.

А. В. Козенко считал, что наряду с положительными факторами в этом есть и много неблагоприятных перспектив на будущее. Техногенная среда, в которую ныне погружён человек, неблагоприятно сказывается на его физической природе. Вокруг человека повышенный электромагнитный фон. Использование информационной и медиа техники создаёт значительное облучение СВЧ. Нейтральные продукты подменяются усилителями вкуса, имитирующими натуральными [6, с. 417]. Искусственная среда поглощает естественную, становясь всё более непригодной для человеческой биологии. Но не только –

технологическая зависимость от электронной среды, погружающая людей в виртуальный мир, способствует резкому росту психологических заболеваний.

Однако, важнее другое. Чем более человек окружён техническими средствами, тем менее он способен к адекватному самовоспроизводству, к осуществлению элементарных действий по собственному обустройству в жизни. Ему затруднительно даже повторить то, что было обычным и посильным делом для его исторических предков. При этом мотивация к самостоятельности и выживанию у него снижается. Подлинное образование часто подменяется умением пользоваться разнообразной аппаратурой, что только ещё больше изолирует человека от реальной жизни. «Нарождается царство пользователей, ничего не понимающих, по существу, не только в устройстве аппаратуры или бытовой техники, используемых ими в работе и повседневной жизни, но даже в принципах их функционирования» [6, с. 417]. Возникает эффект, который Х. Ортега-и-Гассет называл «дикарём XX века». Человек современной техникой, легко может использовать современную технику, чтобы... узнать новый астрологический прогноз, или получить «научное» предсказание от дипломированного колдуна.

А. В. Козенко отмечал, что в современном противоречивом мире, где блага распределены несправедливо, а реальностью стало «столкновение цивилизаций», существование той цивилизации, которая породила рациональное мышление и современное естествознание, становится всё более уязвимым. Представители иных цивилизаций легко могут освоить технологии, принципы же их создания им ни к чему. Поднятие уровня потребления для всего населения Земли может обернуться экологической катастрофой, но к подобной перспективе мы идём и сейчас, при вялотекущей войне высокоразвитых стран со всем остальным миром. Человечество оказалось в ситуации глобального отчуждения, когда оно не может справиться с техническими достижениями, вызванными к жизни духом разума западной цивилизации. А. В. Козенко неоднократно вспоминал в этой связи мысль И. Т. Фролова о «ножницах»

между научно-техническим и социокультурным развитием. Глобальное отчуждение требует и глобального овладения технологическими возможностями. Если же общество нацелено на индивидуальное успешное выживание – перспектива совместных действий по контролю над техническим и природным развитием становится призрачной. Чем выше степень угроз развитию человечества, тем более концентрированным должно быть управление социальным развитием. По существу, речь идёт о насущной необходимости распространения на всю планету социалистических методов управления. Анализируя работы И. Т. Фролова по современной цивилизации и глобальным проблемам, Козенко писал: «Конечно, здесь не надо говорить о том, что такое управление в странах так называемого “социалистического лагеря” совершало, в силу ряда объективных и субъективных факторов, ошибки, оказавшиеся для него в конечном итоге фатальными. Но одно дело – исправление ошибок, с которыми в силу своих возможностей всю жизнь боролся И. Т. Фролов, а другое дело – отказ от научных методов управления обществом. То, что происходит в современном мире, никакой уверенности не вселяет, хотя всегда может оставаться надежда» [6, с. 414].

Список литературы

1. Козенко А. В. Антропный принцип в свете современной космологии // Человек. Наука. Гуманизм. М.: Наука, 2009. С. 197–204.
2. Козенко А. В. Смысл жизни: естественнонаучный и гуманитарный подходы // Человек. Наука. Гуманизм. М.: Наука, 2009. С. 676–681.
3. Козенко А. В. Детерминизм и телеология в эволюции Вселенной (в свете идей И. Т. Фролова) // Детерминизм и телеология / И. Т. Фролов. М.: Ленанд, 2010. С. 10–14.
4. Козенко А. В. О соотношении социального (культурного) и биологического (органического) в человеке в свете принципа дополнительности Нильса Бора // Человек в единстве социальных и биологических качеств. М.: Ленанд, 2011. С. 323–327.
5. Козенко А. В. Будущее, на которое мы не влияем // Человек и его будущее. М.: Ленанд, 2012. С. 176–190.
6. Козенко А. В. Технологический прогресс и деградация человека // Человек и его будущее. М.: Ленанд, 2012. С. 413–419.
7. Козенко А. В. Человеческое измерение космологии // Новое в науках о человеке. М.: Ленанд, 2015. С. 329–339.

8. Козенко А. В. Человек в космосе // Проблема совершенствования человека в свете новых технологий. М.: Ленанд, 2016. С. 160–163.

9. Савченко В. Н. К постулату всеобщности сжатия (коллапса) материи вселенной // Философия в современном мире: диалог мировоззрений. Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2012. Т. 1. С. 281–282.

УДК 174:61

Вероника Святославовна Сайганова,

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь,
e-mail: veros23@yandex.ru*

Трансдисциплинарность и биоэтическая направленность постнеклассической науки

В статье рассматривается необходимость осмысления ценностных измерений технауки как новой парадигмы научности через призму основополагающих принципов биоэтики. Анализируется трансдисциплинарность как общая методология биоэтики и постнеклассической рациональности. Показана значимость биоэтики в разработке методологии социальной оценки современных трансдисциплинарных исследований и гуманитарной экспертизы их результатов.

Ключевые слова: *постнеклассическая наука, биоэтика, трансдисциплинарность, технаука, общество знаний, методология социокультурной и гуманитарной экспертизы*

Veronica S. Saiganova,

*Candidate of Sciences (Philosophy), Assistant Professor;
Assistant Professor of the Department
of Philosophy and Methodology of Science,
Belorussian State University,
Minsk, Belarus,
e-mail: veros23@yandex.ru*

Transdisciplinarity and Bioethical Orientation of Post-non-classical Science

The article considers the need to comprehend the value dimensions of the technology as a new paradigm of scientific knowledge through the prism of the fundamental principles of bioethics. Transdisciplinarity is analyzed as

a general methodology of bioethics and post-non-classical rationality. The importance of bioethics in the development of the methodology of social assessment of modern transdisciplinary studies and humanitarian expertise of their results is shown.

Keywords: *Post-non-classical science, bioethics, transdisciplinarity, techno-science, knowledge society, methodology of socio-cultural and humanitarian expertise*

Становление и развитие биоэтики обусловлено необходимостью выработки этических ориентиров человеческой деятельности, основанных на ценности Живого, Человека, его жизни и здоровья. Если философия как рефлексия над культурой представляет собой целерациональную деятельность по осмыслению ценностно-значимых ориентиров человеческой жизнедеятельности в мире, то биоэтика возникает как попытка реализации ценностей и целей бытия и жизни в коллизиях существования современного общества и человека. Предметом биоэтики выступает нравственное отношение общества и человека к самому Человеку, его жизни и здоровью, иному Живому. В этом смысле биоэтика по праву предстаёт как практическая философия человеческой жизнедеятельности.

В своём становлении биоэтические ориентации современной науки прошли долгий путь от социокультурных предпосылок до духовных оснований практической философии человеческой жизнедеятельности.

Развитие техногенной цивилизации, начиная с XVI–XVII веков в Западной Европе, выдвинуло на первый план ценность научного познания, истины, новаций и активной деятельности человека по преобразованию природы. Традиционная же цивилизация, вынося на первый план нравственно-практические и религиозные основы мировоззрения, опираясь на ценность традиций, гармонию человека и природы, с началом Нового времени начинает проигрывать в удовлетворении растущих потребностей человека. Сциентизм и техницизм стали на долгое время мировоззрением техногенного типа цивилизационного развития [5]. К концу XIX – началу XX века в культуре происходит осознание взаимосвязи и вза-

имообусловленности разума и нравственности, науки и этики, человека и природы. В русской философии это нашло выражение в философии космизма. В западноевропейской философии предметом осмысления становится Жизнь (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, В. Дильтей, О. Шпенглер, А. Швейцер). Развитие всей культуры XX – началу XXI в. со всей очевидностью подтвердило практическую значимость этих философских положений. Постепенно происходит осознание человечеством того, что технический, научный, экономический, социально-политический прогресс должен быть дополнен духовным, нравственным прогрессом. В философском и научном осмыслении это проявилось в концепциях биосферы, ноосферы и этосферы, когда жизнь, разум и нравственность становятся факторами коэволюции Человека и Вселенной. В то же время качественные изменения в современной науке привели к становлению постнеклассической науки, которая включила в сферу своего рассмотрения «человекообразные» объекты. В ткань всей современной науки входят непривычные для классической науки блага человека и человечества, морали и добра, долга и ответственности за полученные результаты. Ценности человека становятся сопряжёнными научной истине, а аксиологическая компонента становится неотъемлемой составляющей норм научной рациональности, в которой актуализируются в том числе проблемы этики науки и социальной ответственности учёного. В свою очередь, глобализация в современной культуре, проблемы здоровья и успехи биомедицинских исследований выводят медицину и фармацию на широкий круг новых проблем, имеющих ярко выраженные экологическую, экономическую, политическую, правовую и, наконец, духовную, нравственно-философскую и социально-психологическую составляющие.

Именно осознание взаимообусловленности естествонаучной и гуманитарной культуры, принципа «благоговения перед жизнью»; взаимосвязи биосферы, ноосферы и этосферы в эволюции Вселенной; актуализация аксиологической составляющей в развитии постнеклассического типа научной рациональности, появление этики науки, глобализация про-

блемы здоровья и достижения биомедицинских исследований подготовили духовную почву для становления биоэтики как нового типа мышления и синтетической, междисциплинарной отрасли научного знания.

Термин «биоэтика» появился сравнительно недавно, благодаря В. Р. Поттеру и его, ставшему уже известным, труду «Биоэтика: мост в будущее» (1971). Вводя данное понятие, он подчеркивал, что биоэтика должна стать «новой дисциплиной, соединяющей в себе биологические знания и познание системы человеческих ценностей». «Я выбрал корень *bio* для символизации биологического знания, науки о живых системах, и *Ethics* для символизации познания системы человеческих ценностей» [2, с. 5]. По словам В. Р. Поттера, образовавшаяся пропасть между этическими ценностями человеческой культуры и биологическими основами его существования, лежащими в основе научно-технического прогресса, стали угрожать человечеству и самому существованию жизни. По его мнению, единственное, что может спасти нас от неизбежной катастрофы, это создание «моста» между двумя культурами – научной и нравственно-гуманитарной. Определение биоэтики как науки выживания приобретает широкий, философско-мировоззренческий смысл.

В дальнейшем осознание вмешательства человека во внешнюю природу, биосферу после открытий в сфере генетики человека, появления генной инженерии и успехов трансплантологии, дополнилось осознанием вмешательства человека в свою собственную биологию, во внутреннюю природу, что может угрожать здоровью человека. Это позволило У. Т. Райху в «Энциклопедии по биоэтике» (1978) определить биоэтику как «систематическое исследование человеческого поведения в рамках наук о жизни и здоровье, проводимое в свете нравственных ценностей и принципов» [3, с. 14]. В те же 80-е годы XX века биоэтика получила новый научный импульс в работах А. Хеллегерса, который указал на междисциплинарный характер биоэтики. Биоэтика для него это майевтика, т. е. наука способная обрести смысл лишь в процессе диалога её с медициной, философией и этикой.

Он сузил предмет биоэтики до этических аспектов, не рассматриваемых специально в клинической практике медицины. Именно его концепция биоэтики стала преобладающей, а биоэтика начала рассматриваться большинством учёных как особая дисциплина, способная синтезировать биомедицинские и этические познания.

Так биоэтическая направленность постепенно становится трендом науки современного типа – постнеклассической науки.

Постнеклассический тип науки характеризуется структурными изменениями в самой науке, которые представлены ростом слоя междисциплинарных исследований, а также изменением стратегии познавательной деятельности, выраженной в трансдисциплинарности.

Междисциплинарность и трансдисциплинарность являются собой синтез научного знания, реализующийся как в когнитивной, так и в материальной деятельности. Междисциплинарность основывается на трансляции методов из одной науки в другую и применяется при решении пограничных проблем на стыке двух дисциплин. Такие исследования основаны на взаимодополнении методов смежных наук (горизонтальное направление исследований). Трансдисциплинарность – это новый уровень интеграции в науке, своего рода вертикальное направление исследования проблем, возникающих внутри глобальной системы без строгих границ между дисциплинами. На уровне трансдисциплинарных исследований дисциплинарные методы самых различных наук используются как инструменты решения проблем высокой сложности. При этом трансдисциплинарность представляет собой, по характеристике В. П. Старжинского и В. В. Цепкало, новое направление «не просто исследований, а освоения мира, в том числе практико-ориентированного», где «все проблемы центрированы вокруг человека и способов освоения мира через удовлетворение материальных и духовных потребностей» [4, с. 136].

Трансдисциплинарность базируется на философско-методологических установках, конституирующих глобальную целостность и гармонию мира как очеловеченной среды, репрезентирует конструктивную методологию и представляет собой

проектирование как программу решения инновационно-практических проблем и получения результатов, направленных на удовлетворение потребностей человека и общества.

Как современный тип производства знаний трансдисциплинарность – это своеобразный гибрид традиционных фундаментальных исследований, ориентированных на познание истины, и прикладных исследований, направленных на получение полезного эффекта. Трансдисциплинарный подход прямо ориентирован на разработку базы научных данных для специальных прикладных исследований и предназначен для решения задач, которые чаще всего детерминированы не столько чистой логикой развития науки, сколько практически потребностями экономической, социальной и политической жизни общества.

Таким образом, трансдисциплинарный подход актуализирует потребность в научной информации, необходимой для получения желаемого инновационного продукта. Данное своеобразие трансдисциплинарных исследований сопряжено с формированием новой парадигмы научности – технонауки и становлением нового этапа социальной динамики, обозначаемого обществом знаний. Так, конвергенция интересов науки, техники и экономики, составляя основу методологии трансфера знаний и технологий, становится обязательным атрибутом в создании информационных кластеров как интегрированных корпоративных структур нового поколения. Кластеры объединяют в единое целое органы власти, финансовые, научно-исследовательские центры, производственную и социально-экономическую среду.

В свою очередь, методологическая значимость биоэтики в анализе ценностных измерений современных трансдисциплинарных исследований может быть выражена в следующих основных аспектах. Во-первых, сама биоэтика изначально складывается в русле постнеклассики как интеллектуальная и практико-ориентированная реакция на проявления глобализации и кризиса техногенной цивилизации, как междисциплинарное и трансдисциплинарное направление исследований [6, с. 33]. Трансдисциплинарные стратегии биоэтики базируются

на исследованиях, которые идут «через», «сквозь» дисциплинарные границы, изначально выходят за пределы конкретных дисциплин. Хотя сам термин «трансдисциплинарность» в начале 70-х годов XX века, когда был введён термин «биоэтика», ещё не нашёл своего смыслового наполнения; это является задачей современного философско-методологического дискурса начала XXI века. Современная биоэтика демонстрирует и объясняет характерное отсутствие явных демаркаций не только между научными дисциплинами, но и снимает противопоставленность естественнонаучной, социальной и гуманитарной составляющих культуры.

Во-вторых, биоэтика являет собой систему многообразных информационных кластеров, объединяющих культуру, философию, науку и технологии, а также научные, социальные, политические, правовые, экономические и этические институты мирового сообщества, национальных государств, отдельных организаций и учреждений. Результаты деятельности этих кластеров находят свою практическую реализацию в международных конвенциях и этических кодексах, нормах международного и государственного права, решениях биоэтических комитетов, направленных на защиту прав и достоинства человека в связи с развитием современной науки и внедрением новых технологий [1, с. 282].

В-третьих, трансдисциплинарная целостность биоэтики обусловлена её социокультурной и экзистенциальной проекцией практической ориентации на удовлетворение человеческой потребности жить среди Жизни, а также необходимостью выработки новых аксиологических ориентиров человеческой деятельности, основанных на ценности Живого, Человека, его здоровья. Именно здесь впервые найдена новая форма знания и рефлексии, где ценности человека оказываются сопряжёнными научной истине, а аксиологическая компонента становится неотъемлемой составляющей научного исследования. Стремление найти обновлённую систему моральных ориентиров, определить духовный потенциал, на который можно было бы опираться как в процессе развития науки и технологий, так и в непосредственной жизнедеятельности общества

и человека, обуславливают значимость биоэтики в разработке методологии и в практике проведения социокультурной и гуманитарной экспертизы трансдисциплинарных исследований и их результатов.

Таким образом, биоэтический дискурс и биоэтическая практика со свойственными им инновационностью и парадоксальностью в постановке проблем, ориентированностью на поиск новых социальных, моральных и правовых стандартов аккумулируют в себе подлинную трансдисциплинарность, стремительно внедряясь не только в постнеклассическую науку, но и в жизнедеятельность современного общества и человека. Биоэтическая направленность в трансдисциплинарных стратегиях постнеклассической науки не просто влияет на то, как мы понимаем мир и как мы действуем в мире, но и определяет нравственные ориентиры человека и человечества: ради чего и во имя чего нам нужны новые знания и технологии. «Речь идёт о простом факте, что во всём, что человек делает, думает и говорит в повседневности или в науке и философии, он должен быть уже ориентирован даже тогда, когда он перенимает ориентации других» [7, с. 116]. Фактически биоэтика становится практической философией ориентирования в сложном и нестабильном мире новых технологических укладов, научных и промышленных революций.

Список литературы

1. Кулик С. П. Методология социальной оценки биомедицины в контексте биоэтизации науки и общества [Электронный ресурс] // Сахаровские чтения 2017 года: экологические проблемы XXI века: материалы 17-й Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29647466> (дата обращения: 01.02.2018).
2. Потгер В. Р. Биоэтика. Мост в будущее. Киев: Видавець, 2002. 216 с.
3. Сгречча Э. Биоэтика. М.: Библейско-богословский институт Св. апостола Андрея, 2002. 420 с.
4. Старжинский В. П. Трансдисциплинарность как новация постнеклассической науки // Национальная философия в глобальном мире: тез. I Белорусского философского конгресса / В. Г. Гусаков [и др.]. Минск: Беларуская навука: Национальная академия наук Беларуси: Институт философии, 2017. С. 136–137.

5. Человек. Наука. Цивилизация: к 75-летию В. С. Степина. М.: Наука, Канон+, 2004. 816 с.

6. Яскевич Я. С. Философская антропология и биомедицинские исследования человека // Наука и инновации. 2010. Т. 6, № 88. С. 32–34.

7. Stegmaier W. Philosophi der Orientierung. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2008. 189 p.

УДК 17:57:614.256

Валерия Николаевна Сокольчик,

кандидат философских наук, доцент,

доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения,

Белорусская медицинская академия последипломного образования,

г. Минск, Беларусь,

e-mail: vsokolchik@mail.ru

Биоэтика сегодня: статус, сущность, проблемы

В статье рассматривается статус современной биоэтики, её связь с медициной. Автор представляет становление биоэтики, её единство с решением вопросов прав человека, обоснование биоэтики в международных документах. Биоэтические вызовы и возможности анализируются сквозь призму проблем современного общества и человека.

Ключевые слова: *биоэтика, права человека, биомедицина, биомедицинские технологии, инхэнсмент, исследования и испытания*

Valerya N. Sokolchik,

Candidate of Sciences (Philosophy),

Associated Professor of Department of Public Health and Healthcare,

Belorussian Medical Academy of Postgraduate Education,

Minsk, Belarus,

e-mail: vsokolchik@mail.ru

Bioethics Today: Status, Essence, Problems

The article is devoted to consideration of the status of modern bioethics and its relationship with medicine. The author represents the emergence of bioethics, its unity with the solution of human rights issues, the foundation of bioethics in international documents. Bioethical challenges and opportunities are analyzed through the problems of modern society and individual persons.

Keywords: *bioethics, human rights, biomedicine, biomedical technologies, enhancement, research*

Одно из самых востребованных и популярных в современном мире знаний – биоэтика. Международный статус биоэтики предполагает её рассмотрение как нового междисциплинарного научного направления, объединяющего естественнонаучное (медицинское, биологическое и др.) и гуманитарное (философское, юридическое и др.) знания. Однако, прежде всего, современная биоэтика имеет прикладной характер, претендуя на роль нравственной доктрины и новой коммуникативной практики в отношениях между обществом и природой, наукой и человеком, а в области медицины – между медицинским работником и пациентом [2].

Формирование биоэтического знания связано, прежде всего, с изменением парадигмы взаимоотношений человека и природы – переходом от тотального антропоцентризма к приоритету Жизни, сохранения природного многообразия и собственно человеческой сущности.

Основателем биоэтики и её теоретиком считается американский врач-онколог, президент американской ассоциации раковых заболеваний Р. Поттер, который в 1971 г. в книге «Биоэтика – мост в будущее» обозначил новое знание как знание прикладное, междисциплинарное и отвечающее за «выживание человечества» [5].

Формирование биоэтики, безусловно, тесно связано с медициной, биоэтические вопросы и идеи стали откликом на нацистские биомедицинские опыты на военнопленных и мирных жителей, что было осуждено на Нюрнбергском процессе. Впоследствии общие принципы биомедицинских исследований и испытаний с участием людей были закреплены в Нюрнбергском кодексе 1947 г. [19], Женевской декларации ВМА 1948 г. [17] и др.

Современная биоэтика опирается на достаточно широко разработанную юридическую базу, включающую, прежде всего, международные документы разного статуса и характера – как обязательного (для стран, ратифицировавших документ), так и декларативного. В числе международных документов, регулирующих основные принципы биоэтического знания и устанавливающих базовые ограничения и правила – Конвен-

ция Совета Европы «Конвенция о защите прав и достоинств человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине» (Конвенция Овьедо, принятая в 1997 г. парламентской ассамблеей совета Европы), которая является элементом Международного права и основой для решения вопросов в сфере биомедицины и прав человека Европейским судом по правам человека. Конвенция Овьедо дополнена протоколами: дополнительный протокол, касающийся запрещения клонирования человеческих существ (ETS № 168), дополнительный протокол относительно трансплантации органов и тканей человека (ETS № 186), дополнительный протокол о биомедицинских исследованиях (СЕТ № 195) и дополнительный протокол, касающийся генетического тестирования в медицинских целях (СЕТ № 203) [20].

Кроме того, важнейшими документами, в которых целостно рассматриваются проблемы прав человека и этические основы современной биомедицины являются:

– Декларация о Развитии Прав Пациентов в Европе (Принципы защиты прав пациентов в Европе: Общие принципы), подготовленная Всемирной организацией здравоохранения на европейском консультативном совещании ВОЗ по правам пациентов, состоявшемся в Амстердаме 28–30 марта 1994 года [15];

– Хельсинкская декларация всемирной ассоциации врачей (принята на 18-й генеральной ассамблее всемирной ассоциации врачей, Хельсинки, Финляндия, 1964 год; пересмотрена и внесены поправки 1975, 1983, 1989, 1996, 2000, 2002, 2013 гг.) [23];

– Всеобщая Декларация о Биоэтике и Правах Человека (окт. 2005 г., конференция ЮНЕСКО) [14] и др.

Все документы, где рассматриваются вопросы, связанные с биоэтикой, так или иначе, затрагивают и вопросы прав и свобод человека. Говоря о развитии современной биоэтики, часто её называют четвёртым (и даже пятым) поколением прав человека. Впервые концепция поколений прав человека прозвучала в 1979 г. в Страсбурге в Международном суде прав человека, выдвинул её чешский юрист Карел Фазак. Первое поколение

прав человека связывают с гражданскими, политическими правами и основными свободами, а также естественными правами, провозглашёнными французской революцией и американской революцией XVIII в. Второе поколение прав человека часто символически называют «красными правами» – это права социально-экономические (право на труд, приемлемый уровень жизни, образование и т. д.). Третье поколение прав человека отражает коллективные права («права солидарности» или «зеленые права») – право на мир, безопасную экологию, использование культурного потенциала человечества и т. д.

Идеи первого, второго и третьего поколений прав человека закреплены во Всеобщей декларации прав человека (1948), Международном пакте по гражданским и политическим правам (1966 г.) и Европейской конвенции по правам человека (1953) [13; 16]. В последней трети XX в. начинается развитие четвёртого поколения прав человека, связанного с ростом научно-технического прогресса, в частности биомедицины, с одной стороны, и признанием соматических прав человека (право распоряжаться своим телом, трактуемое как право на жизнь и смерть, право на использование репродуктивных технологий, генетические права, право смены пола и т. д. [1]), с другой стороны. Следующий этап – начало XXI века – часто называют пятым поколением прав человека. Здесь встают вопросы выживания человечества как биологического вида, вопросы разумного баланса прав человека, природы и общества. Реализация пятого поколения прав человека связана с разумной заботой и сохранением жизни, сохранением человеческой идентичности. Именно эти вопросы и ставит в центр своего изучения и деятельности биоэтика [3].

В целом понимание биоэтики в современном социуме связано с определением её как:

- общей этической установки, ориентирующей на защиту Жизни;
- правил и норм поведения общества в реализации четвертого и пятого поколений прав человека;
- этических норм, позволяющих гуманизировать высокие технологии современной медицины и её повседневные практики;

– а также междисциплинарной коммуникации, нацеленной на взаимопонимание и взаимодействие «человек – общество – биомедицина» [2].

Несмотря на прозрачность статуса биоэтики как междисциплинарного прикладного направления, часто возникающим вопросом (особенно в медицинской среде) становится вопрос о соотношении медицинской этики и биоэтики (или биомедицинской этики).

В самом широком смысле биоэтика – намного более широкое понятие, нежели медицинская этика, поскольку включает наряду с проблемами биомедицинскими, проблемы социальной этики и прав человека, экологической этики и сохранения природы. Подчёркивая максимально широкий, междисциплинарный и всеобъемлющий статус биоэтических проблем, Поттер в 80-е годы вводит понятие «глобальная биоэтика».

Несмотря на часто встречающуюся в медицинской литературе подмену понятий (биоэтика/биомедицинская этика/медицинская этика) [9], необходимо правильно расставить акценты. В классическом варианте медицинская этика – это, по сути, внутрикorporативная этика, предписывающая этические нормы и принципы взаимоотношения врача с пациентом/родственниками пациента и коллегами. Однако в современном мире медиализации роль медицины в обществе вырастает в силу вовлечённости каждого без исключения в пространство медицины [4; 12]. Существовая в социуме, сегодня невозможно быть в стороне от проблем современной биомедицины, новых биомедицинских технологий и их оценки, решений проблем жизни и смерти (как собственной, так и близких), поэтому вполне логично говорить, что биоэтика, включая всё, что разработано медицинской этикой, приходит ей на смену, обсуждая более широкий круг вопросов и вовлекая каждого члена общества в их решение. При этом медицинская этика может сохранять свой самостоятельный статус, что, с точки зрения автора, несколько усложняет понимание структуры этического знания в обществе (в частности среди медицинских работников), логичнее же вопросы медицинской этики включать в рамки биоэтического знания (биомедицинская этика).

В контексте биомедицинских проблем общества биоэтика, прежде всего, решает следующие задачи. Во-первых, биоэтика обеспечивает этико-правовое сопровождение новых биомедицинских технологий. Новейшие научные достижения сегодня достаточно быстро внедряются в практику, обеспечивая человеку возможности искусственного зачатия, генетического тестирования и модификации, омоложения, изменения пола, обновления органов, безболезненной смерти и даже замены воспоминаний и т. д. Например, технологии «инхэнс-мента» [6] уже не являются чем-то фантастическим. Так называемый «слабый» вариант инхэнс-мента – улучшение человеческого тела и преобразование сознания (памяти) путем, например, косметологии, хирургии, трансплантации, фармации прочно вошёл в нашу жизнь. «Сильный» вариант инхэнс-мента – генетические изменения, киборгизация и т. д. в целом также очень близкое будущее [7]. Однако, всегда ли человек, подвергающийся подобным манипуляциям и сам «манипулятор» (врач) хорошо понимают возможные последствия такого улучшения человека?! В данной ситуации перед обществом и конкретной личностью встают не только сиюминутные вопросы улучшения, но фактически мировоззренческие вопросы – например, как и кто будет определять разумный баланс между вредом и пользой для человека в каждом конкретном случае применения новых биомедицинских технологий; всё ли позволено; сохраним ли мы человеческую идентичность? В данном случае правовое регулирование подобных проблем помогает установить разумные рамки, не позволяющие человеку вредить самому себе/человеческому роду и природе. Однако, эти рамки весьма общи и универсальны, при этом конкретные индивидуальные ситуации, возникающие в связи с новыми биомедицинскими технологиями, могут выходить за пределы установлений закона. Соответственно разрешение таких индивидуальных проблем и ситуаций, а также разработка принципов воздействия на человека высоких технологий, обсуждение моральных оснований выбора и создание компетентных коллегиальных органов для принятия решений – сфера деятельности современной биоэтики.

Во-вторых, на основе современных биоэтических принципов и правил строится коммуникация врача и пациента (родственников пациента). Сегодня классические стратегии общения, наработанные веками в профессиональной медицине, уже не отвечают запросам социума и личности. Взаимоотношения врача и пациента в современном обществе определяются новыми принципами и новыми проблемами: биомедицинская этика провозгласила принцип автономии личности – право на независимость и самостоятельность решений пациента, обязательность его информированного согласия; тотальная информатизация и доступ к медицинской информации породили миф о «всеобщей медицинской грамотности»; неумение (нежелание) медицинского работника сопереживать, видеть перед собой человека, а не «болезнь», создало проблемы деперсонализации, формализации, физикализации взаимоотношений врача и пациента [2, с. 107]. Всё это разрушило традиционную парадигму взаимного доверия, уважение пациента к статусу врача, поставило под сомнение работоспособность классических моделей взаимоотношений врача и пациента [11]. Для создания и поддержания отношений с пациентом (равно как и с коллегами) сегодня врачу недостаточно быть высококвалифицированным профессионалом, необходимы, как минимум, владение основами современного биоэтического знания и современными коммуникативными технологиями. Главнейшим биоэтическим принципом для решения вопросов взаимодействия врача и пациента должен стать принцип автономии личности. Наиболее часто возникающие вопросы, связанные с принципом автономии пациента: что классифицировать как «давление на пациента», нужно ли учитывать ранее высказанные пожелания пациента, если в данный момент он не в состоянии этого сделать, следует ли учитывать мнение несовершеннолетних относительно вопросов касающихся их жизни и здоровья и как это реализовывать, нужно ли учитывать мнение недееспособных граждан, имеет ли право врач ради спасения жизни идти против воли пациента или его родственников [8]. Эти и многие другие вопросы составляют важнейшую часть современного биоэтического дискурса. След-

ствием применения принципа автономии становится свобода (и ответственность!) личности при принятии решений, полная информированность, выражающаяся в «информированном согласии», правдивость, конфиденциальность, невмешательство в частную жизнь и соблюдение врачебной тайны. В контексте соблюдения биоэтических принципов (правил) современная биоэтика поднимает вопросы о минимизации рисков для человека и определении врачом допустимого соотношения вреда и пользы при лечении. В продолжении фундаментального принципа автономии личности биоэтика также ставит вопрос о уязвимости личности, рассматривая последнюю не только с позиции телесной/физической уязвимости, но также как социальную и культурную уязвимость. Здесь реализуется важнейшая идея специфики культурного, социального, индивидуально личностного понимания добра и пользы каждым человеком, социокультурной индивидуальности восприятия внешнего вмешательства.

Необходимо отметить, что нарушение глобальных принципов и правил биоэтики чаще всего становится основой прецедентов, взаимных обвинений и конфликтов между врачами и пациентами. Примером тому могут служить разбор жалоб пациентов в судебном порядке или на уровне медиации, в частности – нашедшие «медицинские» дела, рассмотренные европейским судом по правам человека – «Глэсси против Соединенного королевства» (2004), «V. С. против Словакии» (2011), «Коновалова против Российской Федерации» (2014), «Баталины против Российской Федерации» (2015) и др. [18]. Отсутствие ясного и своевременного информирования о характере и последствиях медицинского вмешательства, получение согласия пациента через давление или искажение информации, формальный подход к решению проблемы – формальное получение разрешения/отказа на вмешательство – всё это с точки зрения биоэтического дискурса может и должно расцениваться как посягательство на моральную и физическую неприкосновенность личности, нарушение её прав, автономии, а также классического принципа «не навреди».

Ещё одно направление неразрывной связи биомедицины и биоэтики – этическое и правовое сопровождение биомеди-

цинских исследований и испытаний, включая выбор объекта, определение актуальности исследования, выбор участников исследований (испытаний), коллективное (в рамках этического комитета) обсуждение и оценка хода исследования, его методологии, инструментария, целей и результатов [22]. Биоэтическое регулирование современной научно-исследовательской деятельности – это не только необходимое условие адекватности исследования/испытания, устанавливаемое международным сообществом (например, «Good Clinical Practice»). Прежде всего, реальное биоэтическое сопровождение исследования – это гарантия соблюдения прав человека, приоритетов личности над абстрактным развитием науки и общества, а также ценностной ориентированности науки. В требовании биоэтического сопровождения любых биомедицинских исследований и испытаний наиболее адекватно выражаются требования ценностной ориентированности постнеклассической науки, её внимание к человеку и коллегиальной оценке нравственности проводимых исследований. Особенно важным для современной науки становится вопрос экспертизы научного знания, которая подразумевает не столько методологическую и инструментальную проверку, сколько рассматривает «вписанность» исследования в социокультурный контекст, соответствие этическим ценностям, приоритетам личности и общества. Реализация биоэтического сопровождения исследований и испытаний сегодня, как правило, осуществляется через компетентные биоэтические комитеты, активно участвующие в исследовании (испытании) на всём его протяжении – от обсуждения дизайна исследования до получения конкретных результатов [21].

Особую роль в системе биоэтических комитетов призваны играть Национальные комитеты по биоэтике. Их роль и статус, безусловно, гораздо шире, нежели исключительно вопросы исследовательской этики. На завершившемся в г. Дакаре 12-м глобальном саммите национальных биоэтических комитетов (21–24 марта 2018 г.) был поставлен вопрос о важнейшей просветительской функции комитетов. Реализация этой функции требует, прежде всего, образовательной работы

среди населения в целом и, в частности, таких групп населения как медицинские работники, журналисты, юристы. На саммите биоэтика в ракурсе современной медицины названа основной эластичности и устойчивости современных систем здравоохранения. Соответственно функции определения приоритетных задач и направлений развития общества в контексте биомедицины и её гуманизации, решение проблем использования огромных массивов электронных данных личности, решение проблем обеспечения прав и ассимиляции в чужой культуре беженцев, постановка глобальных проблем профилактики, здорового образа жизни и т. д. – все это вопросы первостепенной важности, которые в современном мире должны находиться на контроле национальных биоэтических комитетов.

Такие комитеты существуют сегодня фактически в каждой стране, подобные структуры могут создаваться, например, при президенте государства, при различных государственных организациях (органах гос. управления), научных объединениях (при Академии наук и др.), фондах и т. д. В Беларуси, например, национальный комитет по биоэтике был создан в 2006 г. при Министерстве здравоохранения, сегодня он объединяет специалистов по биоэтике, юристов, ведущих представителей здравоохранения, учёных в области медицины, генетики, биологии и т. д. Безусловно, обеспечить решение широкого спектра биоэтическим проблем на уровне государства – задача непростая, однако при условии широкого развития системы жизнеспособных локальных биоэтических комитетов и комиссий – вполне выполнимая.

Таким образом, биоэтика как прикладное междисциплинарное направление сегодня рассматривает огромный спектр проблем, связанных с бережным отношением к Жизни вообще, человеку и выживанию человеческого рода. Реальными путями решения биоэтических проблем является просвещение населения, гуманизация биомедицины, решение вопросов прав человека. А в числе наиболее адекватных инструментов биоэтики – деятельность биоэтических комитетов разного ранга и уровня, призванных как контролировать соблюдение биоэтических правил и принципов, так и распространять идеи биоэтики.

Список литературы

1. Абашидзе А. А., Солнцев А. М. Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал международного права. 2009. № 1. С. 69–82.
2. Богдан Е. Л., Соколыч В. Н., Щавелева М. В. Современная медицина и биоэтические вызовы // Здравоохранение Беларуси. 2018. № 3. Март.
3. Ивентьев С. И. Четвёртое и пятое поколения прав человека как основа духовного и нравственного возрождения человечества [Электронный ресурс] // Научный электронный архив. Режим доступа: <http://www.econf.rae.ru/article/8016> (дата обращения: 17.03.2018).
4. Михель Д. В. Медикализация как социальный феномен // Вестник СГТУ. 2011. № 4, вып. 2. С. 256–263.
5. Поттер В. Р. Биоэтика. Мост в будущее. Киев: Вадим Карпенко, 2002. 215 с.
6. Рабочие тетради по биоэтике. Вып 23. Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения человека» / под ред. Б. Г. Юдина. М.: Изд-во Моск. гум. ун-та, 2016. 164 с.
7. Ребриков Д. В. Редактирование генома человека [Электронный ресурс] // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2016. № 3. Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru/article/v/redaktirovanie-genoma-cheloveka> (дата обращения: 14.03.2018).
8. Соколыч В. Н. Современные проблемы коммуникативного взаимодействия врача и пациента: этический аспект // Здравоохранение Беларуси. 2017. № 9. С. 34–40.
9. AMA Journal of Ethics [Электронный ресурс]. 2016. Vol. 18, № 12. Режим доступа: <http://www.journalofethics.ama-assn.org/2016/12/msoc1-1612.html/> (дата обращения: 16.01.2018).
10. Sokolchik V. The relationship between the doctor and the patient in the medicalization era. The survival strategy in terms of bioethics, philosophy and medicine – collection of scientific articles with international participation / ed. T. Tsyrdya. Chisinau: Medicina, 2016. Vol. 22. С. 106–109.
11. Veatch R. The Patient as Partner: A Theory of Human Experimentation Ethics [Электронный ресурс]. Bloomington: Indiana University Press, 1987. Режим доступа: <https://www.books.google.com.tr/books?id> (дата обращения: 10.03.2018).
12. Zola I. Medicine as an Institute of Social Control // Sociological Review. New Series. 1972. Vol. 20. Pp. 487–504.

Источники

13. Всеобщая Декларация о биоэтике и правах человека [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Paris: UNESCO. Режим доступа: <http://www.unesdoc.unesco.org/images/0014/001428/142825r.pdf#page=90> (дата обращения: 01.03.2018).

14. Всеобщая декларация прав человека: прин. резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 17.03.2018).

15. Декларация о Развитии Прав Пациентов в Европе [Электронный ресурс] // Всемирная организация Здравоохранения, Европейское совещание по правам пациента. Амстердам, 1994. Режим доступа: <http://www.zdravinform.mednet.ru/pub/EU.1997.C.29.R.doc> (дата обращения: 01.02.2018).

16. Европейская конвенция по правам человека [Электронный ресурс]: прин. Советом Европы от 04.11.1950 г., изм. и доп. протоколами № 11 и 14, в сопровождении Дополнительных протоколов № 4, 6, 7, 12 и 13. Европейский суд по правам человека, Совет Европы, 2010. Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 17.03.2018).

17. Женевская декларация Всемирной Медицинской Ассоциации (Международная клятва врачей. Кодекс медицинской этики) [Электронный ресурс]: прин. 2-й Генеральной Ассамблеей Всемирной Медицинской Ассоциации. Женева, сент. 1948 г., доп. 22-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, Сидней, авг. 1968 г., 35-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, Венеция, окт. 1983 г. и 46-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, Стокгольм, сент. 1994 г. Режим доступа: <http://www.info.medic.today/load/wma1/1-1-0-3> (дата обращения: 14.03.2018).

18. Ивана Роанья. Защита права на уважение частной и семейной жизни в рамках Европейской конвенции о защите прав человека. Серия пособий Совета Европы. Воронеж: Элист, 2014. 196 с.

19. Нюрнбергский кодекс 1947 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.psychepravo.ru/law/int/nyurnbergskij-kodeks.htm> (дата обращения: 14.03.2018).

20. Права человека и биомедицина. Конвенция Овьедо и её протоколы [Электронный ресурс] // Council Of Europe. 2017. Режим доступа: <http://www.coe.int> (дата обращения: 01.02.2018).

21. Руководство № 1 по созданию комитетов по биоэтике [Электронный ресурс]. Париж: ЮНЕСКО, 2005. Режим доступа: <http://www.unesdoc.unesco.org/images/0013/001393/139309g.pdf> (дата обращения: 15.02.2018).

22. Технический кодекс установившейся практики «Надлежащая клиническая практика», утвержденный постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 07.05.2009 г. № 50 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Минск: ЮрСпектр: Нац. Центр правовой информации. Республика Беларусь, 2018. Режим доступа: <http://www.minzdrav.gov.by/ru/dlya-spetsialistov/normativno-pravovaya> (дата обращения: 12.01.2018).

23. Хельсинкская декларация Всемирной Медицинской Ассоциации «Этические принципы проведения медицинских исследований с участием людей в качестве субъектов исследования» [Электронный ресурс]: прин. на 18-й Генеральной ассамблее Всемирной медицинской ассоциации, Хельсинки, июнь 1964 г., с изм. и доп., внесёнными в 1975, 1983, 1989, 1996, 2000, 2002, 2004, 2008 гг. Режим доступа: <http://www.info.medic.today/load/wma1/1-1-0-3> (дата обращения: 14.07.2017).

24. European Textbook on Ethics in Research [Электронный ресурс] // Directorate-General for Research, Science, Economy, Society. Brussels, 2010. 212 p. Режим доступа: <https://www.ec.europa.eu/research/research-eu> (дата обращения: 12.01.2018).

УДК 316:1

***Алексей Анатольевич Тарасов,**
кандидат философских наук,
руководитель отдела научных исследований,
Нижегородский институт управления –
филиал РАНХиГС,
г. Нижний Новгород, Россия,
e-mail: alexey.an.tarasov@gmail.com*

NBIC-технологии конвергенции естественного и социального как генератор основного конфликта эпохи 4-й индустриальной революции

В статье даётся первичный обзор тех проблем и вызовов, которые встают перед людьми и обществом в связи с появлением NBIC-технологий в социальном, экономическом, гуманитарном, технологическом и этико-психологическом контекстах. Главный вывод – с наступлением 4-й индустриальной революции человечество оказывается в «пороговой» ситуации, в состоянии перманентного кризиса всех ценностей и смыслов, на границе неопределённости и удерживается на ней новыми NBIC-технологиями. В связи с этим под ударом оказываются все фундаментальные дихотомии «человеческого мира», включая «естественное – социальное». В такой ситуации нужна не просто ко-эволюция или ко-адаптация, но крайнее средство – ко-революция, понимаемая в противоположность NBIC-революции не как ускорение инноваций, но как возрождение «родового» понимания «революции» – как возврата человека и общества к самим себе, принятие вызова и осознание, что они теперь и есть «поле битвы».

***Ключевые слова:** NBIC (нано-био-инфо-когно)-технологии, 4-я индустриальная революция, конвергенция, ко-революция, конфликт, дихотомия*

мия, граница неопределённости, эпоха синтетических наук и технологий, организм, организация, компьютеризация, не-выбор, танато-производство, мимезис, виртуальная реальность, умная среда

Alexey A. Tarasov,

Candidate of Sciences (Philosophy),

Head of Research Department,

Nizhny Novgorod Institute of Management,

Branch of RANEPa,

Nizhny Novgorod, Russia,

e-mail: alexey.an.tarasov@gmail.com

NBIC-technologies for Convergence of Natural and Social as Generator of the Main Conflict in the Age of the 4th Industrial Revolution

The article presents the primary review of the problems and challenges facing humanity and society with the appearance of NBIC-technologies within the social, economic, humanitarian, technological, ethical and psychological domains. My key conclusion is that with the advent of the 4th Industrial Revolution humanity finds itself at the threshold, and held on in the state of permanent crisis of all the values and meanings, at the edge of uncertainty by new NBIC-technologies. In this respect, all fundamental dichotomies of humanity, including the “Natural – Social”, are under attack. Thus, we need not only the co-evolution or co-adaptation, but the co-revolution as the last resort. This co-revolution should be understood not as NBIC-acceleration of innovations, but, in contrast, as the revitalization of the “generic” sense of revolution – comeback of humanity and society to themselves. It is supposed to mean accepting a call and the realization that they themselves are now the main battlefield.

Keywords: *NBIC(nano-bio-info-cogno)-technologies, 4th Industrial Revolution, convergence, co-revolution, conflict, dichotomy, edge of uncertainty, age of synthetic sciences and technologies, organism, organization, computerization, non-choice, tanato-production, mimesis, virtual reality, smart environment*

«Граница неопределённости» – термин, введённый Уорреном Уивером, одним из пионеров, наряду с Клодом Шенноном, теории информации, а также автором дисциплины «молекулярная биология» [15, с. 581–582], в середине XX столетия, и подхваченный в начале XXI века сторонни-

ками теории конвергенции нано-, био-, инфо- и когно- наук (NBIC) в рамках единой парадигмы развития новейших технологий трансформации Природы, Социума и человека. Уивер имел в виду нано-реальность – уровень суб-элементарных частиц, глубже которого мы уже не способны проследить какие-либо функциональные и структурные закономерности, а потому производить манипуляции с веществом и энергией. Таким образом, с момента начала экспериментов времён «холодной войны» с их претензией на создание эффективных интерфейсов для синтеза машины и человека, экспериментальная психология ставила последнего в «пограничные условия».

Наш век информационных технологий, кажется, действительно сможет воплотить старую идею, мечту о конвергенции – о том, что капитализм и социализм в один прекрасный момент сольются в единое целое. Ян Тинберген ещё в 1959-м году предсказал, что две противоборствующие силы, две взаимные антитезы неизбежно будут двигаться к «оптимальной» форме развития общества и режима его функционирования [14]. Идея была представлена в виде теории равновесия, *equilibrium*, составлявшей суть неоклассической школы экономикса. Но сама идея была перенесением аналогии из уже набравшей к тому времени силу и влияние теории информации.

К началу 90-х годов XX столетия тема конвергенции двух систем отпала сама собой вместе с крушением одной из них. Парадокс в том, что спустя всего 10 лет тема конвергенции вернулась в несколько ином облики. В 2001-м году более 70 ведущих учёных мира в попытке прийти к консенсусу в вопросе о будущем науки и самых перспективных её направлениях в XXI веке, идентифицировали данную цель как комбинацию нано-технологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивной науки – единство NBIC-технологий конвергенции [11; 12]. В противовес XX столетию с его дисциплинарными разделениями и господством методов анализа и дедукции, XXI век был провозглашён эпохой синтетических наук и технологий, а на смену «холодной войне» пришла борьба с терроризмом.

Как правило, выстраивается следующая последовательность: если аналитические методы трансформировали человеческое общество в первой половине XX века, интегративный подход когнитивизма имел столь же существенное влияние во второй его половине, то NBIC-технологии, с их «синтезом» ещё более высокого уровня, должны фундаментально изменить нашу жизнь уже в наступившем столетии. Однако можно представить и иную, более соответствующую реальности, логическую цепочку и динамику: когнитивные науки как детище «холодной войны» только усилили разделение и дробление научных дисциплин, и тем самым фрагментацию «жизненного мира» (Куновские «парадигмы» как апогей замкнутости мира и Баумановская «текущая современность» как их зеркальное отражение в мире феноменов и повседневности); соответственно, и NBIC-технологии – это доведение данной тенденции до предела. До «границы неопределённости».

Важно понимать, что NBIC-технологии собирают, интегрируют не человека, но науки и технологии. Для того чтобы последние ещё сильнее «дробили», фрагментировали человека. В данном случае все рассуждения о «биологизме», о природе человека – это не рассуждения об «естественном», как об интегративном центре, но о дальнейшей редукции. Одновременной редукции человека как организма, и организации людского социума как супер-организма к организации суб-модулей тела и сознания (как в молекулярной биологии и модулярной теории сознания – «Society of Mind» Марвина Минского [9], соответственно). Тем самым снимается сама проблема, дихотомия Тела и Сознания (mind-body problem). Поэтому, когда современная организационная психология делает вывод о том, что если раньше мы смотрели на общественные институты снизу вверх, а теперь сверху вниз, то речь идёт о том факте, согласно которому появление NBIC-технологий переносит акцент науки и технологий с «внешней» природы человека на «внутреннюю» [13, с. 272].

Наука начинает во всё более расширяющихся масштабах описывать жизненный мир (life-world) как саморепродуцирующуюся, информационно-процессинговую систему. Обыч-

но при этом говорят о «компьютеризации жизни». Процесс компьютеризации реальности всегда предшествует «конвергенции». Вот почему организм теперь рассматривается не в рамках модели гомеостаза (поддержания стабильности «внутреннего», жизненного мира), но как проекция «кода», как машина, которая может быть запрограммирована и, соответственно, перепрограммирована.

Важно, что изначальным посылом разработки методов «компьютации» (computation) являлось моделирование и симуляция эволюционных процессов, поэтому современные тенденции, на переднем крае воплощаемые в NBIC-технологиях, указывают на попытки взять эволюцию под контроль, задавать ей направление, придать цель бесцельному («смысл бессмысленному»). Эта стратегия имеет корни во вполне традиционной «иммунизации», карантине, буферной зоне, нацеленной на упреждение, разрешение чувства беспомощности перед лицом судьбы, рока, непонятного, глобальных материальных или стихийных сил [4, с. 109]. Здесь мы как бы «урезаем» собственную природу, сферу деятельности, проект под названием «человечество» в попытке заново нащупать пределы и границы осмысленного действия, и, таким образом, оказываемся на «границе неопределённости», но со стороны редукции, а не интеграции.

Марксистская стратегия исторически заключалась в «возвышении» человека над его «животной» природой путём вложения в его руки инструментов предвидения негативных и непредвиденных событий, которые следовало совершить для того, чтобы с течением времени отвоевать способность минимизировать воздействие и влияние на нашу жизнь незапланированных следствий наших же собственных действий. Итогом конвергенции XX столетия явился «рыночный социализм», при котором дискретные, пошаговые, «маргинальные» серии адаптаций начали не то чтобы снижать «неопределённость», но прямо продуцировать её, войдя в некий резонанс, в цикл постоянных кризисов и повторов. С этого момента «свободный» выбор «свободного» человека оказывается при переходе на логически более высокий уро-

вень, уровень общества, «не-выбором». Вот почему мы живём в мире конвергенции технологий и, одновременно, дивергенции интересов.

Если, таким образом, одно из главных противоречий между нашими ожиданиями и стремлениями, с одной стороны, и имеющимися в распоряжении ресурсами, с другой, является скорее качественным, нежели количественным, то от нас требуется не просто терпение, но стоицизм и общественное сотрудничество – качества, которые диссонируют с гипериндивидуалистической культурой нашего времени. Господствующее обещание экономического роста и технологического прогресса камуфлирует остроту конфликта между индивидуалистическими действиями и удовлетворением персональных предпочтений. Проблема решается переконфигурацией самой «персоны», которая конструируется, наделяется новыми горизонтами видения и планирования в стиле Д. Деннета, «бостонского зомби». Говорят о том, что основные «блага» NBIC-революции располагаются за пределами индивидуального сознания, но одаривают группы, экономику, культуру, общество в целом – новые технологии нацелены на повышение групповой продуктивности, эффективности коммуникаций, кооперации, и таким образом, являются социальными, сверх-сознательными, супер-организационными технологиями.

В этом суть современного прогресса: в условиях, когда основная часть наших «биологических» потребностей первого порядка в еде, одежде и доме удовлетворены, традиционное различие между производством, распределением и потреблением стираются, а инновационная экономика сводится к производству новых, «искусственных» потребностей, а вовсе не удовлетворению «естественных», реальных. Мы достигли предела жизненно необходимого (life-sustaining) потребления, и перешли к танато-производству. «Идеальным типом» роста становится паттерн катастрофического развития событий, канцерогенный.

Можно сделать обобщение, согласно которому в случае NBIC-технологий мы имеем дело с тем фактом, что символический порядок нашей жизни – совокупность фундамен-

тальных дихотомий, посредством которых мы понимаем реальность – оказывается по ударом [13]. Различение человека и машины, тела и сознания, здоровья и болезни, свободы и ответственности, живой и неживой материи уже не так очевидно, кажется не столь реальным. Говорят о континууме явлений, плавном переходе между ними, «объяснении в принципе», а не по истине. «Закон восприятия» оказывается един как для тела, так и для сознания. Поэтому тело «испаряется», а сознание оказывается неживым.

Люди всегда чётко различали то, что можно прямо пере-страивать, и то, на что можно только опосредованно влиять. Именно этот водораздел проблематизируется NBIC-технологиями, выносятся к «границе неопределённости». Объективирующий (он же – редуцирующий) и социализирующий (он же – интегрирующий) подходы к реальности, онтологически и гносеологически всегда были разделены. Люди всегда были способны пользоваться оба, в той или иной последовательности, не смешивая их между собой. В подавляющем большинстве ситуаций люди всегда интуитивно или осознанно понимали, какой подход уместен. И даже если не было понимания, существовали строгие табу, запреты, которые определяли где проходит граница между двумя перспективами. Ситуации, при которых чёткое различение размывается, всегда были настоящим потрясением. В противовес этому NBIC-технологии как раз нацелены на создание «граничных конфликтов», на деконструкцию всех табу, на производство новых противоречий путём «размягчения» устоявшихся дихотомий. NBIC-технологии – это конвергенция в условиях отсутствия дихотомий.

4-я индустриальная революция как социальная проекция NBIC-технологий обычно описывается как стирание грани между software и hardware – мы уже на пороге будущего, в котором производители материальных благ окажутся наделены способностью создавать, «выращивать», копировать, утилизировать, направлять или ускорять (или даже обрывать) эволюцию тел, вещей и организмов с той же лёгкостью, которую мы обычно ассоциируем с программированием. И всё это – нажатием одной кнопки, или даже силой мысли.

Культура с её «вещами» и «смыслами» движется в направлении «виртуальной реальности». Сегодняшней промежуточной стадией является супер-организм – полностью искусственное образование, которое следует понимать как «умную среду» [5], которая сама приспосабливается к нам, а потому вызывает в нас, людях, анабиоз, а не симбиоз, тем более гомеостаз. NBIC-технологии создают основу для слияния искусственных технологических систем и наших биологических подсистем, виртуального (цифрового) и физического (телесного) миров. Поэтому следует осторожно воспринимать новое научное направление – «экология человека», за которым обычно скрывается попытка вменить социологии функцию согласования-рассогласования интерфейса между общественным организмом (организацией) или индивидуальным организмом (в обход социального) и соответствующей им средой, которая далеко не тождественна в том и другом случае.

Таким образом, сущностью технологий нового промышленного уклада является их эргономика, абсолютное удобство, прозрачность, отсутствие какого-либо сопротивления. Мимезис [11, с. 279]. А ведь оппозиция со стороны реальности – условие любых здоровых отношений. Сопротивление – столь же важная часть наших потребностей, как и желание преодолеть его. Только сопротивление и вызывает желание, давая ключ к собственному преодолению и превосхождению. NBIC-технологии, в этом смысле, не являются «реальными», а потому и сознательными, ибо незаметно проникают прямо в бессознательное. Они – «материализация» наших страхов о мире без сопротивления, упругости, выпуклости. Это зеркало, отражение нас самих, нашего метафизического одиночества [13, с. 275]. Природа, естественное – до сих пор, как и во все времена, наша последняя опора, символ, находящийся вне нашего контроля, в отношении к которому мы единственно и можем себя обрести, и который в опасности релятивизации на фоне внедрения NBIC-технологий.

Прорывы в области нано-технологий, стирающие грань между естественными и «рукотворными» молекулярными системами, теории информации, ведущие к появлению всё более

«умных» и автономных машин, биотехнологий, раздвигающих пределы жизни и смерти на уровне генома, когнитивизма и нейронаук, находящихся воплощение в создании искусственных нейросетей и декодировании человеческого «когнома», а также социальных наук, редуцируемых до анализа систем мемов и овеществления коллективного IQ, готовят почву для ещё большего ускорения роста и прогресса. Если раньше говорили об устойчивом развитии (Sustained Development), то теперь – только об устойчивости развития (Developmental Sustenance), тогда как следует рассуждать об идеале «устойчивости человека и общества», ибо именно последние – главная цель NBIC-технологий «новой волны» конвергенции. И главным механизмом её достижения в условиях 4-й индустриальной революции должны быть уже не ко-эволюция, или ко-адаптация, но ко-революция (от англ. *revolve* – вращаться, кружиться, оборачиваться, поворачиваться), в смысле постоянного и циклического возвращения людей к истокам, к собственной орбите, к самим себе, к равновесию.

Это непростая задача в условиях NBIC-технологий. «Естественное» и «социальное» утрачивают свою объяснительную силу на «границе неопределённости», и тем более за гранью, когда кризис всех дихотомий становится перманентным и поддерживается в таком положении. Гении и прочие монстры населяют нашу жизнь именно в такие моменты, когда появляется необходимость в наведении мостов между естественным и сверхъестественным [10, с. 459]. Сверхъестественное сегодня принимает форму искусственного. Вопрос не в том, кем мы, люди, будем в итоге этого процесса – Богами или вещами. Ибо и у Богов, и у вещей есть чёткое положение в мире. У людей же его нет – они всегда на границе, между Богов и вещей. «Выдавливание» же последних на наше место – это технологическая проблематизация потребности мира в человеке. И потому «человеческое» измерение вопроса в том, что, во-первых, всё должно быть на своём месте, а во-вторых, всему должно найтись место.

Список литературы

1. Кутырёв В. А. Естественное и искусственное: борьба миров. 2-е изд. М.; Берлин: Direct-Media, 2014. 272 с.
2. Bond P. Vision for converging technologies and future society // *Annals of New York Academy of Sciences*. 2004. No. 1013. Pp. 17–24.
3. Fuller S. *Humanity 2.0. What it Means to be Human Past, Present and Future*. Palgrave Macmillan. 2011. 6 Oct.
4. Fuller S. Neuroscience, Neurohistory, and the History of Science: A Tale of Two Brain Images. 2014. Vol. 105, No. 1. Pp. 100–109.
5. Fuller S. Organizing the organism: a re-casting of the bio-social interface for our times. *The Sociological Review Monographs*. 2016. Vol. 64, No. 1. Pp. 134–150.
6. Gough J. Opinion: Learning Technologies? Convergent Technologies? What Do These Mean? *Education and Information Technologies*. 2000. Vol. 5. No. 2. Pp. 133–142.
7. Grunwald A. Converging technologies: Visions, increased contingencies of the *conditio humana*, and search for orientation. 2007. No. 39. Pp. 380–392.
8. Maynard A. Navigating the fourth industrial revolution // *Nature Nanotechnology*. 2015. Vol. 10. Pp. 1005–1006.
9. Minsky M. *The Society of Mind*. Simon and Schuster Paperbacks. 1985.
10. Mirowski P. *Natural images in economic thought: markets read in tooth and claw*. Cambridge: Cambridge University Press; New York, 1994.
11. Roco M., Bainbridge W. *Converging Technologies for Improving Human Performance*. National Science Foundation, Arlington, Virginia. 2002.
12. Roco M., Bainbridge W. *Managing Nano-Bio-Info-Cogno Innovations. Converging Technologies in Society*. Dordrecht: Springer, 2006.
13. Swierstra T., van Est, R., Boenink M. Taking Care of the Symbolic Order. How Converging Technologies Challenge our Concepts. *Nanoethics*, 2009. No. 3. Pp. 269–280.
14. Tinbergen J. The Theory of the Optimum Regime. In: Fox K. A., Sengupta J. K., Narasimham G.V.L. *Economic Models, Estimation and Risk Programming: Essays in Honor of Gerhard Tintner // Lecture Notes in Operations Research and Mathematical Economics*. Berlin: Heidelberg, 1969. Vol. 15. Springer. Pp. 133–189.
15. Weaver W. Molecular Biology: the Origin of the Term // *Science*. 1970. Is. 3958. Pp. 581–589.

Юлия Вонховна Хен,
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт философии РАН,
г. Москва, Россия,
e-mail: hen@iph.ras.ru

Возможные пути преодоления экологического кризиса

Экологический кризис в широком смысле слова, включающем истощение ресурсов, вырождение, угрозу ядерного уничтожения и т. п., является результатом «разумной» деятельности человека. Для предотвращения гибели Homo sapiens необходимо применить разумные меры адаптации социума к изменению среды обитания. Наибольшее число сторонников сегодня насчитывают следующие «стратегии выживания»: природоохранные мероприятия, агрессивную демографическую политику, постгуманизм и трансгуманизм.

Ключевые слова: евгеника, экология, статистика, качественная демография, адаптация, вырождение, трансгуманизм, постгуманизм

Julija V. Khen,
Doctor of Sciences (Philosophy),
Main Research Fellow,
Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
e-mail: hen@iph.ras.ru

Ways of Overcoming Environmental Crisis

The environmental crisis, resource depletion, the degradation, the threat of nuclear annihilation, etc. – all signs of impending catastrophe are caused by “reasonable” human activities. In the face of the future it is necessary to take special measures for the adaptation of society to change “environment” for humanity. In this field, there are several strategies: environmental awareness, aggressive population policy, posthumanism and transhumanism.

Keywords: eugenics, ecology, statistics, demography, demography, adaptation, posthumanism, transhumanism

Ответственность за состояние биосферы в современном мире, чаще всего описываемое словами «экологический кризис», целиком и полностью лежит на человеке, а именно – его

«разумной» деятельности по преобразованию природной среды с целью сделать её более комфортной для человека. С точки зрения интересов выживания вида *Homo sapiens* такое поведение оправдано только в недалёкой перспективе. Действительно, развитие культуры и цивилизации, превратившее человека из рядового звена пищевой цепи в «царя природы», привело к рекордному увеличению численности людей в относительно короткий срок, и захвату ими практически всех территорий во всех климатических зонах. Причём рост численности произошёл очень быстро (по разным оценкам в течение XX века численность населения возросла в 7–10 раз), и скорость прироста не снижается и сегодня, когда перенаселённость городов и нехватка продуктов питания, медикаментов и прочих потребительских благ становится всё более острой.

Ещё одна проблема, связанная с перенаселением – это утилизация отходов жизнедеятельности. Она выглядит второстепенной по сравнению с дефицитом продуктов питания, на который обратил внимание уже преподобный Мальтус, однако известны примеры природных популяций (особенно часто это происходит с колониями микроорганизмов, но не только с ними), которые гибнут вследствие отравления продуктами распада собственных отходов. В этой связи особенно тревожно выглядят сообщения о тихоокеанском мусорном острове, содержащем 325 тысяч тонн пластика, стекла и прочего мусора, который уже занимает такую площадь, что его можно наблюдать с орбиты.

Перечисление проблем такого рода можно вести до бесконечности. В современных экологических исследованиях собрано множество потрясающих воображение фактов и, чтобы не повторяться, позволю себе процитировать одну из работ Д. И. Дубровского: «Чтобы не строить себе иллюзий, достаточно проследить за нарастанием ужасающих фактов деградации биологической среды, изменения климата и физических процессов на нашей планете. Такого рода факты систематически отслеживают, обобщают и публикуют многие международные научные центры и фонды, среди них важная роль принадлежит Global Footprint Network (см. отчёты этого

фонда за последние годы). По его данным человечество расходует сейчас за год такое количество ресурсов, которое наша планета способна воспроизвести лишь за полтора года (это касается не только биоресурсов, но также воды, воздуха и всего остального). Если сохранится текущий темп потребления, то к 2030 году понадобится вторая Земля. Нетрудно представить, что уже в ближайшие годы резко обострится бескомпромиссная борьба за ресурсы» [1, с. 216]. Положение усугубляется тем, что экологический кризис выступает не в одиночку, а в тесной связи с обострением других глобальных проблем, с ростом социальных противоречий и конфликтов. Кульминация кризиса, как ожидается, должна прийти примерно на середину нынешнего столетия: «Научные исследования, расчёты и математические модели (например, знаменитая кривая Панова – Снукса) показывают, что к середине века, примерно к 2045 г., наша потребительская цивилизация вступит в фазу полифуркации (А. П. Назаретян и др.), “динамического хаоса”, как предпочитает говорить в своей статье В. С. Стёпин. Она подойдёт к рубежу сингулярности, за которым, либо деградация и гибель, либо переход на качественно новый этап развития» [Там же].

Описанная ситуация, а главное – представленный в ней прогноз, основанный на экстраполяции нынешнего направления и темпов цивилизационного развития, показывают, что в долгосрочной перспективе судьба вида *Homo sapiens* не может не вызывать беспокойство. Слишком быстрое и чересчур успешное развитие вида привело к тому, что перестали работать коэволюционные механизмы, приспособляющие, «подгоняющие» вид и экосистему, частью которой он является, друг к другу. Таким образом, человечество оказывается чуть ли ни единственным видом, разрушающим собственную среду обитания в процессе жизнедеятельности. Это говорит о том, что экологические проблемы не являются результатом неправильного землепользования. Они есть неизбежный результат тех преимуществ, которые даёт нам наш предприимчивый и изобретательный разум. А поскольку ресурсы природной среды сегодня очевидным образом подходят к концу (см. цитату из Д. И. Дубровского), видимо настало время ис-

пользовать возможности человеческого разума для поисков «стратегий выживания», способных противостоять рукотворной экологической катастрофе.

Самой очевидной (и исторически первой) из этих стратегий является охрана окружающей среды. Долго задерживаться на этом пункте не имеет смысла, поскольку доводы активистов «зелёного движения» самоочевидны и всем хорошо известны. Замечу, однако, что именно природоохранная проблематика выявила интересный парадокс человеческого мировосприятия, который впоследствии проявился и в других сферах экологической пропаганды. Он заключается в том, что, полностью признавая справедливость экологических расчётов и прогнозов, большинство людей не соглашаются ограничивать потребление. Не помогают ни экологическое воспитание, ни экологическое образование, в большинстве своём люди вообще глухи к пропаганде. Кроме того, так же, как в области евгенической пропаганды, в случае экологии агитация оказывает неодинаковое воздействие на людей с различным уровнем интеллекта и образования. Чем ниже место индивида в социальной пирамиде, тем менее он склонен прислушиваться к призывам к самоограничению. А, как вы понимаете, наиболее широкое место пирамиды – это её основание.

Помимо этого, видимо, срабатывает «эволюционный» механизм, который можно назвать «умением жить одним днём». Эта способность не позволяет человеку поддаться страху будущего, которое, если верить данным экологических мониторингов, так ужасно и неотвратно, что, если бы мы руководствовались только разумом, то давно наложили бы на себя руки. Но мы «живём только одним днём», а один день всегда можно продержаться. Благодаря этой чудесной способности прогнозы экологов не оказывают видимого эффекта на население. И это, в свою очередь, объясняет, почему на экологическое образование и воспитание не следует ни возлагать особых надежд, ни выделять больших денег: польза всё равно будет минимальная. К тому же, как мне представляется, в области природных ресурсов мы давно уже достигли той стадии, когда бережное расходование, экономия не способны решить проблему выживания человечества.

Отсюда – растущая популярность проектов радикальной перестройки человеческого организма, целью которых является расширение природных способностей человека, так чтобы комфортными для него стали условия, значительно отличающиеся от тех, в которых прошла его естественная эволюция.

Слово «радикальный» употреблено здесь не случайно. Оно является своеобразным «маркером» времени событий. Ибо классическая евгеническая идея (усовершенствование человека), сама по себе очень старая, никогда не замахивалась на такие изменения, которые собираются привнести в человеческую телесность транс- и постгуманизм. Она уходит корнями во времена античности, и всегда ограничивалась идеей селекции, т. е. выведения породы совершенного человека путём подбора оптимальных партнёров, подобно тому, как скотовод выводит новые породы домашних животных.

История евгеники тоже довольно хорошо известна, и на ней мы тоже не будем задерживаться. Отмечу только, что современная генетика человека, хотя и находится в тесном родстве с евгеникой, но действует гораздо более «радикально», превращая селекцию в инженерное дело, т. е. такое предприятие, которое способно давать более быстрые результаты, оказывая на «исходный материал» целенаправленное и более эффективное воздействие. Соответственно, неизбежны и специфические «инженерные ошибки». Понятно, что когда речь идёт о человеке, то всякая оплошность инженера (вольная или невольная) может дать результат, оценка которого уже попадает в сферу действия биоэтики. Как пишет Ф. Фукуяма, «над всей генетикой издавна висит призрак евгеники – сознательного выведения у людей определённых свойств с помощью селекции» [3, с. 124]. И ещё: «Генная инженерия человека самым прямым образом поднимает вопрос о новом виде евгеники, со всеми соответствующими моральными последствиями, которыми это чревато в мире, и в результате – о возможности изменения природы человека» [Там же, с. 108].

Футуристические проекты, основанные на возможностях, которые предоставляет нам генная инженерия (причём, чаще всего – возможности ещё не актуализованные), связывают

надежды на выживание с гибридизацией человека с другими видами животных и растений. Работы в этом направлении уже ведутся (не с человеком, конечно) и дают впечатляющие результаты. Всем хорошо известен пример помидоров, в генотип которых был внедрён ген одной из северных пород рыб, что повысило морозоустойчивость данного сорта томатов. Адепты постгуманизма связывают своё видение будущего человечества именно с такими исследованиями. В их представлении всеобщая гибридизация хороша не только тем, что позволяет освоить новые области обитания (например, толщу океана, который, как нам известно со школьной скамьи, покрывает три четверти поверхности планеты), но и в этическом плане возвысит человека, поскольку на смену изжившему себя антропоцентризму (который, кстати сказать, считается одной из причин, приведших к экологической катастрофе) выводит на передний план биоцентризм, утверждающий равноправие всего живого на земле.

На фоне картины, нарисованной выше, не такой уж и фантастической выглядит идея трансгуманизма. По крайней мере, она кажется более традиционной, поскольку практика протезирования вышедших из строя органов насчитывает не одну сотню лет (достаточно вспомнить пирата Джона Сильвера, с его деревянной ногой). «Трансгуманизм – это философская концепция, а также международное движение, поддерживающее использование достижений науки и технологии для улучшения умственных и физических возможностей человека, с целью устранения тех аспектов человеческого существования, которые трансгуманисты считают нежелательными – страданий, болезней, старения и смерти» (Викисловарь).

Как и в случае с евгеникой, которую современная генетика выводит на совершенно новый уровень, трансгуманизм существенно отличается от привычного всем протезирования. Но по сути это то же самое. Не думаю, что в наше время найдется много людей, в организме которых нет хотя бы искусственных зубов, или контактных линз, искусственного хрусталика, кардиостимулятора, сосудистого стента или шунта, «спицы» в сломанной конечности и т. д. По мере развития

технологий протезы, восполняющие работу утраченных функций, становятся всё более совершенными. И этот процесс не завершится пока, по прогнозам наиболее последовательных из трансгуманистов (Давид Израилевич Дубровский в их числе) не станет возможным информационный перенос человеческого сознания на электронные носители. Это должно не только разрешить все экологические проблемы (они просто перестанут что-либо значить), но и обеспечит людей практическим бессмертием.

И трансгуманизм, и постгуманизм объединяет то, что в результате осуществления любого из этих проектов исчезает собственно человек, в традиционном смысле: сотворённое Богом (или возникшее в ходе эволюции) единство биологического тела, сознания и души. Это обстоятельство очень тревожит противников передовых технологий, утверждающих, что в результате радикальной перестройки собственно человек исчезнет, а на его место придёт некое безвестное существо, то ли химера, то ли киборг, которое, возможно, отринет нравственные устои, столь ценимые нами, людьми. Как пишет Ф. Фукуяма, «затянувшаяся дискуссия о человеческом достоинстве ведётся для ответа на следующий вопрос: что именно мы хотим защитить от любого грядущего прогресса в биотехнологиях? Ответ тот, что мы хотим защитить весь набор наших сложных, развитых натур от попыток самомодификации. Мы не желаем нарушать единство или преемственность природы человека, и тем самым – прав человека, на ней основанных» [3, с. 244].

В приведенном отрывке очень точно выражено отношение «рядовых граждан» к попыткам решения существующих проблем посредством перестройки телесности: хорошо бы получить все возможные бонусы, но при этом ни от чего не отказываться. А также сохранить свод этических и юридических норм в том виде, к которому мы привыкли, т. е. такими, какими они перешли к нам от предков. Однако, возвращаясь к перечислению грозящих человечеству бедствий, мы вынуждены будем признать, что это вряд ли возможно. Требование сначала определиться, что есть человек и каковы границы, переступать которые нельзя ни в коем случае, адресованное и к

транс- и к постгуманизму их критиками, в действительности несправедливы. Несправедливо требовать от новой концепции, чтобы она сию минуту дала ответ на вопрос, до сих пор не решённый философским гуманизмом, невзирая на его длительную и богатую событиями историю существования. На это несоответствие указывает Д. И. Дубровский, и по данному вопросу я с ним полностью солидарна.

Однако, очевидно, что все проекты перестройки человеческой телесности к настоящему моменту являются по большей части довольно фантастическими. То есть, пока никакой практической пользы в плане выживания человечества от них нет. Зато у этих планов есть большое будущее, если, конечно, прежде не наступит экосферный конец света. В начале статьи было сказано, что так же мало результатов приносит природоохранная пропаганда. Поэтому уместно будет вспомнить о ещё одной возможности противодействовать развитию планетарного экологического кризиса: активная демографическая политика. Этот путь не требует внедрения фантастических технологий и может быть претворён в жизнь уже сегодня.

Значительная часть экологических проблем современности связана с перенаселением. Выше уже говорилось, насколько выросла численность людей на земле в течение последних ста лет, соответственно умножились и связанные с перенаселением проблемы (кстати, никто до сих пор не опроверг доводов Мальтуса, о них просто молчат). Беда человечества заключается в том, что оно не успело отреагировать на экспоненциальный рост собственной численности. Давно прошли времена, когда самым главным условием выживания вида было произвести на свет как можно больше потомства, в расчете на то, что когда большинство детей погибнет, останется хотя бы один носитель генотипа. Современная медицина, система здравоохранения, а также программы социальной помощи населению обеспечивают выживание почти всех родившихся детей. Поэтому, как мне кажется, давно пришла пора сменить приоритеты государственной демографической политики, переключившись с количественных показателей на качественные.

При словах «качественная демография» многие вспомнят евгенику с её программами расовой гигиены. Однако современная качественная демография это нечто совсем другое, во многом благодаря тому опыту, который нам даёт история классической евгеники. Наиболее ценная часть этого опыта, на мой взгляд, состоит в понимании того, что людей нельзя заставить силой следовать государственной политике воспроизводства. История показала, что даже такого мощного бюрократического аппарата, который был в распоряжении фашистской Германии, было недостаточно для проведения мероприятий по «санации расы». Поэтому, к силе не надо прибегать вообще. Зато экономические рычаги всегда работали и продолжают работать довольно эффективно. Таким образом, без всяких ужасов классической евгеники, орудуя только налогами и субсидиями, можно приблизиться к результату, который наметили для себя в 20-х гг. прошлого века евгенисты Русского Евгенического общества: сделать из *homo sapiens* – *homo creator* (идея Н. К. Кольцова [2]). Теми же методами можно поощрять людей переселяться в малонаселённые области из перенаселённых, или регулировать количество учителей и врачей в сельской местности. Таким образом, будет осуществлена выгодная государству демографическая политика, но никто не окажется притеснён или обижен.

Активная демографическая политика, на первый взгляд, кажется достойным ответом на экологические «вызовы» современности, поскольку для её претворения в жизнь уже сейчас мы имеем всё необходимое. Но это только при поверхностном рассмотрении. В реальной жизни решиться на добровольное сокращение населения согласится далеко не всякое государство. В демографии до сих пор преобладает точка зрения меркантилизма конца XIX века, для которого характерно рассматривать народонаселение как ресурс, подобный прочим природным богатствам страны. С этой позиции – чем больше людей в государстве, тем лучше, совершенно безотносительно к тому, каково качество этого ресурса. Неважно, составляют ли народ государства «креативные личности», способствующие процветанию и прогрессивному развитию общества

(в духе Н. К. Кольцова), или умственно отсталые инвалиды детства, всю жизнь находящиеся на содержании социума. Прimitивная статистика совершенно слепа к таким различиям, но именно ею, судя по всему, до сих пор руководствуются правительственные структуры при разработке социальных программ. Более того, проведение различий между людьми по их «качеству» или «ценности» считается неполиткорректным.

В свете сказанного становится понятным, что основным препятствием на пути внедрения «качественной демографии» является неготовность государств признать необходимость этой меры. Здесь срабатывает ещё один фактор, который проще пояснить, приведя в качестве примера реакцию отдельных граждан на идею сокращения численности населения. Один из моих собеседников отреагировал вопросом: почему сокращаться должны именно мы, а не китайцы? Это самая распространённая реакция, вне зависимости от того, каков уровень интеллекта или образования у респондента. И этот ответ показывает второй недостаток демографического проекта, который состоит в том, что для его осуществления требуется единое человечество. А это требование, если обратиться к истории экуменизма, является ещё более фантастическим, чем кибернетическое бессмертие или хлорофилловые автотрофные люди.

Подведём краткий итог состояния проблемы, заявленной в названии статьи. Из намеченных нами путей выхода из экологического кризиса:

– инициативы активистов зелёного движения, экологическое образование и воспитание успели показать свою низкую эффективность;

– идеи транс- и постгуманизма до сих пор находятся в зачаточной стадии развития. Единичные успехи трансгуманизма, на которые ссылается Д. И. Дубровский в цитируемой статье, весьма впечатляющи, но внедрение этих разработок в широком масштабе крайне дорого и никогда не будет доступно всем гражданам земли. Поэтому, рассматривать этот путь в качестве выхода из экологического кризиса для человечества в целом нельзя;

– принципы качественной демографии (агрессивной демографической политики) технически можно было бы внедрить уже сегодня, но этому препятствуют геополитические соображения, преодолеть которые в ближайшем будущем не представляется возможным.

Учитывая сказанное, можно заключить, что у человечества нет приемлемой (реальной) стратегии выхода из ситуации экологической катастрофы. Единственным утешением, с моей точки зрения, может служить лишь то, что все катастрофические сценарии строятся методом экстраполяции современных тенденций на отдалённое будущее, а этот метод несовершенен. Так, например, в конце XIX века путём экстраполяции тогдашних транспортных проблем был сделан вывод, что к XX веку Лондон будет завален конским навозом до уровня третьего этажа. Однако, как видим, этого не произошло, и во все не потому, что были разработаны новые методы утилизации конского навоза.

Список литературы

1. Дубровский Д. И. К вопросу о глобальном будущем и трансгуманистической эволюции // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 214–220.
2. Кольцов Н. К. Улучшение человеческой породы // Русский Евгенический журнал. 1922. Т. 1, вып. 1. С. 3–27.
3. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004. 349 с.

Надежда Александровна Четверикова,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социального
и естественнонаучного образования,
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Выборгский филиал),
г. Выборг Ленинградской области, Россия,
e-mail: chetverikova.nadezhda@bk.rul

**Философско-антропологическая систематика:
позиции природы и культуры**

В статье анализируются эволюция европейских философских взглядов на человека и его место в системе «биологическое – социальное». Рассмотрены философско-антропологические систематики, предложенные М. Шелером, П. С. Гуревичем. Отмечается, что систематики фиксируют нарастание самостоятельности человека по отношению к внешним силам: Богу и Природе. Вместе с тем, особое внимание в изученных схемах обращается на фактор разума, обладающего излишней самонадеянностью.

Ключевые слова: философская антропология, антропологические свойства, целостность человека, «дионисийский человек»

Nadezhda A. Chetverikova,
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor;
The Herzen State Pedagogical University of Russia
(Vyborg Branch),
Vyborg, Leningrad Region, Russia,
e-mail: chetverikova.nadezhda@bk.ru

**Philosophical and Anthropological Systematics:
the Positions of Nature and Culture**

The article deals with the evolution of European philosophical views on a human and his place in biological and social systems. The article concerned with the “philosophical and anthropological taxonomists, proposed by M. Sheler, P.S. Gurevich. It is reported in the text that taxonomists notice the increasing human independence towards the external forces like God and Nature. Much attention is given to the determinant of mind, which has a superfluous overconfidence.

Keywords: philosophical anthropology, anthropological properties, human entirety, “Dionysian man”

Подходы к систематизации философско-антропологических представлений многообразны, не перестают быть актуальными и интересными. Одним исследователям эволюция взглядов на человека представляется линейной и постоянной. Другие считают, что антропологическая проблематика отнюдь не вездесуща, имеет дискретный характер, поскольку к самопознанию человек оказывается готовым лучше всего тогда, когда ощущает себя одиноким: «в ледяной атмосфере одиночества человек со всей неизбежностью превращается в вопрос для самого себя» [1, с. 164].

Так или иначе, XX век способствовал «бездомности» человеческого духа и оказался плодотворным временем для философской антропологии. Отметим несколько факторов, активизировавших поиски антропологических свойств. Во-первых, этому способствовали данные, накопленные конкретными науками – психоанализом, социобиологией, этологией и другими, в которых разрабатываются идеи взаимообусловленности человека и животного мира, влияние эволюционных процессов и бессознательных структур на жизнь и самочувствие человека. Это даёт возможность увидеть целостность живого вообще, Природы и Истории, найти место человеку в этой целостности, определить его влияние на состояние целостности. Во-вторых, сформировалась сексология в качестве специфической интегративной науки о человеческих свойствах с точки зрения пола, включающая биологические, психологические и гуманитарные знания. В-третьих, чётко выявилась ориентация на самопознание и сформировались методы познания различных сторон человеческой жизни.

Наиболее известные, заслуживающие внимания, попытки систематизировать философско-антропологические знания принадлежат М. Шелеру и П. С. Гуревичу. М. Шелер в работе «Человек и история» определяет философскую антропологию как знание о сущности и сущностной структуре человека [3, с. 70]. В основу развития представлений о человеке он кладёт рост человеческого самосознания, и в этом процессе выделяет пять ступеней. Первая ступень самосознания заключается в наличии веры в то, что человек сотворён Богом. Главным

признаком человека признаётся верование, которое помогает определить его место в бытии. Теоцентристская мировоззренческая установка признаёт главенствующей ценностью мироустройства Бога. Человек же сознаёт себя преимущественно как существо греховное, изначально наделённое неким несовершенством, которое необходимо стараться преодолевать в течение своей жизни. Жизнь протекает в борьбе с грехом, под знаком вины и страха наказаний за подверженность греху. Человек сознаёт себя как существо, зависимое от более могущественных сил, слабое, поддающееся искушению и потому достойное наказания как в виде некоторой кары извне, так и внутренних терзаний [3, с. 70–75].

Вторая ступень представляется Шелеру как более высокая, поскольку начинает доминировать идея человека разумного. Разум даёт основания для богоподобия, возвышения человека над природным существованием, которому не свойствен разум как функция божественного. Вера при этом не исчезает, но уступает место разуму, делающему человека более свободным от внешних сил.

Третья ступень развития самосознания человека определена как натуралистическая, так как заостряет внимание на специфике человека как живого существа, которое выделяет себя из животного мира. Натуралистическое воззрение характеризует человека как особое животное, с определённым набором влечений, главные среди которых – влечения размножения, питания и властвования, и именно они в совокупности с языком и способностью создавать орудия определяют культурную деятельность человека натуралистического. Самосознание в этом случае не только выделяет человека среди животного мира, но и формирует его как деятельное существо в отношениях с окружающим миром [Там же, с. 82–84].

Три обозначенных ступени отражают последовательное нарастание самостоятельности человека по отношению к внешним силам: Богу и Природе. Самосознание всё больше проникается возвышающими человека идеями. Но вот далее – четвёртую ступень – Шелер показывает как отступление от этой линии роста самосознания и появление идеи декаданса человека, согласно которой, всё, что до этого расценивалось

как достоинство человека (разум, возвышение над природой) приобретает противоположные оценки. Что же послужило причиной появления такого рода представлений? По-видимому, созревала ситуация понимания того, что нельзя возвышаться до бесконечности и вступать в противоречие с породившей человека природой, и тогда возвышавшееся нагружается негативными характеристиками. Кроме того, рост самосознания привёл к тому, что сложилось более адекватное понимание сути человека, ибо последний, наращивая самопознание, убедился, что он во многом уступает природе, слаб в отрыве от неё. Вследствие этого, представления о поступательном линейном совершенствовании человека на самом деле непроститительно упрощают жизнь, вводят в заблуждение. Безотносительно к жизни, её продолжению и росту, изменения самосознания утрачивают смысл.

Четвёртая ступень – декаданс человека – объединяет учения, фиксирующие идею о том, что разум – это болезнетворное приобретение человека. Шелер видит основания для таких взглядов в разделении духа и души как самостоятельных начал. Дух представляется как «метафизический паразит», воплощающийся в техническом интеллекте и способствующий поиску обходных путей для продолжения жизни [3, с. 86–90]. Но такая жизнь есть просто растянутый во времени процесс умирания, не меняющий самого механизма смерти, идентичного для всех живых.

Сомнения в полезности таких методов продления жизни имеют место ныне при обсуждении экологических проблем, которые затрагивают природу человека и изменения в ней, а не только в окружающей среде. Жизнь современного человека выглядит искусственно увеличенной, человек живёт «на подпорках» из лекарств, усилий медиков и методик поддержания жизни. Возникновение новых болезней – это предупреждение Природы самонадеянному Духу о том, что он не всемогущ. Следствие экологии – это и старение населения, и перенаселение планеты со всеми его отрицательными последствиями, поэтому теории декаданса человека имеют серьёзное основание и требуют нового самосознания, новых философско-антропологических исследований.

В качестве пятой ступени Шелер выделяет представления о сверхчеловеке, который по-прежнему рационален, но берёт на себя смелость быть самостоятельным в организации своей жизни, не искать подпорок в виде Бога и иных предопределённостей, делать историю на основе иных ценностей [Там же, с. 92–94]. Это помогает человеку осознать себя и стать более жизнеспособным и ответственным.

Можно увидеть, что, согласно Шелеру, философско-антропологическое знание в качестве основных признаков содержит отличия человека и животного, духа и природы, а также приверженность человека ценностям. Однако в систематике Шелера имеется ещё один признак, который несколько теряется на фоне названных, поскольку выглядит второстепенным. Речь идёт о дионисийстве. Эта идея сопровождает размышления о появляющихся сомнениях в полезности разума. «Дионисический человек» испытывает потребность в том, чтобы время от времени отключать свой разум с помощью алкоголя, танцев и т. п. [Там же, с. 76]. Объясняется такая потребность очень скупо: если разум есть болезнь жизни, то хорошо бы иногда выходить из болезненного состояния. «Дионисический человек» хочет жить, поэтому отдаётся влечениям, противостоящим патогенному воздействию духа [Там же, с. 90].

Этот способ жить принципиально отличается от всех известных и одобренных разумом способов. Он состоит в ностальгии по временам, когда человек был частичкой Природы и её половое могущество переливалось в человеческое тело, как это мы видим в представлениях Ницше о дионисийстве. Здесь дионисийство означает интенсивное проживание жизни, с огромными энергетическими затратами, которые осуждает и пресекает разум, когда это возможно, когда он в силах это сделать. Шелер даёт понять, что культурная и разумно организованная жизнь может не удовлетворять человека, и его самосознание целенаправленно ищет пути выхода за пределы такой жизни, несмотря на то, что это препятствует её росту, что это может быть губительным. Однако, конструирование человеком самого себя, своей жизни не исключает такого поворота событий.

Как видно, шелеровская систематика исходит из признания целостности человека как объекта изучения и тогда, когда речь идёт о нём как биологическом существе, и тогда, когда в центр внимания попадает разум и дух. Из принципа целостности исходит и систематика, построенная П. С. Гуревичем. В качестве стойкого показателя философско-антропологического знания он предлагает принять доминирующие в то или иное историческое время мировоззренческие установки. В зависимости от того, какому феномену отдаётся предпочтение, выделяются: природоцентризм (космоцентризм), социоцентризм (культуроцентризм), логоцентризм и антропоцентризм [2, с. 95]. Выделенные мировоззренческие установки, чаще всего, в истории западной философии чередуются, совмещаются в рамках одной эпохи. Но всегда они дают ключ к определению местоположения человека, и, следовательно, являются ориентиром для философско-антропологического знания в конкретный отрезок истории. Определение доминирующей мировоззренческой установки принимается, таким образом, в качестве первого признака философско-антропологического мышления, суть которого состоит в том, что в центр философского умознания помещается человек.

Второй критерий предназначен для реконструкции основных образов человека, сложившихся в истории философской антропологии. М. Шелер, как мы уже убедились, осуществил такую попытку систематизации философско-антропологической мысли и внёс определённую долю ясности в классификацию образов человека. Однако П. С. Гуревич справедливо, на наш взгляд, отмечает, что шелеровская систематика лишена единого базового основания для вычленения образов [Там же, с. 95–96]. Действительно, логика реконструкции образов человека не имеет ясности в том отношении, что первые три ступени философско-антропологического знания – человек религиозный (*homo religious*), человек разумный (*Homo sapiens*) и человек натуралистический (*Homo naturalis*) объединены типологически. Но четвёртая и пятая ступени – декаданс человека и сверхчеловек – не могут быть вписаны в конструкцию по тому же основанию, ибо не несут отчётливого архетипного образа человека.

Логика подсказывает, что эти классификационные признаки, принадлежащие перу Ф. Ницше, наиболее близки к характеристике человека натуралистического, поскольку декаданс связывается с некоей особенностью природы человека, которая означает, что, по сравнению с животными, человек – не ставшее, не сформировавшееся животное [1, с. 185]. У него есть возможность окончательно оформиться, если он преодолеет переходное состояние на пути от животного к настоящему человеку. Пока же мы, чаще всего, имеем дело с животным, «смеющим обещать» стать человеком благодаря наличию у него «воли к власти» [Там же]. Ницше решил, что для постижения сути человека нужно не выводить эту суть из духа, а поставить человека «обратно среди животных» [1, с. 189]. В этом случае обнаружится, что человек есть «экстравагантная порода животных», маргинал в природе, стоящий на краю бездны. Такая природная неопределённость может иметь неблагоприятный исход – человек станет лишь деградировавшим «стадным животным», хотя остаётся возможность развиваться до сверхчеловека [Там же, с. 190].

Богатство философско-антропологических идей позволяет заключить, что человека влечёт за пределы биологического минимума потребностей. От животных его отличает неэкономное распоряжение энергией. Расточительность можно объяснить избыточной активностью человека как живого существа. Человеческая витальность такова, что дионисийство можно признать антропологическим свойством.

Список литературы

1. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 458 с.
2. Гуревич П. С. Философская антропология: опыт систематики // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 92–102.
3. Шелер М. Человек и история // Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994.

Никита Николаевич Яковлев,
аспирант кафедры философии,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: noderland88@mail.ru

Античные и средневековые философы о социальных и естественных предпосылках социальных конфликтов

В статье представлен социально-философский анализ проблемы конфликта на этапе зарождения философской науки. Анализируются взгляды на конфликт античных и средневековых философов. Выделяются отличительные черты конфликтологической мысли двух этих эпох и проводится их сравнение. Особое внимание уделяется взглядам Гераклита, Сократа, Аристотеля, Августина и Фомы Аквинского. Делается вывод о том, что конфликт имеет естественные предпосылки и является универсальным свойством бытия.

Ключевые слова: конфликт, социальный конфликт, социальная несправедливость, общество, природа, человек, естественные предпосылки

Nikita N. Yakovlev,
Postgraduate Student of the Department of Philosophy,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: noderland88@mail.ru

Ancient and Medieval Philosophers on the Social and Natural Background of Social Conflicts

The article presents a socio-philosophical analysis of the problem of the conflict in the beginning stages of the philosophical Sciences. Views on the conflict of ancient and medieval philosophers are analyzed. Highlighted the distinctive features of conflictological ideas of the two of these epochs and compares them with the. Particular attention is paid to the views of Heraclitus, Socrates, Aristotle, Augustine and Thomas Aquinas. It is concluded that the conflict has natural prerequisites and is a universal property of being.

Keywords: conflict, social conflict, social injustice, society, nature, man, natural prerequisites

Проблема конфликта всегда была и остается актуальным вопросом как для философской мысли, так и для исследований в рамках других наук. Попытки выяснения сущности феномена конфликта, хотя и в иных представлениях и интерпретациях, мы находим уже на заре зарождения философской науки – в эпоху Античности. Именно в эти времена оформляются основные научные векторы исследования данного вопроса, формируются проблемные области и дискуссионные вопросы. Средневековая эпоха с её теоцентрическим мировоззрением добавляет немного иной взгляд на объяснение природы конфликта, расширяя представления о данном явлении. Анализ этих двух ранних эпох, в рамках изучения социального конфликта, позволяет проследить за тем, как формировалась и эволюционировала содержательная часть данного вопроса.

Во времена античной философии пока не существовало какой-то структурированной конфликтологической парадигмы. Более того, даже само понятие «социальный конфликт» в те времена не употребляется. В философии этого времени конфликт рассматривается, с одной стороны, в онтологическом ракурсе (противоположность и единство вещей и явлений), с другой стороны, в практическом (социальном) смысле в контексте исследования войн и иных вооруженных столкновений. Античный философ-диалектик Гераклит связывал свои рассуждения о войнах и конфликтах с общей системой мироздания. Для него всё в мире было подвержено вечному круговороту и взаимопревращению, в том числе, и нормы социальной жизни. Он отмечает, как и китайские философы, что всё в мире возникает через борьбу и противостояния. В. В. Гуроров цитирует Гераклита: «Единственный всеобщий закон, царящий в космосе, – это война – отец всего и царь всего. Одним она определила быть богами, а другим – людьми, одних она сделала рабами, других – свободными» [2, с. 89]. Эти слова Гераклита, по сути своей, являются первой попыткой обоснования позитивной роли социального конфликта в развитии общества. Греческий мыслитель рассматривал конфликт не как аномалию, а как естественный атрибут общественной жизни, отводя борьбе важное онтологическое значение. Гераклит так-

же отмечал, что в мире есть место и для гармонии: «Всё сущее сложено в гармонию через противоположность <...> Универсум попеременно то един и связан дружбой, то множествен и сам себе враждебен в силу некоей ненависти» [9, с. 200–201]. Гармонию же Гераклит понимал по-своему: «Противоположное соглашается, а из несогласного появляется самая прекрасная гармония» [4, с. 81]. Идеи Гераклита о том, что борьба является основой всего сущего, разделял и другой античный философ – Эпикур, который, тем не менее, не был согласен с Гераклитом в том, что конфликты несут исключительно позитивную роль для развития общества. Негативные последствия столкновений, по мнению Эпикура, в какой-то момент вынудят человека жить в состоянии постоянного мира.

Еще один древнегреческий философ Сократ рассматривал проблему конфликта через призму этики. Он переносит ответственность за возникающие конфликты из сферы абстрактного и неподвластного человеку на плечи самого человека. Сократ пытался разрешить несоответствие, присущее человеческому бытию, парадокс, а именно стремление человека к добру и одновременно творимое им зло (в нашей интерпретации социальные конфликты). Сократ считал, что каждый человек по своей природе, по своей глубинной сущности, всегда тянется к добру, а творимое им зло происходит по причине незнания того, что есть добро, а что есть зло. Как цитирует его Платон: «никто не стремится ко злу по своей вине, а лишь по невеждению; те, кто не знает, что такое зло, стремятся не к нему, а к тому, что кажется им благом» [7, с. 43]. Человеческое счастье, по Сократу, зависит от самого человека, является продуктом осознанной жизни, где разум и нравственность отождествляются и являются высшими добродетелями. Человек, владеющий истинным знанием не будет тяготеть к злу и порочности, которые являются истоками любых конфликтов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что причинами конфликтов по Сократу являются человеческое незнание и невежество, соответственно решение социальных проблем зависит от самого человека и от его желания.

Взгляды представителей классического периода античной философии Платона и Аристотеля формировались в условиях меняющейся социально-политической обстановки в греческих «полисах». Как пишет в вступительных замечаниях к сочинениям Платона А. Ф. Лосев, «в предсмертных судорогах погибал греческий классический полис, шли к полному разложению его классы и сословия. Неизменно богатевшие рабовладельческие Афины жили грабительскими войнами, погоней за барышами, новыми территориями, рабами. На гнилой почве вырождающейся демократии зародились крайний индивидуализм, всегдашняя уверенность в себе, эгоизм, жажда власти» [5, с. 17]. Естественно это не могло не оставить отпечатка на общем векторе мысли, который касается проблемы конфликта в те времена. Платон, будучи свидетелем всех этих изменений, не мог не задумываться о природе добра и зла, о справедливом и законном. Мнение своего учителя Сократа о том, что любое зло в мире существует по причине незнания, ему уже не было достаточным для объяснения всех конфликтов и столкновений, возникающих в мире. Как часто происходит в жизни, человек, живущий согласно только лишь добродетели, не только не обретает счастья, но даже может стать изгоем, что на личном опыте пережил сам Платон. В соответствии со своей концепцией, античный философ поднял вопрос о противоречивой природе человеческой сущности. Тело человека – это темница души, а чувственные влечения – это цепи, которые сдерживают душу на пути к идеальному и истинному, приковывая человека к чему-то чуждому и ненужному [7, с. 47]. Таким образом, внутренний мир, а именно чувства, как выражение потребностей, являются источником внутренних и внешних конфликтов в жизни человека. Только совершенствуя моральный дух посредством разума, можно достичь гармонии, тем самым преодолевая противоречие человеческих сущностей.

Общественно-политические взгляды на природу социальных конфликтов Платон раскрывает в своем главном труде «Государство». Произведение «Государство» – это одна из первых попыток создания наглядного образа бесконфликтного

общества, где каждый его член занимает определённую нишу и выполняет собственную функцию. По мнению Платона, источником социальной несправедливости (социальных конфликтов) является преобладание у граждан личных интересов над общественными, господство эгоистических мотивов во взаимоотношениях между людьми. Всё это разъединяет людей и сеет вражду между ними. Античный философ предлагал ряд мер по искоренению социальных противоречий, путем жёсткой общественной стратификации.

Взгляды Платона на природу войны как высшего проявления конфликта имели много общего с взглядами Гераклита. Война не рассматривалась античным философом как «абсолютное зло», а считалась проявлением самой природы, сущности человека. «То, что большинство людей называет миром, есть только имя, на деле же от природы существует вечная непримиримая война между всеми государствами» [6, с. 71]. Основная причина всех войн, согласно диалогу «Федон», заключена в жажде телесных удовольствий и требуемых для этого богатств [8, с. 180]. Таким образом, Платон одним из первых обнаружил естественные предпосылки социального феномена – войны.

Конфликт по Аристотелю – это противоборство и зло. Человеческое общество должно стремиться быть бесконфликтным. Справедливость и стремление к всеобщему благу в человеке заложено от природы, однако низменные желания и страсти не дают этому осуществиться. Разум призван контролировать эти желания и направлять поступки человека. Наделив человека свободой воли, Аристотель возлагает ответственность за свои деяния на каждого.

В работе «Политика» античный философ выделяет несколько причин возникновения социальной несправедливости и конфликтов. Одной из причин нестабильности он называет «разноплеменность населения», личные эгоистические интересы в среде правящего класса, а также демагогию, при которой один человек сосредотачивает в своих руках всю власть и становится тираном. Также в «Политике» Аристотель отмечает источники конфликтов, которые, по его мнению, заключа-

ются в неравенстве людей в обладании имуществом и получении различного рода почестей, чрезмерном возвышении одних и унижении других. Это способствует возрастанию корысти, тщеславия и иных низких черт и приводит к вырождению государственности, а также рождает недовольство в умах людей, крайняя степень которого является причиной государственных переворотов и революций¹. Помимо этого, Аристотель также находил множество естественных предпосылок конфликтов в природе человека. «Причиной распрей, – он отмечает, – бывают... наглость, страх, превосходство, презрение... а также происки, пренебрежительное отношение, мелкие унижения, несходство характеров» [1, с. 430]. Главную причину государственных конфликтов Аристотель усматривает в стремлении политиков и «людей власти» заботиться только о своем благе, а затем уже о нуждах своего государства и граждан.

Важнейшей специфической чертой конфликтологических идей эпохи Средних веков является то, что в основном они носят религиозный характер. Подходы к решению проблемы конфликта были обусловлены спецификой христианского вероучения. Изменяются представления о месте человека в мире. Человек – венец творения. Он является центром Вселенной и конечной целью творения. Он – существо, господствующее на Земле. Изменяются представления о времени и ходе истории; теперь у них есть начало и конец. Рациональное познание сменяется иррациональным. Основным же объектом познания становится Бог. В связи с этими изменениями меняются и представления о причинах и природе конфликтов. В христианской традиции истоки противоречий и конфликтов связываются с фактом грехопадения человека, с вечной борьбой Бога и Дьявола. Для нас же особый интерес представляют взгляды таких представителей средневековой философской мысли, как Августин Блаженный и Фома Аквинский.

Августин считает основным источником зла и противоречий внутренний мир человека. Именно там, по мнению философа, происходит вечная борьба различных побуждений

---

¹ Хохлов А. С. Конфликтология. История. Теория. Практика: учеб. пособие. – Самара: СФ МГПУ, 2014. – 312 с.

и чувств. Здесь уже возникают представления о соотношении не между естественным и социальным, а между естественным (телесным) и божественным. Тело выступает при этом чем-то греховным, а душа – божественным. Чтобы максимально приблизиться к духовному источнику всего в мире – Богу, необходимо перестать зависеть от тела и низменных желаний, сконцентрировавшись на духе. По мнению Августина, в каждом человеке развёртывается борьба Бога и Дьявола. Именно эта борьба порождает все внутриличностные конфликты, которые неминуемо приводят к социальному злу. На первое место в жизни человека Августин ставит духовную сторону. Именно посредством духовной жизни человек налаживает и поддерживает связь с Богом, преодолевая первородный грех. Всё происходящее социальное и моральное зло в мире – продукт неправильного использования воли. Если античные философы отводят особую роль разуму, то Августин делает акцент на чувствах и воле человека. Воля имеет приоритет над разумом. Однако свободой воли Августин наделяет не всё человечество, а лишь Адама в выборе греха и воздержания от него. Выбрав грех, Адам, тем самым, навлекает проклятие на весь будущий человеческий род. Таким образом, человек испорчен изначально и его тяга к греху (социальному злу) лежит глубоко у него в природе. Другими словами, можно сказать, что Августин разделяет мнение некоторых античных философов о том, что тяга к конфликтам, столкновениям и вечной борьбе лежит в самой сущности человека изначально и является неотделимой его частью.

Взгляды на истоки социально-политических конфликтов Августин раскрывает в своей работе *«О граде Божьем»*. Августин описывает историю человечества как сосуществование двух общностей – Града Божьего и Града Земного. Одним предназначено «вечно царствовать с Богом», а другим «подвергаться вечному наказанию с дьяволом». Град Божий – это сообщество избранных, которые по милости Господа и предопределению будут спасены. Град Земной, соответственно, олицетворяет собой сообщество грешников. В настоящем же мире эти два града перемешаны и взаимопроникают друг

в друга. Таким образом, противоположные, но волей Бога существующие в одной материальной реальности эти два «града» зачастую определяют возникающие конфликты. Августин выводит вечную борьбу Бога с Дьяволом на исторический уровень – история становится «полем битвы» где сталкиваются благое и греховное, отражением такого столкновения являются социально-политические конфликты. Ярким примером таких конфликтов того времени можно считать «крестовые походы»

Фома Аквинский синтезировал христианство и взгляды Аристотеля. У Аристотеля Фома Аквинский перенял мысль о том, что человек по своей природе есть «животное общественное и политическое». В людях изначально заложено стремление объединиться и жить в государстве, ибо индивид в одиночку удовлетворить свои потребности не может. По этой естественной причине и возникает политическая общность (государство). Процедура создания государства аналогична процессу сотворения мира Богом, а деятельность монарха схожа с активностью Бога. Человека он считал, как уже отмечалось, существом социальным, главной целью которого является реализация собственных добродетелей внутри сложной системы общественной иерархии. Фома Аквинский считал, что в каждом человеке с его рождения заложено интуитивное понимание того, что считать хорошим, а что плохим. Человек – существо духовное и рациональное. Все его действия имеют чёткую цель, а цель формируется согласно тому, что считает человек добром или злом. Однако наша способность к пониманию этого подвержена ошибкам. Реальное зло происходит не от Бога, а от человека в силу того, что человек существо несовершенное (вследствие первородного греха), а значит, не совершенны и его поступки. Вот почему в человеческих действиях сочетаются в самых различных соотношениях добро и зло [3].

Большое внимание Фома Аквинский уделял роли государства в вопросе урегулирования конфликтов. Данная функция возлагается на государственный аппарат, посредством введения законов и санкций за их нарушения. Закон является

продуктом разума и нравственности и един для всех. Именно нравственное начало является источником любого права. Вечный Закон является предписанием Божественного замысла. Этот закон доступен для всех разумных созданий и с помощью его они могут определять, что является хорошим, а что плохим. Цель государства – общее благо, создание условий для достойной жизни граждан. Для реализации данной цели, по мнению Аквинского, необходимо соблюдать жёсткую иерархическую структуру внутри общества, соблюдение всеми предписанного Богом долга повиноваться высшему сословию, так как государство является теологической интерпретацией и реализацией законов Божьих.

Таким образом, античная и средневековая конфликтологическая мысль заложили основы для изучения данного явления в будущем. Проблема конфликта в те эпохи ещё не существовала как отдельная проблема внутри чёткой парадигмальной структуры. Более того, конфликт, не имея ещё собственного понятия, рассматривается через призму сходных по смыслу интерпретаций: «социальная несправедливость», «война» и т. п. В античной философии можно отметить две традиции развития конфликтологического знания: антропологическую и социально-политическую. Первая традиция обращала вектор научной мысли на исследование внутренних противоречий человека, присущих самой его сущности. Вторая традиция исследовала причины и истоки конфликтов, коренящихся в совместной (социальной) деятельности людей. В те времена личное бытие не мыслилось в отрыве от общественного, благо «полиса» было всегда на первом месте и таким образом чёткой границы между внутриличностным и общественным не существовало. На этом этапе были выделены основные вопросы, касающиеся противоречий и конфликтов, которые будут исследоваться на протяжении всей дальнейшей истории человечества в рамках социально-философского знания, а именно вопросы соотношения потребностей души и тела, разума и чувств, должного и сущего в социальном бытии человека. Эпоха же Средневековья синтезирует накопленный античностью опыт с собственным теологическим взглядом на природу

конфликта, однако, в объяснении основных причин возникновения в мире различного рода столкновений и распрей философами античного и средневекового периодов много общего. И те, и другие признают, что борьба, конфликты представляют собой органическое, неустранимое свойство бытия, которое существует по умолчанию. Различие между античными и христианскими философами состоит лишь в том, что одни усматривают в этих универсальных явлениях свойство, изначально присущее бытию, природе, а другие видят в них замысел, волю Бога.

Список литературы

1. Аристотель. Политика. Афинская политика / предисл. Е. И. Темнова. М.: Мысль, 1997. 458 с.
2. Гуторов В. А. Античная социальная утопия. Вопросы истории и теории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 288 с.
3. Жильсон Э. Избранное. Т. 1. Томизм. Введение в философию Св. Ф. Аквинского. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 196 с.
4. История философии в кратком изложении / пер. с чеш. И. И. Богута. М.: Мысль, 1991. 590 с.
5. Лосев А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона. Предисловие к сочинениям Платона // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Философское наследие. М.: Мысль: Академия наук СССР: Ин-т философии, 1990. 63 с.
6. Платон. Законы. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4 / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. 830 с.
7. Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1968. 623 с.
8. Платон. Федон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. 528 с.
9. Фрагменты ранних греческих философов / отв. ред. И. Д. Рожанский. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 575 с.

Источники

10. Хохлов А. С. Конфликтология. История. Теория. Практика: учеб. пособие. Самара: СФ МГПУ, 2014. 312 с.

ЕСТЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ

NATURAL AND SOCIAL IN PUBLIC PROBLEMS

УДК 159.9:61(075.8)

Сергей Сергеевич Аносов,
*соискатель кафедры государственного
и муниципального управления,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: ssanosov@mail.ru*

Волонтерство как социальная и естественная потребность

В статье рассматриваются условия и особенности развития волонтерства как социальной и естественной потребности людей. Анализируются особенности, формы и виды волонтерской деятельности, изучаются инструменты его развития.

Ключевые слова: волонтерство, естественные потребности, социальные потребности

Sergey S. Anosov,
*Competitor of the Department
of Public Administration,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia,
e-mail: ssanosov@mail.ru*

Volunteering as a Social and Natural Need

The article considers the conditions and peculiarities of the development of volunteerism as a social and natural need of people. Also features, forms and types of volunteer activity are analyzed, tools for its development are studied.

Keywords: volunteering, natural needs, social needs

Волонтерство – это неоплачиваемая, сознательная, добровольная форма помощи другим. Помощь другим в разных формах и видах используется религиозными учениями и догмами как форма почтения перед Богами. Также, волонтерство является инструментом социальной поддержки и строительства институтов гражданского общества. Поэтому важным вопросом является то, насколько волонтерство является социальным явлением и насколько естественной потребностью.

Волонтерство выступает как естественная потребность людей быть членами определенной группы, иметь общую миссию, цель и задачи, работать над общим делом во благо и на благо кого-либо. Волонтерство как социальная задача решает вопросы сплочения всего общества и отдельных социальных групп, вопросы досуга и дополнительной занятости после учёбы или основной работы. Волонтерство является связующим звеном между людьми.

Вопросы социальной эмпатии и альтруизма, рассмотренные в работах О. А. Полюшкевич [1; 2], В. А. Скуденкова [3], Н. Д. Субботиной [4] и других авторов, показывают взаимосвязь социального служения и личных притязаний в общественном одобрении, в социальном служении, вне зависимости от социального, профессионального, возрастного или образовательного уровня. Волонтерство выступает социокультурной функцией и инструментом социального моделирования общественного развития.

Как показывает история, пики волонтерской активности приходится на кризисные моменты общественного развития, когда необходимо создавать альтернативные модели занятости и социальной активности граждан или же на периоды максимально стабильного развития, когда высвобождается большое количество времени у целых социальных групп, и им необходимо более активно проводить досуг, принося пользу обществу.

В 2017 году мы провели опрос 2600 человек в городах Сибирского Федерального округа, в возрасте от 18 до 75 лет, которые имели опыт волонтерской деятельности год и более, но при этом они не имеют профессионального образования в волонтерской деятельности.

Как показало наше исследование, волонтеры стремятся помогать другим (55 %), научиться чему-либо (39 %), познакомиться с новыми людьми (35 %), побывать в новых местах (30 %), хотят бороться с какой-либо проблемой (22 %), хотят отвечать добром на добро (14 %). Новый опыт (прежде всего эмоциональный), заставляет многих людей увлекаться и расширять свою волонтерскую деятельность. Для очень многих исчезновение эмоционального драйва и удовольствия может стать поводом для завершения волонтерской деятельности. Иными словами, в волонтерской деятельности экспрессивный аспект (что я чувствую?) доминирует над инструментальным (что я делаю?).

Глобальной задачей участия в волонтерской деятельности выступает сопричастность. Сопричастность позволяет избавиться от чувства одиночества, а также внести свой вклад в решение глобальной проблемы. Решается внутренняя проблема личности и внешняя задача общества. Формирование и социализация лидеров происходит именно в такой среде. В исследовании В. А. Скуденкова убедительно показано, что социальное лидерство лежит в основе общественного признания и успеха [3].

Благодаря сопричастности, формируется преданность идеалам и идеям волонтерской организации или самому процессу помощи. Для кого сопричастность является ключевым мотивом, тяготеют к участию в волонтерской деятельности в мега-проектах (спасение голодающих, лечение детей Африки, помощь пациентам хосписов и т. д.). Это «идеалисты», готовые жертвовать всем во благо высших целей. Для этой группы волонтерство – это способ самореализации и личного роста.

Для тех, кто идет не за социальными статусами, а за общественным одобрением, актуален мотив личного достижения. Для таких людей важно внести личный вклад, получить конкретные результаты. Они помогают не «всем больным детям Земли», а Ивану Иванову или Пете Петрову. Конкретным людям. Их работу можно увидеть – она есть или её нет. Это соратники, готовые выполнять поставленные задачи в определённые промежутки времени. Они используют волонтерство как личный ресурс для дальнейшего роста.

Стремление к объединению – это естественная потребность всего человечества. Возникающие группы и организации помощи кому-либо или чему-либо помогают сформировать социальные ресурсы и направить их деятельность на решение чётких социальных задач.

Факторами социального стимулирования волонтерской деятельности могут быть как внутренние, так и внешние факторы (желание получить внешнее одобрение и поддержку или самоутвердиться). Любая волонтерская деятельность даёт возможность это сделать.

Но дополнительная поддержка волонтерских организаций со стороны власти, бизнеса и других общественных структур, может дополнительно усилить данную деятельность.

– Волонтерская деятельность – это пространство социального партнёрства, где развиваются не только коммуникативные, но и социально-проектные, социально-средовые уровни и системы взаимодействия.

– Волонтерская деятельность как процесс самоорганизации, самореализации и социальной активности различных групп населения.

– Волонтерская деятельность как инновационный потенциал развития общественной сферы.

– Повышение уровня социальной эмпатии и социального доверия, как условия социокультурной солидарности общества.

– Усиление позиций некоммерческих организаций, в рамках которых реализуется волонтерская деятельность.

– Разработка региональных программ вовлечения различных групп населения в волонтерскую деятельность, через создание имиджевых, образовательных, воспитательных, организационных и иных мер социальной пропаганды волонтерства.

– Создание баз данных, содержащих информацию о волонтерских структурах на муниципальном и региональном уровне в каждом субъекте Российской Федерации.

Список литературы

1. Полошкевич О. А. Социальные и естественные предпосылки формирования «социальной эмпатии» // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: материалы 8-й Международ. очно-заочной науч.-практ. конф. / под общ. ред. Н. Д. Субботиной. Чита: ЗабГУ, 2017. С. 223–229.
2. Полошкевич О. А. Формы социальной эмпатии // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. С. 85–90.
3. Скуденков В. А. Лидерство и социальное развитие // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 2. С. 180–184.
4. Субботина Н. Д. Естественные и социальные составляющие эмпатии и альтруизма // Гуманитарный вектор. 2011. № 2. С. 58–66.

УДК 008

Юлия Ивановна Ардашова,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры социальной работы,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: ms.ardashova@bk.ru

Тенденции развития социальной культуры в России

В статье описываются основные тенденции, способствующие, по мнению автора, развитию российской социальной культуры, рассматриваются факторы, обуславливающие её специфику. В статье раскрываются также условия формирования социальной культуры.

Ключевые слова: *идентичность, солидарность, социокультурные факторы, социальная культура*

Yuliya I. Ardashova,
*Candidate of Sciences (Pedagogics),
Associate Professor of Social Work Chair,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: ms.ardashova@bk.ru*

Trends in the Development of Social Culture in Russia

The article describes the basic trends that contribute, according to the authors, the development of Russia's social culture, examines the factors that contribute to its specificity. The article describes the conditions of formation of the social culture of solidarity type.

Keywords: *identity, solidarity and socio-cultural factors, social culture*

Решающую роль в развитии России сегодня играют социально-культурные механизмы для обеспечения благополучия жизни населения. Особое внимание следует уделять формированию социальной культуры в обществе, которая так необходима для него, реализации важных задач по модернизации различных сфер жизни людей.

Социальная культура может определяться:

- в качестве приоритета социальных ценностей и построения на их основе жизни общества;
- в качестве способности людей взаимодействовать;
- сопоставлением индивидуальных достижений и результатов с успехами в жизни других людей;
- реализацией частных интересов, учётом групповых, общественных и государственных интересов.

Российская социальная культура отличается:

- 1) существенной ролью воздействия духовных стимулов к трудовой, учебной или других видов деятельности;
- 2) признанием государства высшей ценностью;
- 3) коллективизмом, общностью, стремлением к социальной справедливости;
- 4) межконфессиональным, межкорпоративным, межнациональным согласием;
- 5) наличием гуманности в социальных отношениях.

Все перечисленные признаки отличают её от западной цивилизации, характеризующейся в основном индивидуалистической направленностью. Хотя следует отметить, что коллективистские установки на сегодняшний день уже не так сильно воплощаются в поведенческих моделях, как, например, это было в прошлом столетии. Увеличивается количество людей, особенно молодого поколения, которые ориентированы сегодня на высокий доход, потребительство, удовлетворение собственных интересов и потребностей, успешность, личные достижения, высокий статус, богатство, признание. Полностью утверждать, что Россия в современных условиях действительно ориентирована в основном на индивидуализм, мы пока не можем, но исследования Института социологии РАН показывают «увеличение атомизации, которая разрушает общность людей и социальную солидарность российских граждан» [3, с. 216]. В последнее время всё-таки наблюдается движение общества в сторону приоритета индивидуализма, что является печальным явлением. В связи с этим важной задачей является смена вектора социокультурной направленности развития России. Исходя из суждения А. Ахиезера о присутствии «противоречий между культурой и социальными отношениями» [1, с. 66–68], то можно зафиксировать противоречие между традиционной социальной культурой и складывающимися социальными отношениями либерального, «современного» типа. Поэтому, мы и наблюдаем то, что существующие ценности и нормы претерпевают большие изменения, связанные со стремительным заимствованием, «импортированием» новых чужих культурных идей, образцов, моделей поведения.

Следует отметить, что наблюдается также тенденция снижения влияния таких принципов модерна, как прогресс, равенство, свобода, справедливость, гуманизм, рациональность поведения и др. Элементами социальности в современных условиях, будут выступать: «снижение социальной солидарности, усиление иерархичности, индивидуализации общественных отношений, признание социального неравенства, как естественного и необратимого процесса» [2, с. 9].

Поэтому, стоит подчеркнуть, что для ответа на вопрос о том, какое будущее в нашей стране у социальной культуры, какое существует в современной России общество – коллективистское или же индивидуализированное, необходимо уточнение, исходя из того, к какому типу общества это может быть отнесено. Даже при условии принятия положения с низким уровнем социальности и солидарности в современном обществе, вопрос о том, в какой именно современности находится Россия, является в настоящее время весьма актуальным.

Тенденция к атомизации российского общества может быть представлена также как временное явление, вызванное обстоятельствами форсированного перехода страны к новому общественному укладу, в рамках которого решались в первую очередь политические, но не экономические и тем более социальные задачи. Если и можно утверждать о неслучайности происходящих процессов индивидуализации российского общества, то следует признать, что её корни находятся в большей степени в социальных последствиях переходного периода, чем в социальной сути новой современности.

На наш взгляд, учитывая исторически сложившуюся значимую роль государства в отечественных преобразованиях, можно утверждать, что от его политики зависит выработка принципов утверждения, сохранения жизненных начал общества, социальной сплочённости и социокультурной идентичности, а также выработка формулы органичного соединения личного с общественным, частного с групповым.

Таким образом, тенденции развития социальной культуры российского социума в некотором смысле противоречивы. Действующими социально-культурными механизмами в современных условиях, по нашему мнению, могут быть:

- 1) опора на потенциал, энергию, инициативу общества (особенно на молодежь);
- 2) содействие формированию институтов укрепления социальных сетей взаимопомощи и доверия (трудовой, дружеской и т. д.).

Необходимо сделать акцент на создание механизмов ускоренного социально-экономического и культурного развития страны.

Список литературы

1. Ахиезер А. С. Россия. Критика исторического опыта: (социокультурная динамика России). 3-е изд., испр. и доп. М.: Новый хронограф, 2008. 934 с.
2. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / под общ. ред. П. К. Гречко, Е. М. Курмелевой. М.: РОССПЭН, 2009. 440 с.
3. Шубкин В. Н., Климов И. А. Социальная разобщенность как феномен массового сознания // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. С. 216–261.

УДК 316.364

Людмила Николаевна Батьянова,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Институт социальных наук Иркутского
государственного университета,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: batyanova.ekaterina@mail.ru

Социальные и естественные условия гражданской активности и социальной ответственности

В статье анализируются особенности формирования социальных и естественных условий гражданской активности, а также показываются особенности конструирования социальной ответственности и социального развития в рамках формирования социального капитала и развития человеческого ресурса регионов.

Ключевые слова: гражданская активность, естественные и социальные предпосылки, гражданское общество, социальная ответственность, социальный капитал

Lyudmila N. Batyanova,

*Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor;
Associate Professor of Public Administration,
Institute of Social Sciences
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia,
e-mail: batyanova.ekaterina@mail.ru*

Social and Natural Conditions of Civic Engagement and Social Responsibility

The article analyzes the features of the formation of social and natural conditions of civic activity, as well as features of the construction of social responsibility and social development in the framework of designing social capital and developing the human resource of the regions.

Keywords: *civic activity, natural and social prerequisites, civil society, social responsibility, social capital*

Гражданская активность является показателем и мериллом социальной консолидации общества. Формой и условием гражданской активности могут выступать разные социальные акции. В них могут принимать участие люди из разных социальных групп, иметь отличающиеся мотивы и не одинаковые цели своей активности. Но всех их объединяет желание консолидировать вокруг себя своих единомышленников и решить ту или иную проблему, или попытаться это сделать. Изменить к лучшему жизнь группы людей или только одного человека.

Формы социальной ответственности гражданских инициатив включают в себя [4]:

- имущественную ответственность перед инвесторами, акционерами и кредиторами за их собственность;
- перед потребителями и клиентами – ответственность за качество услуг;
- перед работниками – ответственность за рабочие места, соблюдение норм трудового права, охрану труда, социальное благополучие работников;
- перед деловыми партнёрами – работа в соответствии с правовыми и этическими нормами ведения бизнеса, построение отношений с партнерами на соблюдении профессиональных принципов и стандартов, финансовой ответственности;

– перед населением – за охрану и восстановление окружающей среды, благоустройство и социальное развитие территории своего размещения;

– перед государством – за соблюдение законов, включая уплату налогов.

Социальная ответственность некоммерческих организаций, общественных инициативных групп, волонтерских центров и прочих объединений, позволяет определить формы и виды социальной эмпатии, возникающей в обществе в те или иные социально-исторические периоды [3].

Чтобы оценить степень регулируемости социальной ответственности гражданских инициатив, мы провели опрос среди участников общественных движений и гражданских инициатив. В исследовании приняли участие 86 активистов, имеющих опыт работы в гражданских движениях от 5 до 25 лет. Исследование проходило в марте 2017 года в городах Иркутск, Ангарск, Усолье-Сибирское, Черемхово, Шелехов, Братск.

Целью исследования было выявление социальной ответственности в разных областях гражданскими активистами. Во-первых, мы пытались проследить их рефлексивность и когнитивную подготовленность в данном вопросе. Во-вторых, готовность на деятельностном уровне следовать принципам социальной ответственности в своих действиях. Результаты опроса представлены в табл. 1.

Таблица 1

Социальная ответственность лидеров гражданских движений (%)

<i>№ п/п</i>	<i>Социальная ответственность</i>	<i>Рефлексивность</i>	<i>Готовность реализовывать</i>
1	Имущественная ответственность	10	5
2	Перед потребителями и клиентами	15	15
3	Перед работниками	15	10
4	Перед деловыми партнёрами	20	15
5	Перед населением	30	50
6	Перед государством	10	5

Таблица показывает интересные результаты. Лидеры гражданских инициатив и некоммерческих организаций в первую очередь несут ответственность перед населением (30 %). Интересный момент в том, что на практике готовы это делать чуть ли в два раза больше людей (50 %), чем просто говорить (рефлектировать) – 30 %. Это показывает то, что наши респонденты готовы не только за свои, но и за чужие идеи бороться, получая за это какие-то преференции для себя (в виде известности, публичности, коммуникативности и т. д.). И чем более сложные экономические условия и социальные риски, тем более прогнозируемыми становятся социальные акции и гражданские инициативы. Данная зависимость прослежена в исследовании В. А. Скуденкова об экономических притязаниях [5].

«Да перед людьми стыдно, если можешь что-то сделать, а не делаешь. Это и Богу видно, и людям. И главное – самому себе. Жить по совести нужно, тогда и законы будут соблюдаться и всем будет хорошо жить» (М. И., член совета ветеранов 75 лет). *«А для кого мы работаем, если не для простых людей? Бизнес и власть сами смогут о себе позаботиться, а наша основная задача – чтобы простые люди не были брошены в беде и получили помощь и поддержку в трудной ситуации»* (Н. Г., волонтер реабилитационного центра для женщин, испытывавших насилие в семье, 33 года). *«Социальная работа с населением, защита их прав в тех аспектах, что выходят за рамки прописанных законодательством – это наша вотчина. Работники государственных социальных служб разводят руками, так как сами связаны по рукам и ногам. Одна надежда на некоммерческие центры, способные реально помочь, невзирая на законы, нормы и требования. Мы все тут по призванию, по совести работаем, а не за деньги»* (А. А., работник хосписа).

Вторая группа – это деловые партнёры (20 %), перед кем готовы нести ответственность лидеры общественных групп и инициатив. Люди, с которыми сотрудничают в разных вопросах, занимают достаточно небольшую нишу социальной ответственности активистов.

«Своими силами мы можем привлечь общественность, но реальные изменения могут сделать только те, у кого есть

ресурсы, поэтому важно предоставить бизнесу то, что ему интересно, чтобы он помогал нам решать наши социальные задачи» (Т. А., сотрудник РРСЖ Ангара, 39 лет). «Деловые партнёры – это очень значимые люди, от них зависит насколько успешен будет тот или иной проект, сколько людей в нём примет участие, какой эффект будет. Наш центр всегда старается соблюдать правила и нести полную ответственность за выделенные средства, помещения, материальную базу и т. д.» (О. Д., сотрудник питомника для бездомных собак, 29 лет).

В третью группу вошли две категории: «перед потребителями и клиентами» и «перед работниками» (по 15 %). Ответственность перед теми, кто работает вместе, и теми, кто обращается в данные группы также не столь высока, вероятно потому, что существует установка – «помогаем, кому можем, остальные – сами за себя».

«Ответственность надо нести не только за того, кому мы помогаем, но и с кем помогаем. Я всегда помогаю бездомным, но никогда не хожу одна туда, где мы их кормим или дежурируем в ночлежках. Тут важно не оставаться одному – ни психологически, ни технически. Чувство плеча – всегда помогает решать непростые моменты, и человеку помогать и коллеге поддержку оказывать» (Г. О., волонтер центра помощи бездомным). «Я всегда чувствую огромную ответственность перед ветеранами войны, кому помогает наш центр. Помимо ответственности, есть глубокое чувство уважения и эмпатии. Это мне от родителей передалось – уважать старших. Теперь я это реализую в своей обычной жизни через работу в волонтерском центре» (М. С., волонтер центра помощи ветеранам, 20 лет).

В четвертую группу также вошли две категории: «имущественная ответственность» и «ответственность перед государством» (по 10 %). Иными словами, за имущество и государство представители общественных групп готовы нести ответственность в последнюю очередь. Это является достаточно показательным критерием оценки своего вклада в общественное воспроизводство.

«Я несу ответственность за то имущество, которым распоряжаюсь, чтобы реализовывать наши проекты для

молодых людей с девиантным поведением. И это качество созерцательности и сохранения того, что есть, я стараюсь передать своим подопечным. С кем-то получается хорошо, с кем-то пока нет контакта. Но я верю, что смогу донести до них то, что они несут ответственность перед государством, перед обществом, перед теми организациями, где учатся, перед семьёй» (О. О., социальный педагог в центре для девиантных подростков, 34 года).

В то же время, кроме указанного выше пункта – «ответственности перед населением» в сфере готовности реализации на практике ещё меньшая доля активности (от 5 до 15 %). Это говорит об отсутствии условий и возможностей для самореализации и отсутствии слаженных механизмов реализации социальной ответственности данных групп.

С одной стороны, это указывает на несформированность условий развития гражданского общества, с другой – на неготовность самих членов общества участвовать в создании данных условий. Перспективы и формы развития могут варьироваться от конкретного движения, но общий формат остаётся, увы, безрадостным, наблюдаются элементы стагнации и социального разрушения. Остается надеяться на перспективы социокультурной солидарности и изменения формата реализации гражданских инициатив.

Таблица 2

Оценка уровня готовности к взаимодействию по решению проблем гражданских инициатив между различными социальными институтами (в %)

<i>Оценка</i>	<i>Бизнес</i>	<i>Власть</i>	<i>Некоммерческие организации</i>	<i>Активные граждане или группы граждан</i>
Бизнес	50	75	65	60
Власть	75	50	55	60
Некоммерческие организации	65	55	50	35
Активные граждане или группы граждан	60	60	35	30

Как видно из таблицы 2, взаимодействие между двумя и более представителями бизнеса, разных уровней власти, некоммерческих организаций дают стабильный показатель получения эффектов (50 %). При этом, максимальный эффект при взаимодействии бизнеса и власти (75 %). Минимальный показатель при взаимодействии нескольких групп активных граждан (30 %).

Наши эксперты объясняют свои ответы следующим образом.

«Только сочетание денег бизнеса и воли власти может привести к реальным изменениям в каком-либо вопросе» (Н. Д., волонтер – социальный работник дома престарелых, 44 года). *«Если некоммерческие организации смогут показать выгоду для бизнеса или удовлетворить социальную отчетность для власти – только тогда они могут рассчитывать на их поддержку и помощь в решении поставленных задач»* (О. А., член некоммерческой экологической организации, 23 года). *«Если встретятся несколько активных граждан или групп граждан – они смогут лишь обозначить проблему, но не решить её. Когда они привлекут некоммерческие организации, смогут привлечь внимание властей, заинтересовать бизнес – только тогда будут перемены. Сами по себе они только формируют общественное мнение, но не решают проблемы. Но и это нужно делать. Активистов надо поддерживать!»* (Г. Д., член союза психологов, волонтер горячей линии, 39 лет).

Как показывают исследования П. А. Трескина, институты гражданского общества взаимозависимы и функционируют лишь при поддержке ресурсных центров, которыми выступают бизнес и власть [6; 7]. Одни лишь интересы, социальные задачи и обязательства, как показано в наших работах, помогают увидеть, обозначить проблему, но не решить её [1; 2].

Таким образом, социальная ответственность всех участников гражданского процесса формирует зону социальной активности, где у каждого субъекта есть своя естественная или сформированная под конкретные задачи социальная роль. Понимание функционирования этого механизма позволит выйти на новый уровень социальной ответственности всего общества.

Список литературы

1. Батянова Л. Н. Социальные и естественные предпосылки формирования групп интересов в гражданском обществе // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: сб. ст. VIII Междунар. науч. конф. / под общ. ред. Н. Д. Субботиной. Чита: ЗабГУ, 2017. С. 104–109.
2. Батянова Л. Н., Иванов Р. В. Социально-политические основы развития гражданского общества: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. 146 с.
3. Полюшкевич О. А. Представления о социальной защищённости жителей России и Португалии // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 66–71.
4. Попова М. В. Роль территориального бренда в построении гражданского общества // Культура политического консенсуса и толерантность в деятельности управленческих и общественных структур в условиях современных угроз и вызовов: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. С. 90–95.
5. Скуденков В. А. Экономические притязания городских жителей Иркутской области // Урбанистика. 2017. № 3. С. 93–105.
6. Трескин П. А. Общественные организации как социальный капитал региона [Электронный ресурс] // Государственное управление: электрон. вестник. 2017. № 64. С. 263–277. Режим доступа: <https://www.e-journal.spa.msu.ru> (дата обращения: 09.02.2018).
7. Трескин П. А. Роль развития некоммерческого сектора в процессах построения гражданского общества (по материалам Иркутской области) // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полюшкевич. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. С. 100–106.

Ольга Андреевна Борисенко,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита Россия,
e-mail: olenka_rabota@mail.ru

Адаптация человека в условиях культурной безопасности¹

Проблема безопасности культуры в условиях глобализации становится приоритетной. Состояние культурной безопасности является важным показателем состояния безопасности в целом. В статье рассматривается вопрос о проблеме адаптации человека в условиях культурной безопасности.

Ключевые слова: культурная безопасность, культура, национальная безопасность

Olga A. Borisenko,
Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor of Philosophy Department,
Transbaikal State University,
Russia, Chita,
e-mail: olenka_rabota@mail.ru

Adaptation of a person in conditions of cultural security

The problem of cultural security in the context of globalization is becoming a priority. The state of cultural security is an important indicator of the state of security in general. The article considers the issue of the problem of adaptation of a person in conditions of cultural security.

Keywords: cultural security, culture, national security

Национальный характер культуры имеет незаменимые и уникальные особенности. Если культура теряет свою национальную идентичность, она теряет свою жизнеспособность. Однако мы должны признать, что в эпоху глобализации человеческая культура продемонстрировала беспрецедентную и сильную интеграцию. В «интеграционной» тенденции каждая

---

¹ Статья выполнена в рамках государственного задания 35.9234.2017/БЧ.

этническая культура обеспокоена потерей собственных культурных особенностей, особенно слабые культурные субъекты должны всегда защищаться от сильного культурного субъекта, чтобы установить свою культуру как универсальную. В данном случае, мы наблюдаем экспансию западной культуры на восточные.

Идея безопасности не является современным образованием, но в условиях глобализации, она начинает получать новое содержание, которое отражает реально существующие процессы, начиная от глобальной безопасности, до экономической, культурной, религиозной и т. д. безопасности [2].

Любая национальная культура является неотъемлемой частью мировой культуры. Национальная культура содержит мировую, а та, в свою очередь, не может быть отделена от неё. Нынешний мир является всё более взаимосвязанным миром. В культурном развитии всех стран культурная этничность и глобальные проблемы станут более выраженными, и страны в мире начинают обращать внимание на этот вопрос. Так, доклад Организации Объединенных Наций о развитии человека, опубликованный в 2004 году, «Культурная свобода в современном мире» [3], был посвящён проблеме сохранения многообразия культур, как в отдельных странах, так и в мире в целом. В последние годы лидеры китайского правительства призывают международное сообщество сохранить разнообразие мира, продолжать диалог, обмена и строить гармоничный мир общего процветания.

Как отмечает Чжан Сюо (Научный сотрудник Академии общественных наук провинции Сычуань), культура – это родословная нации. Это духовная родина народа и играет важную роль в его экономическом и социальном развитии [4]. Культурная безопасность в основном относится к состоянию, в котором культура не заменяется или ассимилируется другими, а сохраняет свою уникальность, независимость и полноту и продолжает свое наследование и развитие. Национальная культурная безопасность в основном относится к тому факту, что господствующая культурная система суверенной страны не была разрушена и уничтожена другими культурами, а мо-

жет полностью сохранить свои собственные культурные традиции и национальные особенности, укрепить разнообразие мировой культуры и расширить своё влияние. В частности, такая безопасность в основном включает в себя сохранение культурных особенностей страны, уважение ценности этнической культуры, защиту культурных ресурсов и наследие культурных традиций, а также многие другие аспекты. Национальная культурная безопасность также может быть разделена на ценности и концепции языковой и текстовой безопасности. Она является нетрадиционным фактором безопасности и формирует систему наряду с традиционными элементами безопасности, такими как национальная политическая безопасность, экономическая безопасность и внутренняя безопасность.

Культурная безопасность является важной областью национальной безопасности. В академическом мире существует множество определений культуры, что также затрудняет идентификацию культурной безопасности. Но что же такое «культурная безопасность»? В Австралии эта фраза используется, когда речь идёт о том, как модернизация угрожает изменить образ жизни аборигенов. В Китае политические чиновники использовали эту фразу в качестве политики для защиты от «негативного» влияния иностранной поп-культуры. В Африке лидеры применяли эту фразу, выражая озабоченность по поводу влияния общемирового развития на местные традиции. По-видимому, существует общая черта, означающая, что «культурная безопасность» – это проблема сохранения культурной самобытности перед лицом модернизации и глобализации.

Важность культурной безопасности заключается прежде всего в культурной самобытности различных групп внутри страны. Культурная идентичность является важной основой для того, чтобы страна стала целой. Например, важной причиной разделения Римской империи, краха Османской империи и раздела между Индией и Пакистаном была разница в культурной самобытности. На протяжении более двух тысяч лет, с момента воссоединения первого императора династии Цинь, одним из величайших достижений Китая было установ-

ление очень последовательных культурных идентичностей у огромного населения, на долю которого приходится четверть населения мира.

Если культурная самобытность является содержанием культурной безопасности и включает в себя основные ценности, основные интересы и другие фундаментальные аспекты, то, с одной стороны, это создает угрозу для содержания культурной безопасности. Так, в качестве наиболее важного средства распространения современной культуры стал Интернет. Культурная безопасность – это уже не просто естественный обмен воображения. После значительного ослабления статуса традиционных СМИ, Интернет стал самым удобным и широко распространенным средством культурного обмена под лозунгом мировой интеграции. Мы ясно видим, что Интернет фактически стал самым важным средством культурной войны. Поэтому, в отношении культурной безопасности эпохи Интернета, мы получили от американцев впечатляющий урок: культурная безопасность, от содержания к средствам, от открытой войны до тёмной войны [5].

Из концепции национальной культурной безопасности мы видим, что угроза национальной культурной безопасности исходит не только извне, но и в её собственной культуре всё ещё существуют факторы риска. Если собственная культура не сможет достичь хороших преобразований и инноваций, она неизбежно станет.

Следовательно, главная задача культурной безопасности состоит в том, чтобы гарантировать культурный суверенитет и устранение скрытых культурных угроз. От эффективной политики власти зависит уровень культуры и её сохранность, возможность передачи другому поколению.

Однако культура любой страны имеет свою традицию и присущие ей корни. Отказ от традиций и основ равнозначен разрушению духовного жизненного пути и утрате её культурных качеств. Культура является продуктом народной практики и развития. Это исторический и непрерывный процесс. Культурное наследие, изменения и инновации должны основываться на существующих традициях, чтобы действительно обеспечить культурную безопасность.

Всё больше стран мира отметили важность культурной безопасности. Франция придаёт большое значение сохранению собственной культуры. Именно Канада выступает за мультикультурализм и активно принимает меры, чтобы противостоять влиянию других культур на собственную культуру. Потому что культурная безопасность и национальная безопасность, экономическая безопасность и идеологическая безопасность – самые большие национальные интересы. Сегодня люди также признают, что экономическая безопасность страны превратилась в проблему культурной безопасности.

Именно духовная связь поддерживает нацию и является истинным корнем нации. Культура – это национальный импульс. В то же время культурная безопасность также является самой глубокой частью элемента национальной безопасности. Подчёркивание и защита духовной родины нации – это не только выбор для усиления мягкой силы страны, но и проявление зрелой уверенности в себе, а также завоевание международного признания и уважения.

Однако сильная или слабая культура имеет свою собственную ценность для выживания и право на развитие. Тем не менее, в мире всегда есть страны, которые способствуют культурной гегемонии и «культурной колонизации», одновременно поощряя военную и экономическую гегемонию. Это ставит вопрос о культурной безопасности [1].

Интерес представляет собой воплощение объективных потребностей субъекта. Всё, к чему стремятся люди, связано с их интересами. Проблема интереса – это конечная мотивация для всех видов сложной человеческой деятельности. Он имеет ведущее место в общественной жизни и формирует изменения и движение к общей социальной реальности. Только осознавая этот момент, мы можем понять фундаментальные принципы всех социальных противоречий и конфликтов. Как сказал Ф. Энгельс, «начало и прогресс революции будут полезны не для принципа, а только для интересов». В мировой системе, где национальное государство является основным органом, национальные интересы являются предпосылкой и основой существования и развития страны.

Национальные интересы являются основой для формирования стратегии безопасности, а также основной причиной всех действий государства. Их можно разделить на различные типы по причине различных и разнообразных потребностей, выделив такие интересы, как политические, экономические, культурные, военные и т. д. Реализация культурных интересов может удовлетворять потребности духовных и культурных аспектов страны. Они могут наследовать национальную традицию, культивировать дух времени, укреплять основную ценность, защищать культурный суверенитет, укреплять мягкую силу и, в конечном итоге, способствовать полному и свободному развитию людей. Рост и падение режима культурных интересов, будущее нации, безопасность и благосостояние народа являются гарантией устойчивого развития страны. Поэтому суть национальной культурной безопасности заключается в защите национальных культурных интересов и обеспечении того, чтобы национальные культурные интересы не нарушались.

Список литературы

1. Фомина М. Н., Воронченко Т. В., Борисенко О. А. Диалог культур в контексте философской компаративистики. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики: в 4 ч. Ч. 3. 2017. № 12. С. 202–204.
2. Borisenko O. A., Kondakova N. S., Fomina M. N. Cultural Security of the Transboundary in a Globalizing World: A Theoretical and Methodological Analysis // European Research Studies Journal. 2017. Vol. 20, Special Issue. Pp. 532–540.
3. «文化安全»是2007年浙江大学出版社出版的图书, 作者是潘一禾 = Культурная безопасность. Пань Йицзюнь: Ун-т Чжэцзян, 2007.
4. 如何维护国家文化安全 = Как сохранить национальную культурную безопасность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.theory.people.com.cn/GB/16246412.html> (дата обращения: 18.03.2018).
5. 文化安全有多重要 = Насколько важна культурная безопасность [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.blog.sina.com.cn/s/blog_4134ba900102wkzx.html (дата обращения: 18.03.2018).

Нина Иннокентьевна Виноградова,
доктор психологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: vin57@list.ru

Евгения Ивановна Касьянова,
доктор философских наук, доцент,
Забайкальский институт железнодорожного транспорта,
г. Чита, Россия,
e-mail: gn@zab.megalink.ru

Возможности самореализации личности в процессе профессиональной подготовки

В статье рассматривается проблема профессиональной самореализации человека на этапе профессиональной подготовки и на этапе зрелости. Анализ категории профессиональной самореализации осуществлён через характеристику профессионального здоровья студента. Выделены этапы становления профессионального здоровья на этапе профессиональной подготовки.

Ключевые слова: развитие зрелого человека, здоровьесберегающий вариант саморазвития, счастливый зрелый профессионал, становление профессионального здоровья студента

Nina I. Vinogradova,
Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: vin57@list.ru

Evgenia I. Kasyanova,
Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor,
Transbaikal Institute of Railway Transport,
Chita, Russia,
e-mail: gn@zab.megalink.ru

Possibilities of Self-realization of the Person in the Process of Professional Training

The article deals with the problem of professional self-realization of a person at the stage of professional training and at the stage of maturity. The analysis of the category of professional self-realization is carried out

through the characteristic of the student's professional health. The stages of formation of professional health at the stage of vocational training are outlined.

Keywords: *development of a mature person, health-saving variant of self-development, happy mature professional, becoming a student's professional health*

Мощные достижения современных биотехнологий, которые предопределили переосмысление человеческой природы как таковой, значимо изменили представление людей о сущности собственного «Я» и границах жизни. С другой стороны, меняющийся образ жизни, рынок труда, влияние информационных систем, грядущие экологические проблемы существенно поменяли социальное мироощущение людей. Дихотомия «наследственность – среда» продолжает оставаться предметом острых дискуссий психологического сообщества. Вопрос о степени влияния генетических задатков и общества на структуру личности становится всё более актуальным с точки зрения оценки нормы развития зрелых людей, занимающихся профессиональной деятельностью.

Зарубежные научные школы при анализе проблем развития человека всегда акцентировали внимание на конституционально заложенных свойствах личности. Становление зрелого человека рассматривалось как развертывание индивидуальной программы с рождения до этапа зрелости по сценарию постепенной адаптации имеющихся личностных структур к социуму [8].

В отечественной психологии, начиная с работ Б. Г. Ананьева, закрепился подход, позволяющий анализировать закономерности развития на отдельном жизненном этапе с позиций целостного контекста всей жизнедеятельности человека [2].

Развитие на этапе зрелости в зарубежной психологии рассматривается только как приспособление уже заданных личностных структур к условиям существования. Зрелость представлена как стадия стабилизации, предшествующая старению. Отечественные исследователи, вслед за Б. Г. Ананьевым, выделяют взрослость как период сложных динами-

ческих изменений всех психофизических структур человека. Открыты им три вида механизмов психики: функциональные (психофизические), активационные (социально обусловленные) и операциональные (деятельностно обусловленные), в единстве обеспечивают становление человека на самом продолжительном жизненном этапе – этапе осуществления профессиональной деятельности. Развитие зрелого человека представляется в отечественной психологии как особый вид специализированного социально обусловленного развития, детерминированного объективными условиями жизни человека в обществе, его статусно-ролевыми качествами.

Вектор развития зрелого человека в современном мире во многом определяется его способностью к самопознанию собственных возможностей и поиску здоровьесберегающего варианта профессионального саморазвития с ориентацией на базовые жизненные ценности. Нам импонирует концепция ведущих потребностей и возможностей современного человека, предложенная Мартой Нуссбаум [9]. К ним она отнесла:

- жизнь (Life) – возможность прожить достойную жизнь, не умереть раньше срока или до того, как жизнь станет настолько несносной, что потеряет ценность, включая возможность иметь достойное жилье;

- телесную неприкосновенность (Bodily Integrity) – возможность не опасаться насилия, в том числе сексуального насилия и насилия в семье;

- физическое здоровье (Bodily Health) – возможность наслаждаться хорошим здоровьем и полноценно питаться;

- репродуктивное здоровье – возможность сексуального удовлетворения и выбора в репродуктивных вопросах;

- организация досуга (Play) – возможность смеяться, играть, наслаждаться отдыхом и развлечениями;

- воображение и мышление (Imagination and Thought) – возможность воображать, мыслить и рассуждать; причём делать это так, как подобает «полноценному человеку», т. е. понимать то, что происходит внутри и вокруг человека;

- практический разум (Practical Reason) – возможность формировать представление о благе и хорошей жизни, критически осмысливать и планировать свою жизнь;

– эмоции (Emotions) – возможность испытывать привязанность к вещам и людям; любить тех, кто любит и заботится о нас; огорчаться их отсутствием; в целом, возможность любить, печалиться, скучать, испытывать благодарность и оправданный гнев;

– связь с другими людьми (Affiliation) – возможность жить с другими людьми и для других людей, вступать в разнообразные формы социального взаимодействия, быть способным войти в чужое положение. Иметь социальные основания для самоуважения и неунижения;

– (физический) контроль своей среды обитания (Control over one's Environment) – возможность владеть имуществом (как движимым, так и недвижимым), а также обладать правами на собственность наравне с другими.

Рассматривая развитие зрелого человека как самореализацию собственных потенций в процессе достижения базовых жизненных ценностей, можно констатировать, что он становится творцом своей жизни, прогнозирующим влияние противоречивых природных и социальных задатков на совершаемые поступки. Это формирует в нём ощущение субъективной безопасности, снижает уровень страха за качество жизни на этапе старения.

К. А. Абульханова-Славская выдвинула мысль о том, что не существует критериев и норм, по которым можно было бы оценить жизнь человека извне. Это может сделать только сам человек, имея безошибочный критерий оценки – удовлетворенность или неудовлетворенность жизнью. Удовлетворенность жизнью – это «сложное, но всегда обобщённое чувство состоявшейся или несостоявшейся, удачной или неудачной жизни» [1, с. 51]. Уровень удовлетворённости жизнью современного профессионала во многом определяется тем, как он решает для себя вопрос о наличии противоречий между своими собственными способностями, потребностями, мотивами и требованиями современного общества к работающему человеку, закреплёнными в Профессиональных стандартах. Анализируя особенности жизни на этапе зрелости, Э. Эрикссон установил, что продуктивность, является ведущим со-

циальным содержанием трудящегося человека [7]. Каждый эффективный профессионал как субъект жизни во всём многообразии своих личностных, деятельностных, социальных, коммуникативных, познавательных проявлениях разрешает жизненные противоречия, стараясь найти более оптимальный здоровьесберегающий для себя вариант сохранения позиции «Я-профессионал», обеспечивая продуктивность трудовой деятельности. Неспособность зрелого человека разрешить это противоречие ведёт к его деградации как профессионала, деструкциям, деформациям, т. е. к нарушению гармонии в структурных единицах профессионализма.

В том случае, если профессионал оптимально разрешил данное противоречие, принято говорить о профессиональной зрелости человека, который идёт не вдоль жизни, как отмечал С. Л. Рубинштейн, а поднимается по восходящей [4]. Его личность становится центром самоорганизации и саморегуляции, обеспечивая долгую и счастливую самореализацию в конкретном виде труда и личной жизни. Можно считать, что характеристика зрелого человека как счастливого профессионала отражает высшую ступень его развития на этапе взрослости. Таким образом, счастливым зрелым профессионалом можно назвать такого человека, который выработал свой здоровьесберегающий способ интеграции собственных желаний, интересов, способностей в гармонии со своим характером, целями и объективными обстоятельствами жизни.

Закономерно встаёт вопрос о том, в какую сторону должен измениться вектор развития высшего профессионального образования, занимающегося становлением будущих счастливых профессионалов. Я. Кузьминов (ректор ВШЭ) выделил семь основных направлений изменения высшей школы. Во-первых, это качественное изменение роли человеческого капитала в экономике. Связано оно будет с массовизацией творческой деятельности. По его прогнозам, к 2040 году «творцы по базовому занятию» займут до трети общемирового рынка труда, и именно это будет задавать спрос на деятельность университетов. «Второй фактор – существенное продление полноценной жизни человека. Третий фактор – это перманентная

смена технологий и занятий, необходимость адаптироваться к рынку труда. Четвёртое – многократный рост платёжеспособного спроса на образование. Переход городского населения в постсредний класс создаст реальную возможность того, что люди начнут платить за образовательный сервис. Пятый фактор – глобализация английского как профессионального и делового языка, что приведёт к тому, что начнут стираться национальные границы. Шестой фактор – дигитализация обучения, формирование образовательных онлайн-платформ, которые успешно конкурируют с офлайн-программами. Седьмой фактор – появление сильных глобальных сигналов качества на рынке, которые не совпадают с традиционными, то есть дипломами вуза. По прогнозу Кузьминова, в ближайшие 25 лет новые универсальные профессиональные стандарты вытеснят национальные образовательные стандарты» [3].

Необходимость совершенствования образовательных технологий по заданным векторам вступает в противоречие с резко снижающимися возможностями физического и психического здоровья студенческой молодёжи. Большинство молодых людей, как отмечает Н. М. Сараева, «выживают» на границе нормы возрастного развития [6], что требует от них больших усилий при достижении поставленной цели, ставит в позицию не созидających, а преодолевающих, преждевременно «сжигающих» свой психофизический ресурс, утрачивающих свое профессиональное здоровье. Под профессиональным здоровьем современного студента нами понимаются такие системные составляющие его физического, психического и социального статуса, которые направляют его к достижению базовых жизненных потребностей в зрелом возрасте через здоровьесберегающую самореализацию в профессиональной подготовке и выборе наиболее оптимального варианта конструирования собственного жизненного пути.

В соответствии с этим определением, претерпевает изменение ценностный аспект сопровождения преподавателем профессиональной подготовки студентов. Такое сопровождение можно рассматривать как поэтапную диагностику, проектирование и апробирование каждым студентом наиболее

эффективных для него ценностных, содержательных и динамических составляющих своего профессионального здоровья в рамках не изучаемой дисциплины, а более широкого полисистемного знания. Такого знания, которое позволит быстро менять специализацию в зависимости от собственных интересов и потребностей рынка, не ухудшая показателей профессионального здоровья. Ректор РАНХиГС Владимир Мау высказал мнение о том, что образование станет индивидуализированным, непрерывным, уйдёт от узкой специализации. «По специальности будут работать неуспешные, те, кто не смог адаптироваться» [3].

Критериями эффективности процесса сопровождения преподавателями профессиональной подготовки студентов выступают:

- согласование разнообразных технологий подготовки студентов, реализуемых преподавателями с психофизиологическими возможностями и усилиями студентов в достижении базовых жизненных потребностей;

- качество становления у студентов созидательной профессиональной позиции, а также собственного «здоровьесберегающего» ритма профессионализации;

- активность в применении студентом средств самомониторинга показателей своего физического, психического и социального статуса, их корректировки и поиска возможностей, обеспечивающих реализацию психосохранного варианта развития профессионального здоровья;

- качество преобразования студентом содержания рабочих программ дисциплин в ориентиры моделирования собственных систем профессионализации, а также уровень самостоятельности и «свободы» в выборе необходимых и достаточных средств профессионального саморазвития.

Мы выделили четыре технологических звена становления профессионального здоровья студентов, закономерно преобразующихся в соответствии с целевыми установками каждого этапа подготовки:

- подготовительный этап, связанный с осмыслением многомерности, объемности, вариативности, проблемности

достижения базовых жизненных ценностей в рамках предлагаемых параметров будущей профессии, прогнозирование здоровьесберегающих вариантов «врастания» в профессию. Временные показатели развертывания данного этапа определяются индивидуальными сроками созревания прогностических компонентов профессионального здоровья;

– этап адаптации студентом «акме-энерго-информационного» потенциала своего физического и психического здоровья к осмыслению направленности профессионализации. Данный этап предполагает выстраивание многомерного образа «Я» как счастливого человека сейчас, в будущей зрелой жизни и в пожилом возрасте. На этом этапе очень важно «считывать» и анализировать образцы удачной профессиональной самореализации специалистов в своей сфере труда, «примеивать» их на себя и выбирать те из них, которые в большей мере соотносятся с собственными возможностями профессионального здоровья;

– этап индивидуализации возможностей своего профессионального здоровья и обдумывание конкретных вариантов достижения базовых жизненных ценностей в рамках требований трудовой деятельности. На этом этапе происходит упорядочивание, синхронизация всех компонентов профессионального здоровья. Обозначаются тенденции ускорения темпов профессионализации за счёт гармоничной «вписанности» показателей профессионального здоровья в общую смысловую канву счастливой жизнедеятельности будущего специалиста;

– этап самоактуализации компонентов профессионального здоровья на завершающей стадии профессиональной подготовки за счёт убеждённости в необходимости и возможности достижения базовых жизненных ценностей. Такая убежденность становится связующим звеном становления всех компонентов профессионального здоровья, интегрируя их в единый «посыл» самосозидания своей будущей счастливой жизни.

В центре нашего понимания категории «становление профессионального здоровья студента» лежит его способность самому решать профессионально-познавательные и жизненные проблемы, т. е. не только подчиняться социально обуслов-

ленным нормам жизни, но и определять качество своей жизни, ориентируясь на базовые жизненные ценности. В качестве динамической составляющей, определяющей качество становления профессионального здоровья студента, выступает его способность к организации времени жизни. Ориентируясь на то, что профессиональная жизнь – это самый длительный по времени этап жизненного пути человека, движение к достижению качеств счастливого зрелого профессионала во многом зависит от уровня саморегуляции студентом интенсивности профессиональной подготовки. Последняя измеряется показателями освоенности профессиональных компетенций, с одной стороны, и показателями активного отношения к жизни (участие в благотворительных акциях, волонтерских движениях, олимпиадах, конкурсах, кружках по интересам и т. д.). К. А. Абульханова-Славская считала, что понятие «организация» синтезирует независимый от личности, объективно ей присущий способ организации и субъективный, произвольно определяемый ею самой. Жизненный путь человека, по её мнению, представляет собой особое измерение, особый масштаб рассмотрения личности [1].

И. В. Солodникова делает вывод о том, что чем моложе человек, тем больше у него шансов двигаться по более сбалансированной траектории самореализации. «Застревание» на «неравномерных» участках траектории с возрастом приводит к невозможности перехода на сбалансированную траекторию. Возможно, осознание этого приводит к более низкой оценке своей самореализованности людьми в возрасте старше 30 лет [5].

Таким образом, потенциально возможное достижение человеком удовлетворенности жизнью в зрелом возрасте определяется качеством профессионального здоровья на этапе профессиональной подготовки и зависит от следующих факторов:

1. Становление активного, самостоятельного, ответственного выбора, способа принятия решения, а также вариантов прогнозирования эффективных способов профессионализации, рассчитанных на длительную перспективу жизненного пути.

2. Усложнение связей между осознанием необходимости и возможности стать счастливым профессионалом и субъективными факторами, обеспечивающими эффективную саморегуляцию процесса профессионализации и возрастание продуктивности профессиональных функций.

3. Развитие самооценки валеологических составляющих профессионального здоровья, что является основанием к саморегуляции показателей личностной тревожности, предотвращения профессиональных стрессов.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 224 с.
2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с. (Сер. Мастера психологии).
3. Кузьминов Я. И., Мау В. А. Каким должен быть университет будущего? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.indicator.livejournal.com/24905.htm> (дата обращения: 30.03.2018).
4. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. СПб.: Питер. 2003. 512 с. (Сер. Мастера психологии).
5. Солодникова И. В. Самореализация личности в зрелом возрасте (социологический анализ): автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.01. М., 2007. 40 с.
6. Сараева Н. М. Интеллектуальные и эмоциональные характеристики психики человека, проживающего на экологически неблагоприятной территории: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. М., 2010. 49 с.
7. Эриксон Э. Г. Детство и общество / пер. с англ., науч. ред. А. А. Алексеева. СПб.: Летний сад, 2000. 256 с.
8. Dawkins R. Parental investment, mate desertion and a fallacy // *Nature*. 1976. № 262. Pp. 131–133.
9. Nussbaum M. *Frontiers of Justice*. Cambridge; London: Belknap, 2006. 202 с.

УДК: 340.122

Глеб Викторович Дружинин,
преподаватель кафедры государственного
и муниципального управления,
Институт социальных наук
Иркутского государственного университета,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: druzhinin93@mail.ru

К проблеме естественно-правового измерения корпорации как формы организации человеческого общества

В статье рассматриваются естественно-правовые начала корпорации, а также концепции естественного права. Корпорация анализируется через призму естественно-правовых концепций. Автор считает, что сферами зарождения корпоративного права выступали охота и торговля.

Ключевые слова: корпорация, естественное право, корпоративное право, естественно-правовые концепции, естественные начала

Gleb V. Druzhinin,
Lecturer of the Department State
and Municipal Government,
Institute of Social Sciences
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia,
e-mail: druzhinin93@mail.ru

To the Problem of the Natural-legal Dimension of a Corporation as a form of Organization of Human Society

In this article, the natural-legal principles of the corporation are considered. The concepts of natural law are considered. The corporation is analyzed through the prism of natural-legal concepts. The author believes that the spheres of corporate law origination were hunting and trade.

Keywords: corporation, natural law, corporate law, natural-legal concepts, natural principles

Потребность каждого члена общества принадлежать к организации лежит в самой сущности человека. История социальной организации человеческого общества имела раз-

нообразные примеры: торговые и купеческие гильдии, союзы. Одной из наиболее эффективных и распространённых форм социальной организации следует назвать корпорацию.

Корпорация представляет собой устойчивую группу лиц, объединённых общностью интересов и формально организованную для достижения определённых целей, обладающую внешним выражением [2, с. 106].

Множественность лиц выступает одним из основных признаков корпорации, которая практически всегда является коллективным субъектом и в которой объединены различные лица. Политические корпорации (политические партии), учёные корпорации (средневековые университеты), коммерческие корпорации (предприятия и заводы), профессиональные корпорации (профсоюзы, союзы предпринимателей, ассоциации юристов) всегда предполагают организацию большого количества людей, которые состоят в корпорации.

Корпорация обладает организационным единством, поскольку корпоративные отношения носят длящийся характер, что создаёт устойчивость в корпорации. Корпорация не может представлять собой разрозненную множественность лиц. Разрозненной множественностью лиц можно считать митингующую толпу, группу лиц, собирающихся вечером в заведении развлекательного характера, такие сообщества можно назвать «призрачными» или «сообществами-фантомами». У этих сообществ отсутствует ряд элементов, которыми обладает корпорация: организационное оформление в виде наличия уставов или иных организационных документов, наличие органов управления, наличие общей цели. Таким образом, корпорация обладает более устойчивым характером.

Наличие внутрикорпоративной иерархии и корпоративных органов управления также является существенным признаком корпорации, поскольку сама социальная организация и организационное единство достигается за счёт наличия органов управления, к функциям которых относятся планирование, координация действий участников, делегирование полномочий, выполнение функций контроля и надзора. Органы управления осуществляют корпоративное управление и тем самым упорядочивают корпоративные отношения.

Формальное и юридическое выражение корпорации. Участники корпорации, желая закрепить свои отношения и сделать их более долгосрочными, оформляют их посредством заключения соглашений и договоров, что является формальным признаком корпорации.

Юридическое выражение корпорации проявляется посредством признания корпорации со стороны государства. Акт признания может носить различные формы, но наиболее распространённым является принятие решения о внесении сведений в реестр юридических лиц.

В теории права существует два подхода к пониманию сущности корпорации: формально-юридический (позитивистский) подход и естественно-правовой [1, с. 28]. Позитивистский подход рассматривает корпорацию как организацию, прошедшую государственную регистрацию в качестве юридического лица и наделённую таковым статусом.

Согласно содержанию статьи 48 Гражданского кодекса РФ, юридическим лицом признаётся организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. При этом, юридическое лицо должно быть зарегистрировано в едином государственном реестре юридических лиц в одной из организационно-правовых форм [5].

Для позитивистского подхода характерно отождествление права и закона. С точки зрения позитивного права, вся истина о праве раскрывается в самом его содержании. Под позитивным правом понимается все признанные властью (государством) источники действующего права (законы, подзаконные акты, санкционированные правовые обычаи, судебные прецеденты и другие источники).

С учётом этого, в позитивистской теории корпорация будет рассматриваться как объект правового регулирования или как субъект правоотношений только с момента государственной регистрации. Таким образом, корпорации не прошедшие

регистрационный порядок считаются непризнанными со стороны государством, и как следствие лишаются правовой защиты со стороны государства и находятся «вне закона».

Естественно-правовая теория ведёт свою историю со времён существования Древней Греции и Древнего Рима, однако наибольшее развитие получила в период XVII–XVIII вв. в континентальной Европе. Наиболее известными представителями теории являются Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо.

Суть теории заключается в утверждении существования в обществе одновременно с позитивным правом, создаваемым государством, ещё и права естественного, которое никем не создаётся, но возникает естественным образом.

Естественное право, как отмечает Н. А. Пьянов, вытекает либо из природы человека, либо из природы вещей, либо из универсального вселенского порядка [4, с. 237].

Следовательно, истоки возникновения естественного права можно рассматривать с разных точек зрения. В разные периоды истории естественное право рассматривалось с различных точек зрения.

Естественное право как «законы природы», «порядок мироустройства» или «вселенский дух»

Первые упоминания о природе естественного права появились в период Античности. В античную эпоху многие мыслители разделяли право позитивное, к которому относили государственно право, законы полиса, законы государства и право естественное (законы природы).

Так, Антифонт, различая законы полиса и веления природы (естественное право), отдавал предпочтение велениям природы, поскольку «многие предписания, признаваемые справедливыми по закону, выступали враждебными природе человека. Полезные установления закона являются оковами для человеческой природы, в свою очередь, веления самой природы приносят человеку свободу.

Интересные взгляды и рассуждения высказывал Каллик – древнегреческий софист, родившийся в Афинах, ученик

Горгия. Афинский мыслитель считал, что по природе справедливо то, что лучший выше худшего и сильный выше слабого. Повсюду (среди животных, людей, государств и народов) существует природный признак справедливости, который заключался в принципе: сильный повелевает слабым и стоит выше слабого. Закон природы в его концепции естественного права видится как право сильных, могущественных, разумных, лучших, как право на неравенство.

В свою очередь, в естественно-правовой концепции Сенеки естественное право выступает уже в роли природного фактора: определённого порядка, мироустройства и причинной цепи событий, а также одновременно как необходимый императив разума [3, с. 94].

Обобщая указанные концепции, следует отметить, что естественное право предстаёт перед нами в виде миропорядка, совокупности природных законов, фундаментальных природных основ и правил, на которых строится всё живое, в том числе общественные отношения между индивидуумами. Соответственно, если рассматривать мир как определённую систему, порядок вещей, то и корпорацию можно рассмотреть как некую систему, которая возникает благодаря вселенским законам, отношения в ней строятся по природным закономерностям, «сильный» занимает место лидера в корпоративной иерархии, в целях сохранения устойчивости корпорации, для её длительного существования корпорация носит закрытый характер.

Корпорация через призму приведённых взглядов античных философов выступает как естественный элемент социальной системы, который занимает своё место в системе социальных координат.

Естественное право как «симбиоз» социальных норм

С точки зрения естественноправовой аксиологии естественное право предстаёт перед нами как совокупность различных социальных норм: правовых (позитивных), международно-правовых, этических, религиозных, корпоративных, норм нравственности и морали. Кроме этого, в понятие есте-

ственного права наряду с такими объективными свойствами права как принципами: равенства, свободы, справедливости, в том числе включаются и различные моральные, религиозные и нравственные характеристики.

В результате смешения указанных элементов естественное право предстаёт как своеобразный нравственно-правовой комплекс, при помощи которого выносятся оценка того или иного ценностного суждения о действиях людей, о позитивном праве.

Через призму данного подхода корпорация рассматривается как результат реализации права индивидов на объединение, а право на объединение выступает одним из элементов указанного комплекса.

Для того, чтобы лучше понять естественные начала в корпоративном праве, следует рассмотреть историю становления корпорации.

Истоки зарождения корпораций лежат в охотничьей, торговой и морской деятельности. Это связано с тем, что названные сферы деятельности объединяли людей, делали их сплочённые.

Группа охотников, которая уходила на долгий период на охоту, формировала свои узкогрупповые правила и нормы, в ней формировались новые статусы; так человек-охотник, занимавший невысокое положение в племени, в группе охотников мог быть вторым по значимости. Охота всегда была сопряжена с опасностью, поскольку люди охотились на зверя, встреча с которым представляла опасность и могла закончиться для них смерть. Это обстоятельство способствовало единству в группе охотников, появлению корпоративных норм: правил и обычаев на охоте, установлению внутрикorporативных статусов.

Торговля является также той сферой человеческой деятельности, которую можно назвать благоприятной для зарождения корпоративного права, развития корпоративных структур и создания корпоративных норм. Союзы торговцев возникали также с целью защиты общих интересов, к которым относились, в частности, монополизация на рынке товаров, защита от пиратов, разбойников и грабителей.

Таким образом, корпорация и корпоративное право, как два неразрывно связанных между собой элемента, имеют в своей природе естественные начала. Естественные начала в корпоративном праве обусловлены, в первую очередь, природной потребностью индивидов в объединении, защите своих интересов, более мобильному достижению целей, благодаря объединению усилий.

Следует отметить, что через различные естественно-правовые подходы взгляд на корпорацию будет меняться, в одном случае корпорация есть естественная социальная система, возникающая из природы человеческих отношений, в другом – естественный порядок вещей.

Список литературы

1. Дружинин Г. В. Позитивистский и естественно-правовой подходы к пониманию сущности корпорации // ExLegis: правовые исследования. 2017. № 4. С. 27–29.

2. Дружинин Г. В. Правовое регулирование деятельности корпораций как средство воздействия на процесс консолидации общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полошкевич. Иркутск: ИГУ, 2018. С. 106–110.

3. История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004. 944 с.

4. Пьянов Н. А. Теория государства и права: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИрИ (ф) ВГУЮ (РПА Минюста РФ), 2015. 528 с.

Источники

5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: от 30.11.1994 г. № 51 ФЗ (с изм.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Марина Борисовна Лига,

*доктор социологических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: m-liga@inbox.ru*

Ирина Анатольевна Щеткина,

*кандидат социологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: irinasocio@mail.ru*

Елена Юрьевна Захарова,

*доктор философских наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: aglena_72@mail.ru*

Качество жизни и социальная безопасность

В статье представлена оценка качества жизни населения как условия обеспечения социальной безопасности на основе мнений респондентов о предоставлении муниципальных услуг местными органами власти в различных сферах жизнедеятельности. Данная оценка выявляет отношение населения к деятельности органов власти, целью которой является обеспечение достойного качества жизни как показателя уровня социальной безопасности.

Ключевые слова: *качество жизни, уровень жизни, удовлетворённость, качество услуг, социальная безопасность*

Marina B. Liga,

*Doctor of Sciences (Sociology), Professor;
Dean of Sociological Faculty,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: m-liga@inbox.ru*

Irina A. Shchetkina,

*Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor;
Deputy Dean of Sociological Faculty,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: irinasocio@mail.ru*

Elena Yu. Zakharova,

*Doctor of Philosophy, Associate Professor
Head of the Philosophy Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: aglena_72@mail.ru*

Quality of Life and Social Safety

Assessment of quality of life of the population as conditions of ensuring social safety on the basis of opinions of respondents on providing municipal services by regional authorities in various spheres of activity is presented in article. This assessment reveals the population relation to activity of authorities which purpose is ensuring worthy quality of life as an indicator of level of social safety.

Keywords: *quality of life, level of living, satisfaction, quality of services, social safety*

В современной науке сложились и функционируют различные методики оценки развития человека и общества. Одной из таких методик является оценка качества жизни как удовлетворённости личностью реализацией материальных и духовных потребностей, условиями своей жизнедеятельности. Данная оценка выявляет отношение населения к деятельности органов власти, целью которой является обеспечение достойного качества жизни как показателя уровня социальной безопасности. Оценка качества жизни на основе оценки удов-

летворённости населением деятельностью муниципалитетов позволяет выделить проблемные моменты, определить перспективы развития.

Методологическую базу исследования составил человекоцентрический подход, в рамках которого оценивается, насколько услуга соответствует требованиям потребителя, а потребитель удовлетворён деятельностью организации, предоставляющей услугу; концепции качества жизни, социальной безопасности, человеческого капитала.

В современных условиях развитие государств во многом зависит от человеческого капитала. Теория человеческого капитала была разработана американскими учёными Г. Беккером [13] и Т. Шульцем [14] в 60-е гг. XX века. Т. Шульц считал, что процветание государств зависит не от наличия полезных ископаемых, географического положения страны, а от уровня образования и состояния здоровья человека. По его мнению, «образованный капитал» является источником, ресурсом развития государств [Там же].

Развитие человеческого капитала детерминировано внутренними и внешними факторами. К внутренним факторам относятся личностные качества индивида, его жизненная стратегия, мотивы, ценности. Внешние факторы – это условия, созданные государством для развития личностного потенциала, качество социального пространства, в котором функционирует личность.

В «Стратегии 2020» центральное место среди приоритетных направлений развития страны занимает необходимость инвестиций в человеческий капитал, создание условий для его развития. Все эти действия будут способствовать обеспечению достойного качества жизни, достижению высокого уровня социальной безопасности. Формирование человеческого капитала требует значительных экономических и социальных инвестиций в жизненное пространство человека, как со стороны государства, так и со стороны самого индивида.

Значимым становится оценка личностью своего жизненного пространства, формой выражения которой является удовлетворённость личностью различными сферами жизне-

деятельности, деятельностью органов власти федерального, регионального и муниципального уровней, их руководителей, а также качеством предоставляемых населению услуг. Уровень удовлетворённости отражает условия развития человеческого капитала, качество жизни, уровень социальной безопасности.

Термин «социальная безопасность» относительно недавно вошёл в научный оборот. Анализ существующих разработок в данном направлении позволяет выделить ряд подходов к её пониманию, выделению индикаторов оценки состояния социальной безопасности. Во-первых, направление, связанное с формированием самого понятия «социальная безопасность». Во-вторых, социальная безопасность рассматривается в контексте рисков и угроз; в-третьих, социальная безопасность становится предметом самостоятельного изучения. В рамках четвёртого направления социальная безопасность изучается во взаимосвязи с социальной напряжённостью [1; 2; 6; 8].

В данной статье социальная безопасность понимается как состояние социума, при котором обеспечена надёжная и всесторонняя защита личности, общества, государства в социальном пространстве от воздействия рисков, угроз, опасностей, вызов, исходящих от природной, социальной, технологической реальностей.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 июня 2011 г. № 1021-р утверждена Концепция снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 гг. Одной из целей её реализации являлось повышение качества государственных и муниципальных услуг [15]. Положениями указанной Концепции предусматривается проведение регулярного мониторинга качества предоставления (исполнения) государственных и муниципальных услуг (функций). Важнейшим показателем, характеризующим достижение цели Концепции по повышению качества предоставления государственных и муниципальных услуг, является удовлетворённость граждан качеством предоставления государственных и муниципальных услуг. Регулярная оценка значения данного индикатора,

методическое обеспечение его расчёта, выявление факторов, определяющих изменения данного индикатора, направлена на повышение эффективности реализации административной реформы в Российской Федерации.

В настоящее время в отечественной научной литературе наряду с понятиями «показатели», «параметры» всё чаще используется понятие «индикаторы» [13]. В зарубежной литературе это различие отсутствует, так как в английском языке понятия «показатели» и «индикаторы» обозначаются одним словом «indicators». Научная позиция переводчика и редактора публикации трудов зарубежных учёных на русском языке определяет использование либо термина «показатель», либо термина «индикатор».

Объективные индикаторы представлены как индикаторы уровня жизни, они характеризуют количественную меру социальных явлений, осуществляемую специально подготовленными людьми. Это оценка объективных условий социального благосостояния и благополучия.

Субъективные индикаторы – это оценка условий жизнедеятельности самим человеком, которая зависит от мировоззрения, индивидуально-психологических особенностей личности, духовной атмосферы, осведомлённости о предмете оценки, динамики состояния самого объекта, личном вкладе, мнения окружающих, качества жизни.

Субъективные индикаторы позволяют выявить социальную эффективность и уровень удовлетворённости различными аспектами жизнедеятельности общества.

Методика исследования. Применён метод кластерной (территориальной) одноступенчатой выборки, позволяющей достичь точности и достоверности полученной информации. Опрошено 4700 жителей Забайкальского края в соответствии с процедурой выборочного исследования. Контролируемые параметры: пол, возраст, образование, род занятий. Среди респондентов преобладали женщины (52,7 %) от числа опрошенных. Распределение по возрасту: 45–59 лет – 27,6 %; 25–34 года – 22,1 %; 35–44 года – 19,5 %; 18–24 года – 15,1 %; 60–69 лет – 7,3 %; старше 70 лет – 6,8 %. Среди респондентов

преобладали специалисты, имеющие среднее специальное – 28,3 %; высшее профессиональное – 27,9 %; общее среднее – 16,0 %; неполное высшее – 10,8 %.

По роду занятий: рабочий сферы услуг – 12,9 %; пенсионер – 15,3 %; специалист, служащий бюджетной сферы – 15,1 %; специалист, служащий коммерческой сферы – 11,3 %; безработный – 9,1 % и др.

Интегральным индикатором всех процессов, происходящих в современном социуме, является качество жизни. Качество жизни – это оценка личностью уровня реализации своих потребностей, удовлетворённость (неудовлетворённость) своей социальной и индивидуальной субъектностью, детерминированной жизненной стратегией индивида и социальной политикой государства. Качество жизни является сложной комплексной характеристикой, включающей совокупность показателей, которые, в свою очередь, характеризуют возможность человека трудиться в хороших условиях, иметь достойный уровень благосостояния, учиться, получать высококачественное медицинское обслуживание, проживать в комфортных жилищных условиях, дышать чистым воздухом и пить чистую воду, иметь возможность доступа к культурным ценностям, осуществлять жизнедеятельность в условиях безопасности и др. [9–12].

В современной научной литературе, в зависимости от степени удовлетворения потребностей, выделяют четыре уровня жизни: достаток (пользование благами, обеспечивающими всестороннее развитие человека); нормальный уровень (рациональное потребление по научно обоснованным нормам, обеспечивающее человеку восстановление его физических и интеллектуальных сил); бедность (потребление благ на уровне сохранения работоспособности как нижней границы воспроизводства рабочей силы); нищета (минимально допустимый по биологическим критериям набор благ и услуг, потребление которых лишь позволяет поддерживать жизнеспособность человека) [4].

В зависимости от уровня жизни в социальной структуре Забайкальского края можно выделить ряд кластеров. Наибо-

лее значительным кластером является группа респондентов, оценивающих свое качество жизни как среднее (64,2 %). Следующий по численности кластер – это люди, живущие бедно. Представители этого кластера особо нуждаются в финансах. Респонденты, оценившие свой уровень жизни как бедный, при котором денег на скромное питание ещё хватает, а на приобретение одежды и других вещей, а также на оплату коммунальных услуг – нет, составили 19,6 %. Респонденты, которые дали оценку своему качеству жизни как обеспеченному, зажиточному, образуют третий кластер в социальной структуре края (8,3 %). Социальная группа, давшая оценку своему материальному благополучию, как очень бедному (когда денег не хватает даже на еду), образует ещё один кластер в социальной структуре (4,9 %). Самый малочисленный кластер – люди, имеющий элитарный уровень жизни (1,7 %).

Респонденты, составившие кластер «бедные и очень бедные», обеспечивают свою жизнедеятельность на уровне прожиточного минимума. Прожиточный минимум – это показатель состава и структуры потребления, материальных благ и услуг на минимально допустимом уровне, обеспечивающем условия поддержки активного физического состояния взрослых, социального и физического развития детей и подростков [4].

Таким образом, субъективная оценка уровня жизни забайкальцев свидетельствует о том, что доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже прожиточного минимума (живущего бедно и очень бедно), составляет 24,5 %.

Сравнение с данными опросов 2012–2014 гг., проведённых лабораторией «Социология качества жизни» в Забайкальском крае, показывает, что в эти годы наблюдался небольшой рост «среднеобеспеченного» слоя населения: 61,3 % – в 2012 г., 66,2 % – в 2013 г., 66,8 % – в 2014 г. В 2015 г. произошло снижение его численности до 64,2 %. В Забайкальском крае увеличилось количество людей, живущих обеспеченно (6,3 % – в 2014 г., 8,3 % – в 2015 г.). Изменилась численность людей с высокими доходами, денежные накопления которых постоянно прирастают: 0,5 % – в 2013 г.; 0,4 % – в 2014 г.; 1,7 % – в 2015 г. Количество респондентов, живущих бедно, осталось

на прежнем уровне (19,6 % – 2014 г., 19,6 % – 2015 г.). В то же время произошло увеличение доли респондентов, живущих очень бедно (3,8 % – 2014 г., 4,9 % – 2015 г.).

По результатам социологического исследования нельзя дать однозначную оценку уровню жизни забайкальцев. С одной стороны, идёт процесс сокращения доли респондентов, имеющих средний уровень жизни и увеличение лиц, имеющих нищенский уровень жизни. С другой стороны, наблюдается рост респондентов, живущих обеспеченно и очень хорошо.

В настоящее время всё большую популярность получают результаты социологических исследований, оценивающих удовлетворенность населения различными сферами жизнедеятельности [3]. В современной научной литературе существует множество подходов к определению понятия «удовлетворённость». В частности, К. В. Харченко трактует удовлетворённость как обобщающую социологическую категорию, позволяющую характеризовать поведение людей как жителей определённой территории: соседского сообщества, муниципального образования и т. п. [7]. В. Н. Мясичев определяет удовлетворённость как «систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами окружающей действительности» [5].

Мы считаем, что удовлетворённость есть специфическая форма асимметрии между желаемым и реальностью. Удовлетворённость – это соответствие ожиданиям потребителя услуг и реального опыта их потребления. Если это соответствие существует, то есть все основания говорить о том, что потребитель удовлетворён предоставляемой услугой. Удовлетворённость является одним из наиболее сложных показателей, так как связана со специфическими особенностями восприятия личности. Удовлетворённость населения можно рассматривать как основу оценки деятельности органов местного самоуправления.

В данном социологическом исследовании даётся оценка качества жизни как удовлетворённости деятельностью органов местного самоуправления городского округа или муни-

ципального района по оказанию услуг в различных отраслях жизнеобеспечения (электро-, тепло-, газо-, водоснабжение, транспортные услуги и т. д.).

Социальное развитие муниципальных образований во многом определяется не только наличием природных ресурсов, территориальными особенностями, экономической ситуацией, но и благоприятным социальным пространством, высоким уровнем предоставления услуг в различных сферах жизнедеятельности, существующим качеством жизни и состоянием социальной безопасности.

Важнейшим элементом социальной инфраструктуры городов и районов является организация транспортного обслуживания. Транспорт – одна из отраслей жизнеобеспечения территориального образования. Состояние транспортного обслуживания оказывает влияние на социально-экономическое развитие территории, её демографическую, интеллектуальную составляющие, привлечение трудовых ресурсов, качество жизни населения, комфортность проживания. Поэтому создание условий для организации транспортного обслуживания населения становится одной из приоритетных задач деятельности органов местного самоуправления.

Согласно полученным результатам, большая часть респондентов – 46,5 % – полностью или частично удовлетворена организацией транспортного обслуживания. Доля респондентов, которые скорее не удовлетворены или полностью не удовлетворены организацией транспортного обслуживания, составляет 44,0 %. Кроме того, следует обратить внимание на 8,7 % респондентов, которые, либо затруднились с ответом, либо не дали его вообще. Скорее всего, это те категории населения, которые не пользуются транспортом или пользуются им очень редко. По сравнению с 2012–2014 гг., в Забайкальском крае произошли изменения в удовлетворённости населения деятельностью местных органов власти в сфере транспортного обслуживания.

В современных условиях автомобильный транспорт является одним из наиболее массовых видов, особенно в таких регионах, как Забайкальский край. Автомобильный транс-

порт обеспечивает жизнеспособность муниципальных образований. Организация автомобильного транспорта, в первую очередь, предполагает создание дорог, которые обеспечивают непрерывность, оптимальную скорость, удобство и безопасность дорожного движения; высокий уровень дорожного сервиса; соответствие эстетическим и экологическим требованиям. Согласно данным американского института общественного мнения, в мире около 38 % водителей негативно оценивают качество дорог. В соответствии с данными Центра стратегических исследований компании «Росгосстрах» удовлетворённость жителей крупных и средних российских городов качеством дорог и инфраструктуры дорожного хозяйства выглядит следующим образом: в среднем по России состоянием дорог в 2012 году были удовлетворены 41 % автомобилистов, что всего на один процент больше, чем в 2011 году. В рамках данного исследования было опрошено 11 тысяч респондентов из 36 крупнейших городов РФ.

75,1 % респондентов в Забайкальском крае отмечают неудовлетворённость качеством автомобильных дорог. Процент респондентов, удовлетворённых качеством данной отрасли жизнеобеспечения, составляет всего лишь 20,3 %, что значительно ниже российского показателя. По сравнению с 2014 г. особых изменений в оценке этой сферы деятельности не произошло. По-прежнему большой процент респондентов, неудовлетворённых качеством автомобильных дорог. В 2014 г. он составлял 75,4 %. Процент респондентов, удовлетворённых качеством автомобильных дорог, в 2014 г. составлял 18,7 %, что также значительно ниже российского показателя.

В процессе исследования была выявлена удовлетворённость деятельностью по организации водоснабжения (водоотведения) в муниципальном районе (городском округе). Большая часть респондентов полностью (19,7 %) и скорее удовлетворены (36,2 %) деятельностью органов местного самоуправления городского округа или муниципального района в сфере организации водоснабжения (водоотведения).

Одним из индикаторов удовлетворённости деятельностью органов местного самоуправления городского округа

или муниципального района в сфере предоставления услуг является оценка организации электроснабжения на территории муниципалитета.

Как показали результаты исследования, 71,7 % респондентов удовлетворены организацией электроснабжения в Забайкальском крае и лишь 19,9 % – так или иначе не удовлетворены организацией предоставления данной услуги в муниципальном районе (городском округе).

В современных условиях в числе приоритетных государственных мер по повышению качества жизни населения особое место занимает газификация жилья и содействие развитию услуг, связанных с использованием газа населением. Услуги газоснабжения – это сфера профессиональной деятельности по обеспечению потребителей газом. Степень газификации жилья, как в городах, так и в сельской местности является одним из основных показателей уровня жизни населения. Поэтому качественное оказание услуг по газообеспечению населения является одним из важнейших индикаторов деятельности органов местного самоуправления городского округа или муниципального района. 12,6 % полностью удовлетворены; скорее удовлетворены – 19,1 %; скорее не удовлетворены – 11,6 %; полностью не удовлетворены – 14,3 %; затруднились с ответом – 33,6 %; не дали ответа 11,1 % респондентов. При оценке данного вида услуги отмечается достаточно большой процент респондентов, затруднившихся с ответом на вопрос или не ответивших на него. Скорее всего, полученные результаты обусловлены тем, что данные респонденты не пользуются этим видом услуги.

Важным становится определение индекса удовлетворённости граждан качеством предоставляемых услуг в отдельных отраслях жизнеобеспечения. Этот индекс рассчитывается по следующей формуле:

$$ИУ = \text{Пу} \times 100 \% / \text{Кр},$$

где ИУ – индекс удовлетворённости; Пу – потребители услуг, полностью и скорее удовлетворённые качеством оказанных услуг; Кр – количество респондентов, принявших участие в опросе.

В зависимости от индекса удовлетворённости качеством оказания услуг в отдельных отраслях жизнеобеспечения, были выделены несколько уровней их ранжирования: высокий уровень удовлетворённости (1–0,8); средний уровень удовлетворённости (0,7–0,5); низкий уровень удовлетворённости (0,4–0).

В рейтинге удовлетворённости населения оказанием услуг в отдельных отраслях жизнеобеспечения первое место занимает организация электроснабжения. Относительно благополучно ситуация складывается с организацией водо- и теплоснабжения. Качество автомобильных дорог, исходя из уровня удовлетворённости, находится на низком уровне.

Перед органами местного самоуправления поставлена задача – создать нормальные условия жизни людей, обеспечить достойное качество жизни. Её решение возможно за счёт предоставления качественных услуг в различных сферах деятельности, которые определяются полномочиями по предметам ведения местного самоуправления.

Таким образом, оценка качества жизни в исследовании была осуществлена на основе мнений респондентов о предоставлении муниципальных услуг местными органами власти в различных сферах жизнедеятельности. Качество жизни и социальная безопасность неразрывно связаны, поскольку обеспечение социальной безопасности возможно только в том социальном пространстве, где созданы условия для достижения достойного качества жизни, интеллектуального развития личности. Уровень качества жизни детерминирует состояние социальной безопасности. Выделенным уровням качества жизни соответствует определённая зона социальной безопасности. В частности, такому уровню качества жизни, как достаток будет соответствовать зона социального благополучия; нормальному уровню качества жизни – зона социального риска; бедности – зона социальной угрозы; нищете – зона социальной деградации.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Наука, 2000. 384 с.
2. Ковалёв В. Н. Социология управления социальной сферой. М.: Акад. Проект, 2003. 240 с.
3. Леонтьев Г. К. Местное самоуправление как реальный механизм улучшения качества жизни населения России. Иркутск: Изд-во ИУГУ, 2000. 126 с.
4. Лига М. Б., Щеткина И. А. Методология и методика оценки качества жизни. Чита: ЗаБГГПУ, 2011. 137 с.
5. Мясищев В. Н. Психология отношений. М.: Ин-т практ. психологии, Воронеж: Модэк, 1995. 356 с.
6. Сухов А. Н. Социальная психология безопасности. М.: Академия, 2002. 256 с.
7. Харченко К. В. Удовлетворённость: методология и опыт муниципальных исследований. М.: Альперия, 2011. 260 с.
8. Чмыхало А. Ю. Социальная безопасность. Томск: Изд-во ТПУ, 2007. 168 с.
9. Agenda An of Science for Environment and Development into the 21st Century. JCSU. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 225 p.
10. Allardt E. Having, Loving, Being: An Alternative to the Swedish Model of Welfare Research // The Quality of Life. M. C. Nussbaum and A. Sen (eds.). 2002. Pp. 94–99.
11. Aron R. Progress and Disillusion. Hammonds worth: Penguin Books Ltd, 1972. 140 p.
12. Beck U. Die Erfindung des Politischen. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1993. 210 p.
13. Becker G. S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70, No. 5. Part 2. Pp. 9–49.
14. Shultz T. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. New York, 1968. 210 p.

Источники

15. Распоряжение Правительства РФ от 10.06.2011 г. № 1021-р «Об утверждении Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 годы и Плана мероприятий по реализации указанной Концепции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 26. Ст. 3826.

УДК 316.77; 316.613.4

Оксана Александровна Полюшкевич,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления,
Институт социальных наук
Иркутского государственного университета,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: okwook@mail.ru

Общественное недовольство в социальных и естественных рамках

В статье раскрываются особенности конструирования общественного недовольства, выявляются базовые (естественные) и сконструированные (социальные) условия развития данного явления. Показываются основные формы производства и воспроизводства общественного недовольства в современном российском обществе.

Ключевые слова: социальная эмпатия, социальная солидарность, общественное недовольство

Oksana A. Polyushkevich,
Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Public Administration,
Institute of Social Sciences
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia,
e-mail: okwook@mail.ru

Public Discontent in Social and Natural Contexts

The article reveals the features of designing public discontent, reveals the basic (natural) and constructed (social) conditions for the development of this phenomenon. The main forms of production and reproduction of public discontent in modern Russian society are shown.

Keywords: social empathy, social solidarity, public discontent

Недовольство – это долгосрочная эмоция, отражающая негативные формы взаимодействия, возникающие между двумя и более людьми, группами и целыми институтами. Недовольство может возникать в результате недопонимания или

принципиального противоборства; а также может быть формой целенаправленной политики, конструированием через СМИ, Интернет и социальное взаимодействие в целом негативных, агрессивных и иных образов против человека или группы людей.

Недовольство может быть сиюминутной реакцией на какие-то негативные формы взаимодействия. Чем чаще находит подтверждение краткосрочное недовольство, выраженное в адрес какой-либо группы или человека, тем больше вероятности, что оно перерастёт в длительную эмоцию недовольства, передаваемую другим членам своей группы, членам своей семьи. Например, негативные эмоции участников второй мировой войны вылились в негативное отношение ко всем немцам в нескольких последующих поколениях, не бывших ни участниками, ни свидетелями этой войны. Или же негативное восприятие представителей ислама формируется благодаря деятельности исламских террористических группировок.

Эмоции, позитивные и негативные, являются частью социального взаимодействия (Р. Коллинз) [7]. Они входят в ритуалы социального взаимодействия. Они определяют общий настрой социального взаимодействия; включаясь в сам процесс взаимодействия, они определяют его характер, форму, динамику, качество, массовость и прочее; в конце взаимодействия они выступают маркером эмоциональной энергии (непосредственное взаимодействие закончилось, а эмоции ещё длительное время могут определять мысли, поступки и действия участников).

Недовольство возникает в результате нарушения ожиданий членов одной группы. Оно становится длительным, когда заведомо ожидаются негативные формы и особенности взаимодействия в будущем.

Рассмотрим более подробно, в чём выражается общественное недовольство сегодня. Для этого проанализируем результаты анкетного опроса, проведенного в Иркутской области в 2017 году (всего опрошено 1200 человек, 60 % женщин и 40 % мужчин, в возрасте от 18 до 75 лет). В процессе интерпретации результатов применим характеристики транс-символического анализа.

Итак, общественное недовольство россиян вызвано внешними и внутренними факторами. К первым относятся экономические санкции (33 %), военные операции (26 %) и запрет участия спортсменов в олимпиаде (21 %)¹. Ко вторым – сложности трудоустройства по специальности (32 %), большие процентные ставки по кредитам (25 %) и общая неуверенность в своём будущем (24 %). Транс-символический анализ внешних и внутренних форм общественного недовольства представлен в таблице 1.

Таблица 1

Транс-символический анализ внешних и внутренних форм общественного недовольства (в %)

Факторы	Символы		
	<i>когнитивные</i>	<i>аффективные</i>	<i>деятельностные</i>
Экономические санкции	Ограничение (56) Запрет (55)	Сильные (53) Жёсткие (50)	Убивают (67) Уменьшают (61)
Военные операции	Смерть (55) Сила (54)	Мощные (54) Эффектные (52)	Угрожают (53) Пугают (51)
Запрет участия спортсменов в олимпиаде	Провокация (60) Клевета (54)	Ложные (53) Неправильные (50)	Ограничивают (48) Унижают (47)
Сложности трудоустройства	Ограничение (58) Бесперспективность (55)	Страшные (60) Неожиданные (56)	Угнетают (54) Разочаровывают (52)
Большие процентные ставки по кредитам	Бедность (59) Издательство (57)	Печалят (58) Губят (52)	Унижает (54) Развенчивает (53)
Общая неуверенность в своём будущем	Пессимизм (54) Депрессия (51)	Уничижительная (59) Губительная (53)	Разочаровывает (57) Разрушает (51)

Как видно из таблицы, общественное недовольство маркируется негативными, пессимистичными и шаблонными словами, способными регулировать социальное настроение целых социальных групп.

¹ На момент исследования спортсмены только готовились к олимпиаде.

На прямой вопрос о том, есть ли какие-то группы населения, которые вызывают у вас общественное недовольство, мы получили весьма показательные ответы: недовольны мигрантами (28 %), недовольны бедными и больными людьми (24 %), недовольны богатыми людьми (25 %), недовольны молодёжью (15 %), недовольны людьми старшего возраста (14 %). Транс-символический анализ различных социальных групп, вызывающих общественное недовольство представлен в таблице 2.

Таблица 2

Транс-символический анализ групп населения, которые вызывают общественное недовольство (в %)

<i>Группы недовольства</i>	<i>Символы</i>		
	<i>когнитивные</i>	<i>аффективные</i>	<i>деятельностные</i>
Мигранты	Бедность (57) Жалость (54)	Грязные (58) Ущемляемые (56)	Забирают (56) Ограничивают (55)
Бедные	Слабость (55) Безвольность (52)	Нищие (55) Несчастные (54)	Унижаются (57) Подчиняются (52)
Богатые	Воля (57) Жестокость (52)	Сильные (55) Нечестные (53)	Наслаждаются (54) Забирают (51)
Молодые	Сила (55) Наглость (51)	Хитрые (57) Безответственные (54)	Развлекаются (59) Расслабляются (57)
Старые	Слабость (59) Ограниченность (56)	Жалкие (58) Немошные (52)	Ворчат (53) Обижаются (53)

Общественное недовольство разных групп населения вызвано разными мотивами и формами, это наглядно иллюстрируют данные таблицы 2. Но общий результат один – ситуация социальной напряжённости и социальной аномии негативно влияет на все слои и группы населения.

О чем говорят эти цифры и данные из таблиц?

О том, что практически половина россиян недовольна бедными или богатыми людьми. Противоречия экономических притязаний и реальных возможностей большинства жителей области отражены в работах В. А. Скуденкова [5; 6]. С учётом того, что социальное расслоение будет увеличиваться, разрыв между бедными и богатыми расти, то и общественное недовольство будет увеличиваться. Это приведёт либо к закрытым кастовым порядкам, либо к бунтам.

Треть населения недовольна либо молодёжью, либо представителями старшего поколения. Впрочем, конфликт отцов и детей – достаточно давнее явление. Но в современном мире, он приобретает новые формы и особенности реализации через новые формы брака и семьи, где нет взаимодействия со старшими членами семьи, где может не быть детей (чайлд-фри) и так далее [3; 4]. Данное явление приводит к социальной отчуждённости, росту депрессий и чувства одиночества среди представителей всех поколений. В будущем данные тенденции также будут увеличиваться, что приведёт к моральной стагнации и нигилизму в общественном сознании.

Ещё одна треть недовольна мигрантами – это общий фон общественного недовольства, который может стать основой социальных беспорядков и революций или же мигрантофобией и национализмом. Данные перспективы и особенности развития изучены в работах А. В. Завьялова [1; 2]. Мигранты – это явный образ «Другого», «Чужого», «Не похожего», то есть всегда враждебного и недостойного. Практики всеобщего исключения и стигматизации уже достаточно очевидны, а в будущем будут иметь ещё более весомые формы. В глобализованном обществе эти формы взаимодействия приобретут ещё более масштабные формы, тем самым провоцируя рост общественного недовольства в любой точке страны.

Каждая из рассмотренных сфер общественного недовольства подкрепляется в СМИ и сети Интернет событиями, явлениями и процессами, подтверждающими её актуальность и «правильность», так как в процессе обыденного, повседневного развития находит своё подтверждение. Чем больше подобной информации в общественном сознании будет кон-

струироваться и постоянно подкрепляться, тем более сильной длительной негативной формой общественного недовольства будет прирастать пространство страны или отдельного региона.

Общественное недовольство – это «пожарная кнопка» всего общества. Но будет ли она постоянно включена или будет сигнализировать лишь о разовых мероприятиях, во многом зависит от органов власти, политического курса, идеологической работы и социальных ориентиров общественного развития, распространяемых в социуме.

Список литературы

1. Завьялов А. В. Мигрантофобия и гуманизм в миграционной политике // Социодинамика. 2016. № 9. С. 52–66.
2. Завьялов А. В. Социальная адаптация мигрантов в контексте современной миграционной политики России // Научное мнение. 2016. № 13. С. 50–58.
3. Полношкевич О. А. Солидарность поколений. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 180 с.
4. Полношкевич О. А. Социальная удовлетворенность поколений // Россия в системе современной социальной реальности: материалы выступлений участников V Всерос. социол. конгресса / отв. ред. и сост. Д. К. Танатова, Т. Н. Юдина. М.: РГСУ, 2016. С. 546–548.
5. Скуденков В. А. Динамика экономических притязаний жителей Иркутской области // Социокультурная динамика Иркутской области в 20–21 вв.: Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Иркутской области. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. С. 185–193.
6. Скуденков В. А. Экономические притязания городских жителей Иркутской области // Урбанистика. 2017. № 3. С. 93–105.
7. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton: Princeton University Press, 2004. 464 p.

Цзян Хун,

*Шаньдунский университет науки и технологий,
г. Яньтай, Китай,
e-mail: jianghong3366@163.com*

Инь Хунлей,

*Шаньдунский университет науки и технологий,
г. Яньтай, Китай,
e-mail: jianghong3366@163.com*

Пути образования информационной грамотности в университетской библиотеке

Образование в области информационной грамотности является вопросом национального потенциала в устойчивом развитии в информационном обществе, а также важной концепцией в силе конкуренции. Университетские библиотеки используются в качестве платформы для развития образования в области информационной грамотности, чтобы соответствовать развитию эпохи.

Ключевые слова: *Китай, информация, грамотность, университет, библиотека*

Jiang Hong,

*Shandong Technology and Business University,
Yantai, China,
e-mail: jianghong3366@163.com*

Yin Honglei,

*Shandong Technology and Business University,
Yantai, China,
e-mail: jianghong3366@163.com*

The Ways of Information Literacy Education in University Library

The information literacy education is a matter of national sustainable development ability in the information society and an important concept of comprehensive competition strength. University libraries are used as platform for the development of information literacy education, in order to meet the development of era. They should actively explore ways to carry out information literacy education.

Keywords: *universities; the library; information literacy; education; way*

Information literacy is a concept which is proposed by the American library information institute (NCLIS) of the national committee for the first time in 1974, with the advancement of theoretical research and practical exploration, so far, has formed a comparative complete theory system and education plan. As a matter of fact, in the 1990s, the library community of the United States established the library's position in the formal education and life long education by carrying out the education movement of readers' information literacy. Our country started late to carry out this work, until 1985, when China's state education commission formally issued documents, made "the literature retrieval course" as an independent course in colleges and universities, therefore, it is an important symbol of Chinese information literacy education. At present, around the world, including China, the development of information technology promotion and application of high speed development, in this situation, the university library should set out from reality, pay attention to inspire students' potential and wisdom through education and training to them, popularize knowledge and information retrieval methods, emphasis on cultivating students' basic skills of using library, and actively create conditions to strive to improve college students' information consciousness, information ability and information concepts, so that it is efficient, convenient, quick to obtain and use information, which could become a reality.

In the 21st century, college students will mainly access information and knowledge through modern facilities such as computers and information networks. Therefore, college libraries must provide better hardware support and a good external environment for the cultivation of college students' information ability.

First of all, the leaders of colleges and universities must raise their awareness of the necessity of information literacy education, and give certain guidance and support to the policy. On the one hand, the information literacy education curriculum is included in the basic education course of the school, so as to establish its prominent position. On the other hand, we should strengthen the investment in this field, and focus on building the foundation of the

work of education. Such as should the library network information center should be given the necessary guarantee of funds, purchase enough books and various forms of retrieval tool, configure the necessary computer equipment and other facilities, to ensure the normal conduct of information literacy education activities.

Secondly, as a university library, it is necessary to make the university aware of the importance and possibility of carrying out literacy education, so as to enhance people's sense of identity in this transaction, so as to accelerate the implementation process of this work. On the one hand can be convenient and efficient information processing, in active service in school teaching work, in order to win the leaders and teachers to carry out information literacy education, and enlarge the influence of the library; On the other hand, so can not only improve the ability of college students' access to information and process information through the establishment of electronic reading room, multimedia classroom information center and special literature retrieval course of operation, but develop a broader market for the development of the information literacy education.

Training the backbone of information technology services and improving the quality of management personnel. First, we should strengthen our professional knowledge and skills training for librarians. Because the development of modern information literacy of librarians team is the basic condition and important prerequisite to carry out the work of users' information quality education, this requires that the university library staff should not only have good professional ethics, should also have strong ability of information processing and application, so improve the professional ability of librarian is particularly important. Therefore, it is necessary to strengthen the professional knowledge and skills training for librarians. At the same time, the university library should establish the admittance system of talents, so as to improve the starting standard of the quality of employees. At the end of 2015 at the national level, the ministry of education issued "regulations of common colleges and universities library" of the professional librarians in degree from previous "college" for now "generally should have graduate student degree or above level

or senior professional technical position, and the library science professional education or training system”, clear requirements “colleges and universities library professional librarians training should be incorporated into the school personnel training plan” [1], that points out the specific requirements of librarian’s quality. That is to say, on the one hand, the university library should work from practice, through various channels to introduce high-level talent, on the other hand also to step up efforts on employed staff to carry on the job training, basic knowledge and skills training is the focus of the library network, network information retrieval and utilization, information analysis and use, etc., This not only conforms to requirements for the quality of university library in modern society, but also to continuously meet the demand of guidance to improve the quality of university students for information to create basic prerequisite.

Second, we should focus on the training of college students. With the rapid development of network, as in all kinds of new facilities, new tools, use the skill and basic theoretical knowledge and practical application of changing, in this case, to make students quickly, so as to use the degree of master must be targeted to intensify the training of the college students’ backbone, let the library focus on the training of specialized experts and Professors, in order to receive rapid expansion, thus make university students on library’s actual ability to use modern technology has a substantial increase.

Strengthen the professional information literacy of embedded discipline education. Discipline is not only an academic category but also a historical category. It is not only the product of the development of productivity, but also the result of the development of science and technology, the most basic and most dynamic cell of science and technology. The degree of discipline construction reflects the degree of science and technology development and the level of teaching development [2]. Therefore, in the information literacy education, we must follow the development rules of information literacy education, and actively strengthen the discipline construction of information literacy education.

First of all, we should realize the integration of information literacy education and subject professional courses. Higher

education is the education mode based on the subject, the teacher controls the curriculum, colleges and universities in determining the course system, education target and librarians status from time to time a lot of autonomy, flexibility, however, many colleges and universities do not really aware of the importance of information literacy education discipline construction, but just put it in isolation as an important part of library construction. University library should combine the school discipline specialized training goal and curriculum arrangement, scientific planning of the discipline of information literacy education curriculum, the reform of the teaching goal, teaching content and teaching method of disciplines, and make information literacy education combined with subject professional knowledge, professional knowledge teaching in the penetration of information literacy education, and meet the information needs of students, stimulate students to learn the use of information resources consciously and the ability of professional knowledge, to realize information resources, information technology and curriculum integration of academic disciplines.

Secondly, we should constantly improve the level of information literacy of subject librarians. In the university library, subject librarian is an information service expert with professional qualifications. Subject librarians should not only master computer operation skills, able to skillfully use professional tool software, has a higher level of foreign language, a reference information, retrieving, screening, analysis, using and prediction ability, at the same time they should also change education idea as soon as possible, improve the professional knowledge and ability, the innovation service. Therefore, subject librarian of university library in the routine business, on the basis of knowledge and ability training, to be in a planned way, targeted professional qualification training of information literacy and disciplines, so as to improve the knowledge structure of the subject librarian and service ability, establish subject librarian as a higher information literacy, this is the university library information service and key information literacy education.

Finally, we should vigorously carry out the embedded discipline professional information literacy education. In the rapid

development of modern science and technology environment, embedded information literacy education is corresponding to the different demand of professional readers and researchers and teachers of disciplines and the library subject librarian work together. First, the subject librarian provides comprehensive information resource embedding service for the teaching and scientific research of the subject [3]. According to the teaching outline, the use of modern information technology as teaching means, to foster information literacy as the core, in the course of lecture and practice embedded content of information literacy education, the subject librarians to participate in the professional teaching, to provide professional information resources, the book, journal, thesis patent database, such as encouraging students to access, analyze, and use of information resources related to the teaching content and evaluation, according to the characteristics of disciplines to carry out the hierarchical research, guiding students' inquiry learning, let the students actively participate in teaching, and promote information literacy through practice, provide online discussion and guidance, build open learning environment, students are encouraged to monitor and track the prospect and trend of discipline development, so as to cultivate the students' problem solving ability, research ability, information utilization ability and spirit of solidarity and collaboration. Second, the library of colleges and universities invite experts and scholars to do academic report for each course or students lecture or discussion, through this form of learning, let the students widen horizons, enrich their knowledge, stimulate the learning potential, to learn professional knowledge and research to generate new ideas, and learn through independent research to generate new ideas, find a new method, is to develop a higher information literacy is an effective means of innovative talents. Third, by subject librarian in accordance with the professional discipline characteristic to update and integration of information resources in the library websites of professional service platform, provide information service for scientific research activities of academic disciplines, for students to learn professional courses to provide common professional dissertation, science and technology novelty search database, the

book, such as help, and on the platform for discipline professional scientific research personnel, teachers and students to provide real-time information consulting services, and academic exchange and the discussion of professional scientific research personnel to provide information support and resources.

Information literacy education is the guarantee of information literacy education. The information literacy education of university library should be based on purifying network environment and regulating network behavior. Through regular organization propaganda and training about information security education, deepen and expand the network moral education, guides the student to correct selection and use of information resources, strengthen the student's ability to identify information content, the field of information technology education and education in the equally important position, while imparting professional knowledge, pay attention to the education of information ethics quality, causes the student in the face of multifarious information on the network has higher information immunity ability.

In short, in the era of network, university library should play a leading role in information literacy education in basic service work under the premise of strengthening the information service of academic disciplines and strive to improve and innovative information service ability and service level, which is the key of the information literacy education of university library to play a leading role.

References

1. Chunyan Huang. The evolution of university Library information literacy education in the new technology environment // Issue of Library World. 2016. No. 6. 33 p.
2. Guishi Jiang. Discussion on several issues in the discipline construction of colleges and universities // Journal of Inner Mongolia university of nationalities (social science edition). 2002. Vol. 3. Pp. 5–6.
3. Guiqing Liu. University library information literacy, education, deepening and expansion // China management informatization. 2017. Vol. 20, No. 1. Pp. 188–189.

**ЕСТЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ
В ЭТНИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ**

NATURAL AND SOCIAL IN ETHNIC PROBLEMS

УДК 323.15

*Дарья Александровна Ананьина,
ассистент кафедры философии,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
email: ananina_1989@mail.ru*

**К проблеме определения этнокультурной идентичности
уйгуров в условиях межэтнического конфликта
в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР**

В статье рассматривается значение феномена этнокультурной идентичности в возникновении и эскалации межэтнического конфликта на примере конкретного региона КНР – Синьцзян-Уйгурского автономного района (далее СУАР). Феномен идентичности, в этой связи, представляет собой фундаментальную потребность человека, без него личность утрачивает своё «социальное лицо», становясь лишь представителем биологического вида. Следовательно, необходимость поддержания личностью своей позитивной идентичности продиктована естественными психофизиологическими процессами, нарушение нормальной работы которых приводит к дезориентации человека в социальной среде.

***Ключевые слова:** межэтнический конфликт, этническая идентичность, ханьский этнос, уйгурский этнос*

Darya A. Ananyina,
*Assistant of the Sociology Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
email: ananina_1989@mail.ru*

To the Problem of Defining the Ethnic and Cultural Identity of Uighurs in the Context of Interethnic Conflict in Xinjiang-Uygur Autonomous Region of China

The article considers the importance of the phenomenon of ethnocultural identity in emergence and escalation of interethnic conflict on the example of the concrete region of China – Xinjiang-Uigur Autonomous Region (hereinafter referred to as XUAR). The identity phenomenon, in this regard, is a fundamental human need, without which a person loses his “social face”, becoming only a representative of the biological species. Consequently, the need to maintain the personality of his positive identity is dictated by natural psychophysiological processes, violation of their normal work leads to a disorientation of the person in a social environment.

Keywords: *interethnic conflict, ethnic identity, Han ethnicity, Uyghur ethnos*

Актуальность проблемы определения особенностей этнокультурной идентичности такого этноса, как уйгуры, обусловлена, прежде всего, существованием давнего межэтнического конфликта в СУАР КНР между собственно уйгурами и титульным этносом хань. Межэтнические противоречия осложнены усилением сепаратистских настроений, приверженностью религиозному радикализму местного населения.

Исторические предпосылки возникновения данного конфликта следует искать в присоединении династией Цин территории современного Синьцзяна и населяющего его народа к китайской империи в XVII в. Именно с этого момента начинается история противостояния уйгурского народа Китайской империи, продолжившаяся после свержения монархии и провозглашения власти КПК. Необходимо отметить также, что на формирование протестного ресурса уйгуров повлиял не только и не столько сам факт утраты независимости своей территории, сколько те методы, с помощью которых про-

исходило присоединение. Захват территорий Синьцзяна сопровождался исключительным насилием и жестокостью. Это обстоятельство изначально определило нараставшее противостояние коренного населения региона и колониальных властей. Экономическая эксплуатация, пренебрежение к обычаям и традициям проживавших здесь народов, конфессиональная нетерпимость, унижения и поборы породили у большей части населения Синьцзяна стойкое неприятие нового порядка и явились базой для периодически возникавших здесь повстанческих движений [4, с. 17]. Таким образом, политика силы вкупе с насаждаемой сверху китаеццентристской идеологией не способствовала ассимиляции местного этнического населения, так как «достаточно развитое этническое самосознание постоянно их отвергало при первом же изменении политической ситуации в стране, порождая тем самым проблему сепаратизма...» [6, с. 35].

На сегодняшний день меры, предпринимаемые китайским правительством по стабилизации ситуации в автономии, способствуют увеличению положительных тенденций, связанных с повышением благосостояния местного этнического населения. Однако, стоит отметить, что уйгурское общество является традиционным по своему типу, с традиционными консервативными ценностями. При этом по степени иерархии на первый план выходят именно культурно-нравственные, религиозные ориентиры, принадлежность к своему этносу; материальным ценностям в этой системе отводится незначительная роль. В этой связи, потеря этносом своей идентичности может означать не что иное, как «духовную смерть», поэтому её реализация имеет столь важное значение в жизни уйгуров. Конструктивное выражение этнокультурной идентичности в виде поддержания этнических традиций, обычаев, фольклора – всего того богатства, что было накоплено этносом или нацией за всю историю своего существования, даёт человеку нечто большее, чем формальную принадлежность к тому или иному этнонациональному сообществу. Через идентификацию в системе человек обретает свою самость, «я – есть часть этноса», что является фундаментом к дальнейшей самоиден-

тификации «я – есть часть нации» и в самом высшем проявлении «я – есть человек». Блокирование идентификации на каком-либо этапе чревато внутренним конфликтом, имеющим деструктивное, разрушительное проявление. Стремление личности к формированию положительного образа своей идентичности в этом случае провоцирует её, либо на избавление от «проблемной» принадлежности к какому-либо сообществу, либо на отстаивание права на существование своей идентичности до «победного конца». В этой связи, принципиальное значение приобретает формирование благоприятных условий к идентификации именно на базовом уровне. Под базовым уровнем идентичности личности здесь следует понимать тот набор идентичностей, который присущ человеку по факту рождения, на который, соответственно, он не в состоянии повлиять, к таковым, в том числе, следует отнести этническую идентичность. Однако этническая идентичность неразрывно связана с культурной идентичностью. Как отмечает Т. Г. Грушевицкая, любая социальная группа базируется на единой культуре, которая в данном случае понимается как образ жизни, характерный для какой-то группы. Таким образом, любую этническую культуру можно представить в виде «культурного айсберга», большая часть которого скрыта под «водой» (в подсознании). Именно там находятся ценности и нормы культуры. А на «поверхности» остаётся человеческое поведение, чаще всего принимающее форму стереотипов – автоматизированных моделей поведения, мышления и восприятия, рассматривающихся как само собой разумеющиеся, не требующие объяснения или подтверждения [2, с. 137–138].

Одной из особенностей этнокультурной идентичности уйгуров является то, что она формируется вокруг мусульманской религии, выступающей её центральным компонентом. Появление в начале X века в Синьцзяне ислама связано с политикой династии Караханидов, которая в середине IX века создала на территории Средней Азии и Синьцзяна, где проживали тюркоязычные национальности, своё государство и провозгласила ислам на этих территориях господствующей религией. В начале XIII века Синьцзян вошёл в состав улуса

Чагатая, а в 1346 году правитель улуса Туглук Тимур принял ислам, став здесь первым монгольским ханом-мусульманином. Затем последовал процесс «исламизации» Синьцзяна, зачастую насильственными методами, и к началу XVI века Турфан и Хами вошли в сферу влияния этой религии [3, с. 30]. Таким образом, ислам стал на территории Восточного Туркестана главенствующей религией. Буддизм и даосизм потеряли своё влияние, а зороастризм, манихейство и несторианство, существовавшие здесь ранее, исчезли совсем.

Также, как и в предыдущие века, на сегодняшний день ислам продолжает играть в уйгурском обществе группосозидающие функции. Мусульманская религия регламентирует поведение людей, их взаимоотношения и, по сути, определяет систему убеждений, ценностей, идеалов, регулирует различные аспекты частной и общественной жизни. Наряду с этим, ислам выполняет функцию некоего «дифференциатора», позволяющего чётко разграничить «своих» и «чужих», уйгуров и ханьцев. Намеренная сегрегация, демонстрируемая уйгурами, транслирует потенциальную невозможность сближения двух этносов именно на этнокультурном основании, стержнем которой, в конкретном случае, является исламская религия. К примеру, различие в кулинарных предпочтениях ханьцев и уйгуров гипертрофируются последними, вследствие влияния исламской религии. Данная тенденция экстраполируется на все остальные сферы жизни уйгурского общества. Так, по мнению П. С. Пшенцова, существует несколько групп культурных отличий, на которые местное население СУАР обращает особое внимание как на средство разделения уйгурского и ханьского этносов. Первая группа – это символические отличия. К ней относятся язык общения и различия во времени между Синьцзяном и Пекином. Хотя официальным языком является китайский, уйгуры отдают большее предпочтение уйгурскому языку. Китайский используется только при общении с ханьцами. Между собой уйгуры говорят только по-уйгурски. То же самое относится и ко времени. Официальное пекинское время отличается от синьцзянского на 2 часа. Между тем, уйгуры, в основном, используют своё синьцзянское время, что

создаёт большие неудобства в СУАР. Это является ещё одним свидетельством сознательного противопоставления местной и ханьской культур [5, с. 78].

Подобное противопоставление оправдывается желанием сохранения уйгурами своей этнокультурной идентичности. Однако, как представляется, невозможность реализации этнической идентичности этнофоров провоцирует их неизбежное «застревание» на этнокультурном уровне иерархии идентичности личности, что, на примере СУАР, имеет фактическое воплощение в деструктивной деятельности, а именно в приверженности местного уйгурского населения исламскому радикализму, сепаратизму и экстремизму.

Причины стагнации этнофора на этнокультурном уровне следует разделить на две группы: объективные и субъективные. Объективные причины, как правило, вызваны недовольством социально-экономическим положением меньшинств, их политическим статусом, территориальными претензиями, трагическими историческими событиями, запечатлёнными в памяти этноса в виде «культурных травм», которые, как полагает Джеффри Александер, имеют место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность [1, с. 6]. Устранение объективных причин связано с повышением политического, экономического и социального статусов этнических групп. Эти меры способны если не снять полностью, то разрядить конфликт, создать почву для диалога.

Субъективные причины, на наш взгляд, наиболее трудноустраняемы, т. к. они, транслируя полярное различие, противопоставление, отрицают возможность сближения и нахождения сторонами общих точек соприкосновения. Субъективные причины характеризуются доминированием этноэгоистических, этноцентристских установок, что, по мнению отечественного психолога Б. С. Братуся, относится к низким уровням зрелости личности, к первому и второму уровню развитости смысловой сферы личности.

Таким образом, переход этнофоров на следующий уровень идентичности личности – национальный, цивилизационный, и, в конце концов, общечеловеческий опосредован, с одной стороны, решением объективных причин, а с другой, преломлением антагонистического противостояния «они-группы» и «мы-группы» с помощью универсальных общечеловеческих ценностей, выступающих константной доминантой любых отношений, как межличностных, так и межгрупповых.

Список литературы

1. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 5–40.
2. Грушевицкая Т. Г. Национальная и этнокультурная идентичность в современном обществе // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12. С. 137–139.
3. Пензев К. А. Земли Чингисхана. М.: Алгоритм, 2007. 272 с.
4. Поликарпов И. А. Политика СССР в отношении национально-го движения коренных народов Сибиряка в 30–40-х гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Барнаул, 2012. 24 с.
5. Пшенцов П. С. Проблема этнической обособленности в формировании национальной идентичности коренного населения на примере Сибиряк-Уйгурского автономного района КНР // Вестник Чувашского университета. 2007. № 4. С. 75–80.
6. Сыроежкин К. Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы: К, 2003. 736 с.

Надежда Сергеевна Зими́на,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: 13zimina@mail.ru

Проблема соотношения гражданственности и этничности: социально-антропологический аспект

В статье представлена концептуализация понятий «гражданственность» и «этничность» через призму социально-антропологической проблемы – идентичности человека. Представлены основания национальной (гражданской) и этнической идентичности. В ходе анализа соотношения данных явлений предложены принципы их возможного паритета в контексте этнокультурного многообразия и полиэтничного государства.

Ключевые слова: этнос, нация, идентичность, этничность, гражданственность, социокультурное пространство, полиэтничность, этнокультурное многообразие

Nadezhda S. Zimina,
Candidate of Sciences (Philosophy),
Assistant Professor of the Department of Philosophy,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: 13zimina@mail.ru

The Problem of Correlation of Citizenship and Cthnicity: the Socio-anthropological Aspect

The article presents conceptualization of the concepts of citizenship and ethnicity through the prism of the socio-anthropological problem – the identity of a person. The foundations of national (civil) and ethnic identity are presented. In the course of analyzing the correlation of these phenomena, the principles of their possible parity in the context of ethnocultural diversity and a polyethnic state are proposed.

Keywords: ethnos, nation, identity, ethnicity, citizenship, socio-cultural space, polyethnicity, ethno-cultural diversity

Соотношение гражданственности и этничности – достаточно сложная тема, поскольку выводит в своем понимании на разные уровни идентичности. Для российского государства, исторически сложившегося как полиэтничное, всегда будут актуальными вопросы гражданской и этнической принадлежности на фоне этнокультурного многообразия страны. Взаимоотношения населяющих Россию народов всегда выступали как значимый фактор её развития.

Вначале обозначим основные термины, в первую очередь, исходный – этнос. Определим его как исторически сложившуюся на определённой территории устойчивую совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка и культуры, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме) [2, с. 7]. Этническая общность может быть использована как синоним этноса. Народ – многозначное понятие, его можно рассматривать и как этническую общность, и как население какой-либо страны. Этнонация же имеет более чёткое значение и область использования. В советской этнографии нацией обозначалась высшая стадия развития этноса (племя, народность, нация как этнонация), разрастание одной или слияние нескольких родственных народностей, усложнение их экономической, социальной, политической структуры. При этом сегодня часто встречается смешение терминов и их подмена, в связи с чем необходимо разграничивать этнонацию (например, русская нация) и гражданскую нацию (политонацию – В. А. Тишков) (например, российская нация).

У гражданской и этнической идентичности разные основания. Так, у гражданской, помимо принадлежности к государству (гражданство), это также и деятельность самого человека, его отношения с другими людьми, разделение людьми схожей (общей) культуры, общность интересов, осознание своего единства, преемственность поколений. В данном случае важна роль государства как онтологизирующего конструкта, когда оно воспринимается гражданским сообществом как ценность. Но при этом и само государство должно нести ответственность по отношению к гражданам.

Поясним основания этнической принадлежности. Ещё раз отметим, что этническая общность предполагает устойчивую исторически сложившуюся совокупность людей, обладающую относительно стабильными особенностями языка и культуры. Этническая идентичность заключается в переживании индивидом своей принадлежности к некоторой этнической общности через систему этнических признаков (язык, культура, символика, общее происхождение, историческая память).

Таким образом, можно сказать, что гражданская идентичность проявляется в единстве, а этническая – в инаковости, осознании отличия данной этнической группы от другой.

Определившись с понятиями гражданская и этническая идентичность, перейдем к анализу гражданственности и этничности как к явлениям, находящимся в их основе идентификационных процессов. Использование понятия гражданственность обусловлено тем, что оно имеет более широкий культурологический дискурс, чем понятие гражданство. Гражданственность в данном случае предстаёт как состояние национального (гражданского) духа, не просто принадлежность к государству, а переживание, ощущение своей связи с государством. По мнению Г. Н. Филонова, именно гражданственность есть интегральное качество личности, позволяющее человеку ощущать себя юридически, социально, нравственно и политически дееспособным [10, с. 19].

Гражданственность обладает не только структурно-функциональными нагрузками гражданства, она вбирает субъективные качества личности, проявляющиеся в деятельности человека и в отношениях с другими людьми, приверженности к ценностным ориентациям, осознанию единства народа, переживании связи не только с настоящим поколением, но и с предками и потомками. Таким образом, отметим, что смысловое содержание гражданственности включает в себя широкий спектр возможностей её интерпретации.

Схожесть материальных и духовных элементов культуры служит онтологическим основанием для формирования такой содержательной характеристики национального простран-

ства, как национальная (гражданская) идентичность. Этот тип идентичности относится к числу фундаментальных в структуре идентификационной иерархии. Так, для периода с 1985 по 1993 г. характерен кризис гражданственности, провозглашается тезис о самоценности личности, но в отрыве её от гражданской ответственности. В постсоветский трансформационный период в России в состоянии аномии, в условиях разрушения и деформации социальных институтов, являвшихся прежде инструментами организации общества, при усилении центробежных стремлений в ряде регионов, в стране актуализировался процесс этнической и региональной идентификации и преобладание соответствующих уровней идентичности над идентичностью гражданской. Отличительной особенностью того времени являлось возрастание этнонациональных интересов.

Этничность обнаруживается в процессах объединения и разделения людей в этнических группах в результате действия механизмов идентичности, которые осуществляются через систему этнических признаков, они были отмечены выше. Таким образом, гражданственность основана на единстве, общности интересов, ценностей. Этничность через сравнение проявляется в различиях и основана на гетерогенности.

На наш взгляд, основания гражданственности должны иметь «светский» характер, гражданский и не этнический, и заключаться в общих ценностях. России при её поликультурности важно иметь цельное социокультурное пространство, единые для всех ценностные ориентиры. Такие ценности, как патриотизм, социальная ответственность, и развитие гражданской идентичности способны выступить факторами, интегрирующими российское общество. Фактором развития гражданской нации также можно считать социальное настроение как характеристику общественного сознания и готовности его реализовать на практике с определённой ценностной установкой. Но в таком случае необходимо говорить и о роли самого государства.

Итак, говоря о соотношении гражданственности и этничности в полиэтничном государстве, выделим принципы их гармоничного взаимодополнения:

- 1) принцип учёта этнических интересов с признанием верховенства интересов национальных;
- 2) принцип паритета этих интересов;
- 3) принцип социокультурной дополнителности: социокультурное пространство страны формируется за счёт этнокультурных особенностей населяющих ее этносов;
- 4) принцип открытости, заключающийся в расширении социокультурных связей этносов и контактов регионов страны, что способствует преодолению их возможной закрытости и изолированности.

Учитывая данные принципы, можно соблюсти баланс между гражданским и этническим при этнокультурном многообразии.

Выше уже была упомянута культура, черты этноса. Этнокультурность всегда остаётся актуальной темой и представляет интерес как для теоретического осмысления, так и для прикладных исследований. В России проживает более 190 народов. Для каждой этнической общности характерны специфические черты и особенности образа жизни. В ходе взаимодействия также происходит влияние этносов друг на друга и изменение составляющих характеристик общности – языка, социальной структуры, элементов материальной и духовной культуры, самосознания. Этнокультура складывается на основе этнонациональных особенностей. Определим их как, прежде всего, своеобразие социального творчества и мировосприятия этносов. У каждого народа есть свои специфические социально-экономические, территориальные, политические, лингвистические, психологические и другие особенности. Соответственно, этническая культура представляет собой совокупность традиционных ценностей, смыслов, норм отношений и поведенческих особенностей, выраженных в материальной и духовной жизни народа, всё это порождает его своеобразие. Многообразие этнических культур есть проявление множества своеобразий.

В заключение отметим, что в этничности и в гражданственности проявляются черты и особенности как отдельного этноса, так и интересы и чувства граждан страны. В условиях

этнокультурного многообразия, а также, беря во внимание то, что в основе этих явлений находится процесс идентификации, важно найти гармоничное сочетание и взаимодополнение гражданской идентичности и этнической, а значит, и соответствующих интересов.

Список литературы

1. Арутюнов С. А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М.: Инфра-М, 2012. 416 с.
2. Бромлей Ю. В. Этнические процессы в современном мире. М.: Наука, 1987. 447 с.
3. Национальные процессы в СССР / отв. ред. М. Н. Губогло. М.: Наука, 1991. 264 с.
4. Орлова Э. А. Социокультурное пространство обыденной жизни [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/antropology/orlova> (дата обращения: 11.02.2018).
5. Рыбаков С. Е. Философия этноса. М.: ИПК Госслужбы, 2001. 360 с.
6. Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. 184 с.
7. Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / под ред. Ю. М. Резника. М.: Акад. Проект: Культура, 2011. 1000 с.
8. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. 544 с.
9. Тишков В. А. Россия – это нация наций // Российская нация: этнокультурное многообразие в гражданском единстве: сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. Оренбург, 2011. С. 6–9.
10. Филонов Г. Н. Гражданское воспитание: основные категории и понятия. М.: Педагогика, 2001. 81 с.

Галина Дмитриевна Ковригина,
кандидат философских наук,
доцент Института экономики, управления и права,
Иркутский национальный исследовательский
технический университет,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: Kovrigina_gd@mail.ru

Территориальная идентичность в эпоху разрушения значимости пространства

В статье раскрываются социальные и естественные предпосылки формирования территориальной идентичности. Анализируются формы разрушения значимости пространства и изменения в связи с этим роли территориальной идентичности. Раскрываются условия возникновения и формы развития социальной эмпатии к тому месту, где живёт человек в условиях виртуализации и глобализации. Показывается, что территориальная идентичность выступает основополагающим элементом патриотизма и социальной солидарности в новом мире.

Ключевые слова: социальная эмпатия, социальная солидарность, территориальная идентичность, глобализация, виртуализация, цифровая эпоха

Galina D. Kovrigina,
Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor of the Institute of Economics,
Management and Law,
Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russia,
e-mail: Kovrigina_gd@mail.ru

Territorial Identity in the era of the Destruction of the Significance of Space

The article reveals the social and natural prerequisites for the formation of territorial identity. Forms of destruction of the importance of space and changes in connection with this role of territorial identity are analyzed. The conditions of the emergence and form of the development of social empathy to the place where people live in the conditions of virtualization and globalization are revealed. It is shown that territorial identity is a fundamental element of patriotism and social solidarity in the new world.

Keywords: social empathy, social solidarity, territorial identity, globalization, virtualization, digital age

Территориальная идентичность формируется как условие сопричастности с конкретной территорией, которое отражается в знании истории и традиций, особенностей освоения и уклада жизни, перспективах развития, сильных и слабых сторонах. Более того, территориальная идентичность затрагивает чувства гордости и вдохновения, готовности жертвовать собой во благо территории, социальной и личной эмпатии, готовности служить территории и людям, на ней проживающим. Территориальная идентичность строится на чувстве общности с местом и людьми, имеет связь сквозь время (объединяет тех, кто некогда тут жил, тех, кто сейчас живёт и будет жить через века). Иными словами, она объединяет в одном месте социокультурные смыслы жизни целых поколений, живущих на определённой территории.

Несмотря на то, что современное общество всё больше становится глобализированным, всё большее влияние имеет Интернет (человек может жить в одном месте, а дистанционно работать совсем в другом, общаться в третьем и так далее). «Чувство места» даёт опору для современных людей, показывает «Кто Я», «Кто моя семья», «Кто мои предки», а, следовательно, какие у меня ценности, ориентиры, перспективы и возможности. Человек, принадлежащий к определенной территории, понятен и окружающим и самому себя. У него есть ценности, у него есть «точка опоры».

Чем больше мы входим в цифровую эпоху, тем сложнее описать и ещё более трудно прочувствовать, вжиться в социальную идентичность. В этой связи территориальная идентичность остаётся чуть ли не единственным якорем, не позволяющим нам забыть – кто мы есть, откуда пришли и куда идём. Ближайшее будущее ещё более усилит данные тенденции. Через пятьдесят лет не станет важным – где родился и где работает человек, важно, чтобы он выполнял задачи и функции, возложенные на него (винтик в глобальной машине). Единственное, что поможет себя сохранить – это территория, которую он считает своей, интересы которой готов отстаивать.

Опросы студентов иркутских вузов¹, показали, что уже сегодня молодые люди больше ориентированы на карьеру и деньги, они не привязаны к месту и к их корням, они готовы быть более мобильными, менее требовательными и готовыми рисковать – на благо получения результатов здесь и сейчас. Готовы переехать в другой регион страны или другую страну (см. таблицу 1).

Таблица 1

Ориентиры студенческой молодежи

<i>Критерий</i>	<i>Процент</i>		<i>Критерий</i>
Важна карьера	70	30	Важна семья
Готов уехать	80	20	Хочу остаться
Не важно, чем и как я зарабатываю	75	25	Важно, чем и как я зарабатываю
Не важно, с кем я взаимодействую	90	10	Важно, кто мои друзья
Готов рисковать именем, честью, совестью во имя достижения цели	85	15	Не готов рисковать именем, честью, совестью во имя достижения цели

Их не волнует вопрос «Кто Я здесь?» и «Кто Я там?». И важны результаты. Территориальная идентичность начинает размываться. Причём с каждым годом эта тенденция всё более усиливается и ужесточается. В исследовании В. А. Скуденкова показано чёткое влияние экономических притязаний и экономических представлений на уровень патриотизма молодёжи: чем больше денег и других материальных благ получает молодой человек, тем более он готов быть патриотом [2]. Это достаточно печальные тенденции с позиции идеологии, но в то же время, достаточно рациональный и взвешенный подход со стороны молодёжи. Экономическая зависимость всё больше определяет, что, где и как мы делаем, для молодых людей это становится основным мотивом их реализации и социальной активности.

¹ Исследования проводились в течение последних восьми лет на базе ИРНТУ, с 2010 по 2018 год, всего приняло участие 6000 человек (по 600 каждый год) в возрасте от 18 до 22 лет, 60 % девушек и 40 % юношей.

Социальная эмпатия и чувство благодарности, о чём пишут О. А. Полюшкевич [1] и Н. Д. Субботина [3] становятся всё более иллюзорными – в обществе разрушенной значимости пространства. Они теряют свою смысловую, символическую и предметную значимость. Кого благодарить и кому сочувствовать? Прагматизм убирает человечность. Утрата территориальной идентичности – это усиливает и подчёркивает ещё больше (см. таблицу 2).

Таблица 2

Кто вызывает у вас сострадание? Кому вы готовы помогать?

<i>Критерий</i>	<i>Процент</i>
Я готов помогать себе. В нашем мире – каждый сам за себя	35
Я готов помогать своей семье	20
Я готов помогать друзьям	13
Я готов помогать соседям и знакомым	15
Я готов помогать тем, кто живёт на одной территории со мной, говорит на моем языке, верит в моих Богов	12
Я готов помогать всем, кому могу помочь	5
Итого	100

Данные таблицы 2 достаточно удручающие. Они показывают рационализм и расчётливость, эгоизм и индивидуализм молодых людей. Далее мы уточняли – что даёт современным молодым людям принадлежность к определённой территории. Полученные данные представлены в таблице 3.

Таблица 3

Что даёт принадлежность к территории?*

<i>Критерии</i>	<i>Характеристики</i>	<i>Процент</i>
Опора	Сила, традиции, история, культура, опыт	25
Движение (изменение)	Развитие, переезд, пространство, новый опыт, пересечение рубежа, граница	45
Разрушение	Утрата связи, виртуальность, свобода вне территории, выход на новые рубежи	30

* В таблице представлены ассоциативные ответы на поставленный вопрос

Только для четверти современных молодых людей принадлежность к территории дает опору и внутреннюю силу. Территория как точка изменения (за её рамками), выход на новые горизонты и рубежи (40 %) и полное разрушение значимости и роли территории у 30 %. Это показывает зыбкость и аморфность в молодёжном сознании данной категории, которая всё меньше может консолидировать людей и формировать менее актуальную идентичность, а вместе с тем и размывать основную структуру личности, формируя новый тип – человека будущего.

Будущее становится образом без территории, образом без пространства, а вместе с тем и без территориальной идентичности. Это потребует за собой изменения и времени. Но это уже новый формат идентичности человека, новых рамок и контекстов развития.

Список литературы

1. Полношкевич О. А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. Сер. Философия. Культурология. 2017. Т. 12, № 1. С. 67–75.
2. Скуденков В. А. Экономические притязания в структуре патриотизма студенческой молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2018. № 2. С. 82–85.
3. Субботина Н. Д. Естественные и социальные составляющие эмпатии и альтруизма // Гуманитарный вектор. Сер. Философия. Культурология. 2011. № 2. С. 58–66.

Ольга Владиславовна Курбачёва,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь,
e-mail: kurbach.ova@gmail.com

Социально-философский анализ феномена этноконфликта: природа и особенности развёртывания

В статье осуществляется социально-философский анализ особенностей и стадий протекания этнокультурного конфликта на современном этапе развития. Автором рассмотрены основные причины этноконфликтов, специфика проявления этностереотипов, а также основные стадии протекания этнического конфликта. Обозначены основные векторы действий и потенциальная возможность нейтрализации этнокультурной напряжённости.

Ключевые слова: этноконфликт, социальный конфликт, диалог культур, этностереотипы, этнокультурная идентичность, этносознание, конфликт идей

Olga V. Kurbacheva,
Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy
and Methodology of Science,
Belarusian State University,
Minsk, Belarus,
e-mail: kurbach.ova@gmail.com

Socio-philosophical Analysis of Ethno-conflict Phenomenon: Nature and Peculiarities of its Development

The article provides a socio-philosophical analysis of the features and stages of ethno-cultural conflict at the present stage of development. The author considers the main causes of ethnic conflicts, the specificity of the manifestation of ethno-stereotypes, as well as the main stages of the ethnic conflict. The main vectors of actions and the potential for neutralizing ethno-cultural tensions are outlined.

Keywords: ethno-conflict, social conflict, dialogue of cultures, ethnostereotypes ethno-cultural identity, conflict of ideas

Проблема социального конфликта является одной из актуальнейших проблем социально-философского анализа. Так, сегодня наблюдается реальный процесс эскалации этнокультурной напряжённости. Этнические противоречия в условиях глобализации и интенсивного процесса аккультурации становятся катализатором конфликтогенной ситуации. При этом следует отметить, что этнокультурная напряжённость может проявляться не только в открытой форме столкновения, но и в скрытой: на уровне социокультурной конкуренции, негативного оценочного сравнения и т. д. Ведь латентные и не всегда осознанные причины (например, пережитая «историческая несправедливость», низкая статусность этнической группы и др.) могут послужить основанием для осознания или иррациональной интенцией к этническому конфликту. Следует отметить, что ситуация этнической напряжённости свойственна не только для начала XXI века – в период форсированного миграционного взаимодействия. Однако глобализационные процессы, отразившиеся, в том числе, в военно-политических столкновениях, геополитических трансформациях, миграции и социально-экономических изменениях, оказали существенное влияние на обострение вопросов этнокультурной идентичности и межкультурного диалога именно в последние 15–20 лет.

По статистическим данным Организации Объединенных Наций число мигрантов за последние 15 лет увеличилось на 41 % и составляет около 244 миллиона человек (по данным 2015 года) и здесь следует учитывать, что в этих цифрах не учтено большое количество незарегистрированных беженцев [10, с. 33]. Сегодня число мигрантов превышает естественный прирост населения. А если учесть, что количество нелегальных мигрантов перманентно увеличивается в геометрической прогрессии и оказывает колоссальное влияние на социально-экономические и политические процессы развития, то станет очевидным, что мы стоим на пороге формирования нового формата взаимодействия и глобальных вызовов [1, с. 130].

Сама встреча различных культур является абсолютно неизбежной, даже с учётом то, что может быть выбрана такая

стратегия аккультурации, как условный сепаратизм, в соответствии с которым мигранты, как представители этнического меньшинства, не интегрируются в культуру большинства и символически, а зачастую и реально отгораживаются от неё. Идеалы политики мультикультурализма, предполагающей возможность параллельного сосуществования различных культур, были убедительно развенчаны как представителями научной, так и общественной мысли. Данный политический конструкт не смог себя полностью реализовать; и идея мультикультурализма с идеалами толерантности, взаимообогащения и признания, стремлением параллельного сосуществования культур, на практике столкнулась с реальными проблемами в виде межкультурных и межэтнических столкновений.

Причиной несостоятельности и излишней идеализированности политики мультикультурализма в большинстве случаев выступил именно неконтролируемый миграционный поток, ставший основанием повышенного уровня сепарации и сегрегации, низкого уровня психологической и социально-экономической адаптации представителей культуры мигрантов, нарастания межкультурной напряжённости и конфликтов на почве религиозной и этнокультурной идентичности. И поэтому сегодня перед учёными стоит непростая, но очень важная задача – не просто проанализировать особенности этнокультурного взаимодействия на современном этапе глобализации, но и выявить глубинные причины и закономерности развёртывания этого взаимодействия, а также предложить потенциальные векторы развития этнокультурного диалога. Действительно, роль учёного в этом вопросе достаточно сильна: способность смоделировать концептуально-объяснительную модель событий позволит спрогнозировать и управлять возможными кризисными ситуациями в дальнейшем.

В силу актуальности исследований, сложности и многогранности проблемы этнокультурного конфликта, в данной статье предполагается осуществить социально-философское исследование этнокультурного конфликта как феномена, раскрыв основные причины, типы и уровни проявления конфликтов между этнокультурными общностями.

Безусловно, этноконфликт, как один из типов социального противостояния, обладает инвариантными характерными признаками: биполярность, активная форма проявления, наличие субъектов и причины противодействия. Вместе с тем, этнокультурный конфликт представляет собой особую форму противоборства и специфические черты проявления. Сфера межэтнических отношений чрезвычайно сложна и может включать в себя более двух субъектов (этнических групп) взаимодействия, каждый из которых отличается по различным признакам: конфессиональной, культурной, национальной идентичностью. Акцентируя внимание на особенностях проявления и разрешения именно этнокультурного конфликта, важно учитывать, что невозможно абстрагироваться и провести чёткую линию демаркации от конфессиональных и национальных факторов воздействия на эскалацию этнокультурной напряжённости. В данном ключе корректнее говорить о различных сферах проявления этнического конфликта: этнотерриториальная, этноэкономическая, этнополитическая, этносоциальная, этнорелигиозная, этнодемографическая и этномиграционная сферы проявления. Каждая из обозначенных сфер актуализирована рядом особых причин: изменением соотношения численности коренного населения и мигрантов; ограниченностью ресурсной базы или монополизацией какого-либо вида экономической деятельности одним этносом; угроза сформированной или принудительной ассимиляции и т. д. Тем не менее, важно отметить, что в какой бы сфере конфликт не проявлялся, в нём всегда обнаруживается несколько контекстов и пересечение различных факторов. Более того, этнокультурный конфликт всегда исторически обусловлен и оказывает существенное влияние на этнопсихологию общности: укореняются представления об исторической несправедливости, уязвлённости осознания статуса собственной группы. А так как сегодня межэтническое противостояние способно стать источником глобального конфликта, постепенно вовлекая в зону риска интересы других субъектов и расширяя символические и реальные границы противостояния, важно выявить и проанализировать особенности протекания и причины межэтнических конфликтов.

В первую очередь, следует отметить, что проблематика этнокультурных конфликтов не является до конца проработанной. Несмотря на весьма репрезентативную теоретическую базу исследований конфликта как такового, обнаруживается нехватка концептуально-теоретических работ и исследований, опирающихся на современную эмпирическую базу этноконфликтных действий. Среди русскоязычных авторов, изучающих проблему социального этнокультурного конфликта, можно выделить таких, как: А. Г. Здравомыслов, Ю. Г. Запрудский, Е. И. Степанов, Н. В. Гришина и других. Среди англоязычных исследователей, можно назвать такие имена, как: Р. Дарендорф, Дж. Бернард, Р. Бейли, Дж. Льюк, Л. Козер, Р. Макк и др. Детально и предметно проанализирован феномен социального конфликта, его типология и классификация. Вместе с тем исследования непосредственно этнокультурного конфликта зачастую носят обзорно-аналитический характер, поэтому обнаруживается недостаточность именно философско-методологических работ, посвящённых природе и особенностям непосредственно этнокультурных конфликтов, выявляющих глубинные причины конфликтов, специфику их проявления и возможности преодоления.

Для исследований особенностей этноконфликта следует очертить терминологические границы самого понятия. Апеллируя к дефиниции А. Г. Здравомыслова, одному из главных теоретиков «социологии конфликта», можно привести такое понимание конфликта, как «важнейшую сторону взаимодействия людей в обществе, своего рода клеточку социального бытия. Это форма отношения между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями» [4, с. 96]. Содержание понятия конфликта (от латинского *conflictus* – столкновение) проявляется через такую интерпретацию, как столкновение противоположностей или интересов, состояние дисгармонии, открытая борьба, взаимоисключающие интенции и т. д. При этом важно отметить, что конфликт между культурами и типами этнокультур предполагает не конфликт между определёнными

ми субъектами взаимодействия, а скорее символическое поле противостояния и отсутствие конкретного носителя. Хотя при апелляции к данной дефиниции автором (А. Г. Здравомысловым) не уточняется природа противостояния (причина конфликта объективная, «извне» или же она внутренняя, субъективная, основанная на личностном понимании и неприятии), тем не менее, акцентируется сам факт противодействия субъектов, их биполярность, являющаяся центральным ядром конфликтных отношений, инвариантной характеристикой любого социального конфликта.

Вместе с тем социальная противоположность не является абсолютной отсылкой к непосредственно конфликту. Для этого необходимо не просто биполярное противопоставление, но именно «активное взаимодействие сторон, направленное на преодоление разделяющего их противоречия» [2, с. 34]. Активное и осознанное противостояние является основанием классифицировать межэтнические отношения как конфликтные. Однако при анализе формальной теоретической схемы этноконфликта важно всегда учитывать социокультурный контекст межэтнического взаимодействия.

Так, например, важно учесть, что сегодня в период возрастания транскультурных взаимодействий и открытого глобализационного пространства одновременно актуализируется стремление к этноренессансу и возрастание уровня этноцентризма. Это ситуация этнокультурного парадокса, в рамках которого обнаруживается возрождение интереса к этническому и приобщение к глобальному. При этом этноренессанс может проявляться в разной степени: от попыток реанимирования обычаев и традиций, популизации национального языка, идеализации этнонациональных героев, до восстановления или построения государственных границ. Диалектический характер данного явления объясняется тем, что с одной стороны, этнические группы преимущественно не являются закрытыми, а перманентно вступают в диалог с другими этносами. Но, с другой стороны, одновременно активизируется защитная реакция – сформировать «мы-образ», свою этническую отличительность: сохраняются и актуализируются локальные

ценностные представления и метаэлементы культуры: миф об общем происхождении, религия, язык и т. д. И если границы группового членства в этнической группе всегда подвижны, то когнитивное, психоэмоциональное и поведенческое ядро идентичности достаточно устойчивое, чтобы было возможно провести линию «мы – они». При этом важно учитывать, что сегодня насчитывается свыше двух тысяч этносов, которые отличаются культурными, мировоззренческими, психоэмоциональными особенностями. 90 % населения Земли – это представители только лишь 267 этносов, численность которых более миллиона человек. А с учётом, что и большие и малые по численности этносы находятся в открытом взаимодействии, можно предположить о возможном несовпадении, различии интересов и притязаний разных этнических общностей [7, с. 207]. Поэтому следует учитывать не только психоэмоциональное обоснование этноренессанса, но также и внешние факторы, инициирующие повышенный интерес к этнокультурной идентичности. В качестве таких внешних факторов выступают экономические и политические аспекты жизни этнокультурных групп. Неравенство правового статуса в составе полиэтнического государства, различия уровня экономического развития и владения материальными ценностями могут послужить основанием для реабилитации этноса и его исторических прав.

Так, результатом межэтнического взаимодействия, особенно в условиях открытого глобального пространства может стать этнокультурный конфликт. Причины конфликтной ситуации могут быть различны. При этом необходимо учитывать, что каждое из обстоятельств оказывает существенное влияние на масштаб, продолжительность и степень напряжённости противостояния. Важно не только выявить, но и проанализировать специфику влияния этих причин на возникновение, обострение и особенности протекания этноконфликтной ситуации. Каковы же причины межэтнических конфликтов? Как уже было отмечено ранее, этноконфликт представляет собой пересечение множества факторов и целого ряда внешних – объективных и субъективных причин, определяющих особен-

ности протекания и возможности урегулирования конфликта. Вместе с тем, важно обозначить основные потенциальные обстоятельства, которые могут сыграть роль катализатора конфликтной ситуации. Непосредственными внешними основаниями противостояния могут послужить территориальные, экономические, религиозные, политические, социокультурные и другие противоречия. Однако степень сложности, интенсивность и продолжительность во многом зависит именно от субъективных факторов – от степени психоэмоционального переживания конфликта, идеологических убеждений, уровня внутренней сплоченности, наличия позитивных или негативных элементов идентичности самой этнической группой.

Одной из самых сложных и распространённых причин этнических споров и конфликтов является этнотерриториальный фактор. В основе его лежит идея перераспределения территории и право на её принадлежность тому или иному этносу. В силу того, что современные государства полиэтничны, а геополитические и миграционные процессы являются неотъемлемой частью развития современного мира, то территориальные споры представляют собой достаточно распространённую проблему. Борьба за территорию основывается на том, что каждый из этносов, проживающий на той или иной территории, претендует на официальное (институциональное) владение ею или отторжение части территории других государств. Каждая из этнических групп обосновывает своё историческое право на ту или иную территорию: исторические аргументы и свидетельства основываются на том, что в какой-то период времени в прошлом или настоящем здесь проживала этническая группа и это выступает неопровержимым доказательством её прав на владение этой территорией. Достаточно субъективные основания могут послужить интенцией для этнической общности к конфликтным действиям, направленным на борьбу за свою территорию. Среди наиболее частых проявлений этнотерриториальных споров и конфликтов выступает стремление к созданию независимого территориально-государственного института, особенно если в прошлом этнос уже обладал государственной независимостью и лишился этого

статуса. Среди примеров этнотерриториальных конфликтов можно привести армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе или грузино-абхазский конфликт в Абхазии. Улучшение (или явное ухудшение качества и уровня жизни в составе другого государства) хозяйственно-экономического развития, высокий уровень этносознания, количественное доминирование «титального» этноса и апелляция к историческим аргументам о независимости могут выступить основаниями для борьбы за автономное территориально-государственное образование. И тогда этнотерриториальные причины конфликта дополняются этнополитическими [9, с. 310]. Особенно остро проблемы этнотерриториальных и этнополитических споров и претензий проявились в период распада СССР. Правомерно отметить, что этнические и территориальные претензии существовали и в период самого существования Советского Союза, однако конфликты чаще всего подавлялись либо проявлялись лишь в латентной форме. Это, в свою очередь, сыграло негативную роль, как как после распада СССР накопленные претензии сыграли роль детонатора конфликтных действий.

Следует обозначить, что территориальный фактор, как причина межэтнических конфликтов, может повлиять и стать основанием не только для этнополитических споров, но и для этноэкономических разногласий. Природные ресурсы и ответственность на определённой территории становятся веской причиной для обоснования исторических прав на данную территорию. Среди других проявлений этноэкономических разногласий следует назвать ущемление экономических или хозяйственных прав одного из этносов в многонациональном государстве, ухудшение экологической безопасности на определённой территории, неравномерное развитие этнонациональной периферии в полиэтническом государстве и т. д. [Там же, с. 312]. Эти примеры тесно связаны со следующим блоком причин этноконфликтных ситуаций. Условно можно его обозначить как социальная «напряжённость» или социальные причины как предпосылки возникновения межэтнического противостояния. Среди явных катализаторов такой

напряжённости можно выделить такие, как этносоциальная неоднородность в полиэтническом государстве, неравномерные этнодемографические показатели, проблема безработицы или низкооплачиваемого труда для определённой этнической группы, различное для этносов представительство в профессиях, этномиграционный фактор.

Особую роль в эскалации межэтнической напряжённости играют духовно-мировоззренческие причины. К этой группе мы можем отнести следующие причины напряженности: этноязыковые, культурные, исторические и конфессиональные. Эти причины весьма значимы, так как они затрагивают глубинный пласт духовной культуры, общественное сознание и оказывают непосредственное влияние на субъективные (внутренние) факторы возникновения межэтнических конфликтов. Принципиальные отличия, неприятие другой культуры или конфессии чаще всего на повседневном уровне проявляются в скрытой (латентной) форме и обнаруживается через этностереотипы, негативную (осуждающую) психоэмоциональную оценку другой культуры. Вместе с тем, этнокультурные разногласия могут проявляться и на уровне языкового, религиозного шовинизма, что выступает причиной этнокультурной напряжённости и может стать явным фактором эскалации этноконфликта.

Другой причиной может стать форсированная и насильственная ассимиляция. И чем больше культурная дистанция между этническими общностями – тем более сильно отторжение и сопротивление от доминирующей культуры. Принудительная ассимиляция представляет собой реальную угрозу разрушения или изменения для другой. Поэтому чаще всего в рамках защитной реакции этноса усиливается чувство этнической сплочённости, повышается уровень этноцентризма и, с другой стороны, формируется интолерантное отношение к другому. Безусловно, ассимиляция может быть позитивной и основываться не на принципах этнокультурного истощения другой культуры, а на её обогащении.

Однако для такого типа этнокультурной аккультурации, когда осуществляется полноправное обогащение двух взаи-

модельствующих культур, необходим достаточно высокий уровень и этнической идентичности, и этнической толерантности у обоих участников взаимодействия. Признание культурной инаковости и уважительное отношение к другой культуре, в первую очередь, свидетельствует о здоровом психологическом уровне собственной культуры, не оценивающей других с позиции шовинизма.

Именно признание разнообразия культурных ценностей является залогом адекватного равноправного диалога. Вместе с тем, важно отметить, что каждая этническая общность имеет свои исторические особенности развития, которые откладывают отпечаток на духовные ценности, мировоззренческие представления, эмоциональное восприятие своей культуры и других общностей. Ведь пережитая «историческая несправедливость», наличие исторических «претензий» к другим культурам является внутренним эмоциональным основанием для конфликтных действий с целью компенсировать свою обиду. Чаще всего, объективные, внешние причины конфликтов подкрепляются внутренними эмоциональными тонами, обосновывающими правомерность притязаний. Более того, несовместимость интересов с другими культурами, акцентирование на внутренних локальных нерешённых вопросах в определённый момент может стать инструментом политической элиты для управления этнической общности в достижении вопросов власти, территориальных, политических или экономических претензий.

Следующим важным шагом в исследовании этнокультурного конфликта будет анализ стадий развёртывания этноконфликта как такового. Апеллируя к теориям современных конфликтологов, можно говорить о таких его важнейших этапах как: латентная (пред-конфликтная стадия), стадия осознанного соперничества, стадия эскалации (стадия конфликтных действий)/кризисная стадия и стадия разрешения конфликта (как потенциально завершающая стадия) [3]. Стадию конфликтных действий, а соответственно и кризисную стадию, неразрывно связанную с ней и зачастую не выделяемую отдельно, проявляющуюся в реальной этнокультурной конфронтации, можно

предотвратить или ослабить, адекватное и результативное достижение чего зависит от протекания, управления и разрешения конфликта ещё на уровне латентной фазы или даже на этапе осознанного соперничества. Поэтому важно обратиться более предметно именно к начальным фазам возникновения этнокультурной напряжённости.

На первичном этапе конфликта, когда ещё нет явного противостояния и осознанной негативации образа Другого (этноса, нации, культуры), формируется так называемый конфликт стереотипов [2, с. 120]. Это фаза межэтнической напряжённости является очень важной, так как осознание наличия конфликтной ситуации на данном этапе может позволить разрешить или преодолеть возможное последующее столкновение и перенаправить конфликтную ситуацию в конструктивное или нейтральное русло. Так этнокультурный стереотип отражает обыденный усредненный уровень концептуализации культурной специфики той или иной этнической общности. Содержательно этностереотипы представляют собой коллективное устойчивое и эмоционально окрашенное представление одной этнической группы о другой и самой себе, в котором фиксируется оценочное суждение о моральных, умственных, психоэмоциональных, физических и других качествах [8, с. 120].

В рамках стереотипизации происходит генерализация культурных ценностей и ассоциаций, аккумулятивное последствие в некий схематичный и упрощённый образ другой культуры. На индивидуальном уровне взаимодействия между представителями различных этносов стереотипное мышление чаще всего оказывает сильное влияние на взаимные ожидания и формирование ассоциативного контекста: определённой модели поведения, ожидаемого образа. Это наиболее часто проявляется на уровне аскриптивной (приписываемой) этнокультурной идентичности, ведущей к несовпадению видов идентичностей: как сам себя идентифицирует представитель этнической группы и какую идентичность ему приписывают исходя из внешних антропогенетических маркеров [6, с. 49] Здесь следует отличать такие типы этнических сте-

реотипов как авто- и гетеростереотипы. Автостереотипы – это комплекс представлений этнической группы о собственной культуре.

Важно отметить, что автостереотипы имеют под собой вполне объяснимую психологическую нагрузку – защитно-адаптационную функцию. Защита групповых интересов, формирование собственного облика на психоэмоциональном и социокультурном уровне позволяет этнической группе подготовиться к встрече с другой культурой. При этом важно учитывать, что этническая группа может придерживаться как положительной, так и отрицательной формы оценивания собственной культуры. При положительной, высокой самокатегоризации у этнофора (носителя определённой этнической культуры) обнаруживается чувство удовлетворённости своим членством в этнической общности, желанием принадлежать к ней, гордость быть её частью. С другой стороны – наличие негативных социальных установок, чувства, стыда или униженности, связанные со своей культурой. Это, в свою очередь, также может послужить основанием для возникновения этнокультурной напряжённости – восстановить «историческую несправедливость», компенсировать обиды за счёт других, более слабых групп. Внешняя же этнокультурная стереотипизация зачастую носит именно негативно-ограничительную функцию: оценочным сравнением своей и чужой группы, с явным превалированием в оценках в пользу своей культуры или неосознанным навязыванием негативного образа Другого, что может проявиться на уровне этнофобии.

Завершающим и своего рода переходным этапом от латентной стадии к фазе осознанного соперничества является этап конфликта идей, в рамках которого оформляются и осознаются притязания на значимость, инаковость и одновременно несовместимость ценностей, интересов и целей этнических групп. Это своего рода фрустрационная фаза межэтнической напряжённости. Рост этнокультурной напряжённости, безусловно, связан с вопросом осознанности отношений и действий. Этот этап отличается не тем, что рационализировано отношение к другому этносу, а тем, что сам факт неприятия,

соперничества и напряжённости в отношениях уже не скрыт, а принимается как данность. При этом наиболее распространённым показателем эскалации этноконфликта выступает дальнейшее сужение когнитивных элементов в отношении к другой группе и переход к примитивным способам отражения образа другого этноса – т. е. усиление стереотипизации. Это может быть выражено в акцентированности негативных сторон, отождествлении с потенциальным и актуальным злом, недоверием или негативным ожиданием: всё, что исходит от другого этноса, будет восприниматься как потенциальная угроза. Постепенно вытесняется адекватный образ другого и происходит его «деиндивидуализация»: всякий, кто принадлежит к другой группе, автоматически расценивается, как потенциальный враг.

Среди других признаков эскалации напряжённости можно отметить такие, как рост эмоциональной напряжённости и переход от рациональных аргументов к личным претензиям, что приводит лишь к углублению противоречия и росту психоэмоциональной напряжённости. По мере разрастания эскалации возможно увеличение как количественного состава противоборствующих сторон, так и переход к более глубинным, духовно-мировоззренческим основаниям неприятия Другого. Это одна из сложнейших стадий конфликта, для которой характерен минимальный уровень управляемости. Для этой фазы свойственна потеря изначального предмета разногласий и одновременно расширение границ самого конфликта. Это своего рода особый тип эскалации – «генерализация», в рамках которой увеличиваются потенциальные точки противопоставления, расширяется символическое поле конфликта. Эскалация может проходить и по сценарию «укрупнение» – увеличение численности противоборствующих сторон за счёт привлечения на одну из конфликтующих сторон этнически или конфессионально близких народов [8, с. 132]. Такой сценарий «горизонтальной эскалации» имеет достаточно серьёзные последствия, так как может разрастись от локального до уровня межрегионального или глобального. А этнокультурные притязания переходят в форму межнациональных угроз и стол-

кновений. Стадия осознанного соперничества и обострённой эмоциональной напряжённости при наличии определённых мобилизующих внешних факторов достаточно быстро может перейти в стадию реальной эскалации и проявления конфликтных действий. Этап, на котором уже прибегают конфликтующие стороны к реальному насилию – это критический этап, на котором управление и разрешение конфликта достаточно сложно достигаемо.

Обострение, сложности разрешения конфликтных ситуаций и наличие реальных жертв этнических конфликтов становятся абсолютно явной и важнейшей причиной необходимости преодоления и урегулирования этнокультурных конфликтов до стадии их эскалации. Одно из важнейших способов нейтрализации конфронтации – это осознанность и легитимация конфликта. Когда он признаётся как реальная угроза социокультурной стабильности и нарушения прав и свободы человека, можно применить различные меры по предотвращению эскалации. Признание конфликтогенной ситуации позволяет обнаружить «скрытые» причины её обострения, уйти от примитивизации в восприятии Другого и найти основания для компромисса, ослабления или этнокультурного консенсуса. Нейтрализация конфликтной напряжённости между этносами является залогом их адекватных, мирных и взаимоуважительных отношений.

Среди наиболее важных и своевременных шагов по предотвращению потенциальных или реальных силовых конфликтных действий можно выделить такие, как легитимации конфликта (официальное признание властными структурами ситуации этнокультурной напряжённости); институционализация конфликта (выработка чётких правил и норм, регламентирующих поведение конфликтующих сторон) [2, с. 140]. Для обеспечения равенства сторон и гласности сложившейся ситуации современные конфликтологи призывают к необходимости введения института посредничества и информационного освещения сложившегося конфликта. Посредник (незаинтересованный этнос, страна, правительство) принимает на себя роль медиатора, при организации переговоров и контроле со-

блюдения принятого регламента поведения). Гласность и открытость, в свою очередь, не позволит скрывать от общества потенциальную угрозу конфликта и даст возможность увидеть её с внешней стороны, рационализировать и осознать.

Важно отметить, что современные конфликтологи утверждают, что сам конфликт представляет собой естественный элемент социального взаимодействия и важно уходить от однозначной интерпретации его деструктивного характера. Акцентируется внимание на допустимости протекания конфликта в конструктивном формате, с потенциальной и принципиальной возможностью управления конфликтными действиями. Так, по мнению Л. Козера «Социально контролируемый конфликт «очищает воздух» для его участников и позволяет продолжение их отношений» [5, с. 61].

Позитивная функция социального конфликта состоит именно в возможности разрядить накопившиеся противоречия и снять напряжённость, однако речь здесь именно о той стадии конфликта, в которой возможно его контролировать и перенаправлять. Также отмечается позитивная роль конфликта для формирования и укрепления психоэмоционального чувства внутреннего единства, фиксации границ своей этнокультурной символической среды и отличия себя от другой группы. Так, конфликт может послужить своего рода катализатором внутригрупповой сплочённости и активизации интереса к собственной истории и культуре. Однако самое распространённое и наиболее часто встречаемое на уровне международных отношений проявление позитивной роли конфликта – это оценивание сил соперника и осмысление участниками конфликтной ситуации последствий применения этих сил. А соизмерение сил противоборствующих сторон даёт возможность адекватно спрогнозировать дальнейший ход развёртывания противостояния для всех субъектов. Эта особенность протекания конфликта выражена в так называемом «зиммелевском парадоксе»: «Наиболее эффективным средством предотвращения борьбы является точное знание сравнительной силы обеих сторон, которое очень часто может быть получено только в результате самого конфликта» [5, с. 62] Как резуль-

тат такого осознания последствий конфликтной ситуации является наращивание военной мощи, демонстрация сопернику собственной силы и потенциальной возможности вступить в конфликт. Парадоксальность заключается в том, что наличие конфликта и осознание его последствий выступает сдерживающим механизмом от самих конфликтных действий.

Однако для осуществления потенциальных управленческих действий в рамках конфликтной ситуации важно чётко дифференцировать типы, причины и этапы конфликта. Этнический конфликт, являясь разновидностью социального конфликта, обладает его инвариантными характеристиками (наличие субъектов, биполярность, активная форма противостояния и т. д.), при этом отличается рядом особенных характеристик: исторической обусловленностью, выходом на уровень национальных отношений, длительным влиянием на коллективную память и психологию этноса. Вместе с тем, правомерно отметить, что кроме деструктивной роли этноконфликта, можно говорить и о возможном конструктивном значении.

Безусловно, степень обострения этнических взаимоотношений достаточно варьируема: от общего недоверия и конструирования этнопсихологического портрета общего «врага» до реального применения насилия. Однако до того, как конфликт выходит на уровень эскалации, когда возможна его нейтрализация и управление, внешняя угроза со стороны одной этнокультурной группы может способствовать повышению уровня адаптационных способностей для другой, её внутригрупповой идентичности и сплочённости. Но в силу масштабности, длительности и серьёзности последствий межэтнических конфликтов, их разрешение и управление сегодня является одной из центральных задач как на правительственном, так и на межличностном уровне взаимодействия.

Список литературы

1. Алешковский И. А. Нелегальная миграция как феномен глобального мира // Век глобализации. 2014. № 2. С. 129–136.
2. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2015. 576 с.

3. Гуськов А. Я., Алексеев С. В., Говядкин И. Е. Конфликтология: учеб. пособие для бакалавров. М.: Проспект, 2013. 176 с.
4. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта: учеб. пособие для студ. вузов. М.: Аспект Пресс, 1996. 317 с.
5. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея Пресс, 2000. 205 с.
6. Курбачёва О. В. Социально-философский анализ формирования социокультурной идентичности у мигрантов // Философия и социальные науки. 2016. № 4. С. 48–53.
7. Лучшева Л. В. Современные концепты причин этнических конфликтов // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 206–209.
8. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Проспект, 2009. 368 с.
9. Тавадов Г. Т. Этнология. М.: Проект, 2002. С. 309–312.
10. Aleshkovski I. International Migration and Globalization: Global Trends and Perspectives // Journal of Globalization Studies. 2016. No. 2. Pp. 32–48.

УДК 129

Надежда Дмитриевна Субботина,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: dialectica@yandex.ru

Марина Николаевна Фомина,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: marf_05@mail.ru

Социальные и естественные факторы межэтнических конфликтов и способы их преодоления

Объектом исследования является проблема естественных и социальных факторов межэтнических конфликтов. Авторы выделяют две основные причины межгрупповых конфликтов, разновидностью которых являются конфликты межэтнические. По мнению авторов, такими причинами являются склонность человека к агрессивному поведению и закономерности естественно-групповых отношений. В статье

даётся анализ сущности закономерностей естественно-групповых отношений, их разновидности. Утверждается, что биологическая эволюция создала человека как группового человека, и его поведение во многом определяет инстинкт коллективного самосохранения. В статье отмечается, что в основе закономерностей естественно-групповых отношений лежит стремление группы подчинить поведение человека групповым интересам. Также анализируются возможные пути преодоления межэтнических конфликтов.

Ключевые слова: межэтнические конфликты, закономерности естественно-групповых отношений, суггестия, инстинкт самосохранения группы

Nadezhda D. Subbotina,

*Doctor of Sciences (Philosophy), Professor;
Professor of the Philosophy Department ,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: dialectica@yandex.ru*

Marina N. Fomina,

*Doctor of Sciences (Philosophy), Professor;
Professor of the Philosophy Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: marf_05@mail.ru*

Social and Natural Factors of the Interethnic Conflicts and Ways of their Overcoming

Object of a research is the problem of natural and social factors of the interethnic conflicts. Authors allocate two main reasons for the intergroup conflicts which kind the conflicts interethnic are. According to authors, the tendency of the person to aggressive behavior and regularity of the natural and group relations is such reasons. In article the analysis of essence of regularities of the natural and group relations, their versions is given. It is claimed that biological evolution created the person as the group person and his behavior in many respects defines an instinct of collective self-preservation. In article it is noted that the aspiration of group to subordinate behavior of the person to group interests is the cornerstone of regularities of the natural and group relations. Also, possible ways of overcoming the interethnic conflicts are analyzed.

Keywords: interethnic conflicts, regularities of the natural and group relations, suggest, instinct of self-preservation of group

Начало XXI века связано с множеством межгосударственных, межконфессиональных и других межгрупповых конфликтов, в том числе и межэтнических. Хотя в середине прошлого века, после завершения Второй мировой войны у большинства стран и народов были чёткие ощущения, что всё плохое позади и впереди всех нас ждёт мирное сосуществование. В чём причина того, что надежды не осуществились?

С философской точки зрения, анализ любого социального феномена предполагает ответить на вопрос, какую роль играет этот феномен в жизнедеятельности общества. Так вот, межгрупповой конфликт изначально, со времени формирования общества, выступал как один из способов самосохранения группы.

Прежде чем приступить к обоснованию данного тезиса, кратко остановимся на двух, на наш взгляд, основных факторах конфликтов.

Очевидно, что одна из основных причин конфликтов, в том числе конфликтов межэтнических (а именно в последних степень конфликтности бывает необоснованно высока) – агрессия. В последние десятилетия опубликованы результаты множества исследований, выдвинуто несколько гипотез о причинах агрессии. В своих работах мы также обращались к этой проблеме, анализировали основные теории причин агрессии, предлагали структуру естественных и социальных факторов агрессивного поведения [5]. Большинство авторов пытается ответить на вопрос: реально ли искоренить агрессивность. А ответить на этот вопрос можно лишь после того, как станут окончательно ясны причины агрессивности и их принадлежность либо к природному в человеке, либо к социальному.

Исследователи выделяют множество социальных причин агрессии, среди которых называются экономические и политические противоречия, демонстрация насилия в кино и на ТВ, наличие оружия у населения, бедность и другие. Если эти факторы рассматривать по отдельности, то каждую из них, в принципе, можно устранить. Конечно, это не лёгкая задача, но при желании, при объединении сил неагрессивного

большинства, при достаточном количестве ресурсов и других сложно формируемых условий можно, по крайней мере, попытаться, как к идеалу, стремиться к бесконфликтным общественным отношениям.

Таким образом, если главная причина агрессивного поведения, которое, в свою очередь, является одной из основных причин конфликтов, заключена в обществе, то теоретически победить её можно. Однако на сегодняшний день уже доказано, что способность к агрессивным формам поведения является атрибутом естественной природы человека. Человек в ситуациях, когда затрагиваются его интересы, способен проявлять агрессию в большей, или меньшей степени. Степень же агрессивности зависит, во-первых, от генетической предрасположенности, а во-вторых, от уровня критичности конкретной ситуации.

Поэтому искоренить естественные причины агрессии можно лишь путём вмешательства в генетическую природу человека, и такие идеи высказываются всё чаще, особенно в направлениях трансгуманизма и постгуманизма. Противники такой идеи, к которым мы также принадлежим, доказывают, что при этом неизбежно будет уничтожен сам человек, Homo sapiens и вместо него будет создано нечто иное. Что именно, мы не знаем, можем только догадываться. Логически можно предположить, что, поскольку природа человека формировалась на протяжении всей предыдущей естественной эволюции для жизни в условиях постоянной борьбы и конкуренции, постольку новый постчеловек¹ будет вялым, равнодушным. Он вместе со склонностью к агрессии утратит и чувство собственности, стремление к лидерству, к конкурентности и наверняка будет проигрывать в грядущих критических ситуациях. Если же некая группа людей, оставаясь с существующим набором генов, найдёт способ посредством генетических манипуляций изменить всех, кроме себя самих, то осуществится в реальности антиутопия, что, конечно же, не будет благом для челове-

---

¹ Точнее, одна из разновидностей постчеловека, лишённая способности к агрессивному поведению, хотя в планах сторонников этой идеи есть и другие, в том числе и прямо противоположные разновидности.

чества. Следовательно, поскольку агрессивность, которая является одной из главных причин межгрупповых конфликтов, обусловлена естественной природой человека, то полностью преодолеть её нельзя. Можно лишь держать её под общественным контролем.

В то же время, существует ещё одна, пожалуй, более серьёзная причина межгрупповых (в том числе и межэтнических) конфликтов. Более опасной она является потому, что её труднее контролировать со стороны общества.

Чтобы проанализировать эту причину, обратимся к понятию конфликта. Авторы хорошего учебного пособия «Конфликтология социальных групп и организаций» исходят из того, что «Конфликт – это противоборство двух или нескольких субъектов и/или социальных групп, осознавших противоположность своих интересов и целей и воспринимающих их как несовместимые с интересами и целями другой стороны» [1, с. 43]. То есть, можно предположить, что, если между двумя субъектами, или группами нет противоположных интересов и целей, то и конфликт между ними невозможен? Однако, как объяснить ситуации, когда конфликты возникают, как говорится, «на пустом месте»? Или, когда степень величины (или, как говорят, «глубины») конфликта не соответствует степени противопоставления интересов и целей? Бывает, два человека, или две группы с явно противоположными интересами, могут договориться, при этом в других ситуациях из-за ничтожной мелочи разгорается скандал невиданной степени накала, который может перерасти даже в вооружённый конфликт. При этом мы вовсе не хотим отвергать как главную причину конфликта противоположность интересов и целей. Просто интересы и цели не всегда осознаются; порой они заключены в биологии и психологии человека и, не осознаваясь нами, воздействуют на наши поступки. Такой, лишь частично осознаваемой целью, существующей на генетическом уровне, является инстинкт самосохранения группы. То есть, помимо индивидуального инстинкта самосохранения, в каждом из нас заложен инстинкт, требующий от нас поступать так, чтобы группа, к которой мы принадлежим, оставалась в безопасно-

сти. Инстинкт группового самосохранения может в некоторых ситуациях, порой критических, перевешивать индивидуальный инстинкт. Примерами служат не только многочисленные подвиги, но и обыденная обязательность большинства людей, терпеливость, забота о детях и окружающих. А так как группа (в нашем случае, этническая, хотя возможна любая другая) имеет свою культуру или просто особенности, то инстинкт требует сохранять и их.

Человек по происхождению – групповое существо, жить вне группы он не может, поэтому групповые ценности являются высшими ценностями уже на генетическом уровне. В то же время, индивидуальный инстинкт самосохранения у человека уже очень давно осознался на мыслительном уровне, и поэтому современный человек далеко не всегда склонен защищать групповые интересы в обыденной жизни. Когда же он подвергается воздействию массового поведения, его сознание становится составной частью массового сознания, в котором растворяется его личность, его единственным мотивом поведения становятся интересы группы. При этом стремление защитить эти интересы начинает превалировать над всеми другими стремлениями, возникает толпа, которая может принести много вреда. Об этом достаточно написано, поэтому мы не будем останавливаться на данном аспекте проблемы.

Если индивидуальную агрессию, как говорилось выше, может сдерживать общество посредством моральных норм и социальных институтов, то в случае, когда само общество в виде большей или меньшей группы людей будет вовлечено в конфликтную ситуацию, то внешний контроль над ними будет осуществлять гораздо сложнее. В случае же, если такой группой станет целое государство, внешнего контроля уже не будет вовсе. В такой ситуации агрессия из осуждаемой формы поведения превращается в доблесть.

Причину, которая приводит к подобным ситуациям, один из авторов этой статьи ранее обозначил как *закономерности естественно-групповых отношений*. Этим понятием охватываются закономерности отношений, основанные на общественных инстинктах людей [3, с. 17, 238–273]. Таких законо-

мерностей довольно много, они были открыты психологами и социологами. Это конформизм, социальная фасилитация, огруппление сознания, социальная ингибция и другие. Для всех их характерна общая тенденция – стремление группы объединить людей и физически, и психически, и интеллектуально, подчинить их какой-либо общей задаче и подавить в людях всё индивидуальное [4, с. 54].

В современной конфликтологии довольно подробно разработан вопрос о факторах конфронтационного поведения. Когда говорят о факторах межгрупповых конфликтов, к ним относят *«внутригрупповую предрасположенность, групповое мышление, социальную идентичность <...> социально-экономические, политические и культурно-исторические условия функционирования социума <...> важными факторами конфронтационного сознания и поведения являются также социальная напряжённость и дезинтеграция»* [1, с. 158]. Из названных исследователями причин группового конфликта первые две относятся, на наш взгляд, к естественно-групповым закономерностям, три последних – к социальным причинам; социальная идентичность – по происхождению имеет естественный механизм, а по форме она социально организована. Групповому человеку просто необходимо определиться, к какой группе он принадлежит. Осознание этого и происходит в виде определения собственной идентичности.

Подчинение человека интересам группы происходит посредством суггестии, которую можно определить, как способ управления поведением людей. Этот способ возник на основе естественных дочеловеческих механизмов управления поведением в животных популяциях. Биологическая эволюция выработала механизмы управления поведением отдельных особей посредством определённых звуков, жестов, поз, запахов и прочих актов, основанных на физиологических возможностях животных. В человеческом обществе из всего перечисленного частично остались жесты и позы, а звуки оформились в человеческую речь, возникшую одновременно с мышлением.

Самым, пожалуй, распространённым естественным механизмом, основанным на суггестии, является конформизм.

В. А. Светлов пишет: «Явление конформизма убедительно объясняет происхождение культурной дифференциации социальных групп. Культурные различия возникают как тривиальное следствие принятия членами группы местных стандартов поведения согласно принципу парохимального альтруизма “возлюби ближнего своего и возненавидь всех остальных”». В этнографических исследованиях – продолжает Светлов, – этот принцип известен в качестве идейной основы этноцентризма» [2, с. 129–130]. Понятно, что первобытные люди, также как до них небольшие стада коллективных животных, могли выжить, только тесно сплотившись. Для этого человек должен верить, что только образ жизни, одежда, традиции его племени являются единственно правильными, и только соплеменники могут быть красивыми. Отсюда и этноцентризм.

Нас от предков отделяют много веков, а этноцентризм на уровне сознания преодолевается чрезвычайно медленно. А на подсознательном уровне он, возможно, остаётся в неизменном виде, так как связан с генетической основой нашей психики. В критический период отношений двух этносов этноцентрические настроения обостряются и конфликт начинает развиваться по спирали. На каждый выпад одной стороны противоположная сторона отвечает более сильным выпадом. Постепенно представители противоположного этноса деперсонифицируются. Вместо имён вспоминаются старые ярлыки – например, «москалы» и «хохлы»; при разрастании конфликта формируются новые ярлыки, типа «ватников» и «укров». И за короткое время два братских народа могут переродиться в непримиримых противников. Остановить это можно только путём личного общения. Только вместе можно вспомнить, что у нас очень много общего, которое нас объединяет.

Вообще, противоречия между группами, в том числе между этносами можно преодолеть, только создав более широкую группу, где все *наши* и нет других, *чужих*. Это чрезвычайно сложно, так как помимо идеологических, мировоззренческих, религиозных разногласий, большую роль играют экономические и политические. Богатые люди не хотят делиться своим богатством, а, напротив, хотят его преувеличить, наживая себе

экономических соперников. А политические лидеры, главы государств не хотят терять свою маленькую власть, а хотят приобрести ещё большую, желательно имперскую.

Таким образом, в общественных отношениях можно выделить естественно-групповую и социально-групповую составляющие, которые переплетены между собой и какой-либо из этих двух видов отношений может преобладать в определённых ситуациях. Основным способом преодоления межгрупповых конфликтов является личное общение. Для этого желательно создавать межэтнические организации на уровне гражданского общества. Проводить всевозможные встречи, спортивные и культурные мероприятия и прочее. Большую роль должно играть воспитание молодёжи, а лучше детей с самого раннего возраста, когда им ещё не внушили презрения или ненависти к другим этносам. А. С. Козлов, Е. В. Левина и П. А. Эстрова в качестве одного из способов предотвращения конфликтов называют также «формирование навыков неконфронтационного и конструктивного поведения» [1, с. 156].

Несомненно, задача чрезвычайно сложная. Но ведь смогло же человечество начать путь к возникновению единства в середине прошлого века, потеряв перед этим из-за межгрупповых конфликтов многие миллионы людей, но сумев опомниться, объединиться, создать международные организации типа Организации Объединённых Наций, на которые возлагались многие надежды! Должны и мы в наше время внести вклад в это благое дело.

Список литературы

1. Козлов А. С., Левина Е. В., Эстрова П. А. Конфликтология социальных групп и организаций. М.: Ленанд, 2015. 272 с.
2. Светлов В. А. Конфликт и эволюция: от генетических конфликтов к конфликту поколений. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 160 с.
3. Субботина Н. Д. Проблема соотношения естественного и социального в обществе и в человеке: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Улан-Удэ, 2002. 399 с.
4. Субботина Н. Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе. М.: КомКнига, 2006. 208 с.
5. Субботина Н. Д. Естественные и социальные составляющие агрессии // Гуманитарный вектор. 2010. № 4. С. 88–99.

**ЕСТЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ПРИРОДЕ
ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ**

**NATURAL AND SOCIAL IN HUMAN NATURE
AND PUBLIC CONSCIOUSNESS**

УДК 316:4

Роман Викторович Иванов,
*доцент кафедры государственного
и муниципального управления,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия,
e-mail: history2002@bk.ru*

**Источники формирования
идеологического пространства в России**

В статье приводится анализ классических идеологий и рассматриваются проблемы формирования идеологического пространства в России, оценивается роль экономики в создании современной национальной идеологии и формирование моделей поведения в современном обществе.

Ключевые слова: идеология, общество, современная Россия, система, принципы

Roman V. Ivanov,
*Associate Professor of the Public
and Municipal Administration,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia,
e-mail: history2002@bk.ru*

Sources of Formation of Ideological Space in Russia

The analysis of classical ideologies is provided in article and problems of formation of ideological space in Russia are considered, the economy role in creation of modern national ideology and formation of behavior models in modern society is estimated.

Keywords: *ideology, society, modern Russia, system, principles*

Обращаясь к полемике по поиску общенациональной идеологии, следует отметить, что не существует другого продукта человеческого сознания, который бы пережил в нашей стране столько изменений, как идеология. Мировая политика выработала множество идеологических систем. Основными разновидностями современной политической идеологии являются либерализм, консерватизм, коммунизм, социал-демократизм, каждая из которых имеет свои истоки, социальную базу и т. д. В современной России для создания идеологии существует ряд разнообразных экономических, социальных и националистических источников, связанных с противоречивыми взглядами партии власти, либералов и коммунистов.

В период правления И. В. Сталина, созданный им образ идеологии, объявленной наукой, становясь и оформляясь, быстро стал не чем иным, как новым сознанием, обслуживающим номенклатуру, безжалостно подмявшим под себя всякое свободомыслие и задушившим любое инакомыслие, что для прогресса было смерти подобно [3, с. 112]. В период 1950–1980 годов началось робкое освобождение от этой идеологической составляющей, круговерть идеологических метаморфоз, казалось, остановилась на принципе идейного плюрализма и закрепились в ст. 13 Конституции: «В Российской Федерации признаётся идеологическое разнообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной...» [4, с. 6].

При попытке изложить общее содержание идеологии, определение звучит следующим образом: комплекс идей, направленных на реализацию определённой общественной цели, которая, направляя массы и организуя их, превращается в мощную материальную силу, способную не только разрушить устаревшие общественные порядки, но также создать и защитить новые. При попытке увязать общественно значимую роль идеологии с интересами индивида важно, что суть политической жизни вырастает из того обстоятельства, что человек – существо общественное, что он ведёт человеческий, а не животный образ жизни, ибо каждый ищет и имеет определённый смысл жизни. В этой связи Ф. М. Достоевский писал: «Тайна бытия, человеческого бытия не в том, чтобы только жить, а в том, ради чего жить. Без твёрдого представления, ради чего жить, человек не согласится жить и скорее истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его все хлеба были» [2, с. 279]. В данном случае речь идёт не о том смысле жизни, который связывают с борьбой за социальные идеалы, с идеологией вообще, а о смысле жизни в более узком, индивидуально-личностном плане. Однако не стоит отказываться от того, что на протяжении всей истории цивилизации политики и политические партии широко использовали эту специфическую черту человеческого бытия, выдвигая свои лозунги, политические призывы, формулируя идеалы, стараясь таким путём наполнить собственным содержанием смысл жизни каждого, чтобы сделать его приверженцем данной партии, её идеологии.

Сторонники марксизма исследовали идеологию на основе изучения процесса общественного производства и общей структуры общества. Экономические отношения образуют основу общества, над которой возвышается юридическая и политическая надстройка. В связи с этим речь идёт об идеологии первого порядка (это государство) и об идеологии второго порядка, куда входили все формы общественного сознания. Причём оба уровня идеологии являются иллюзорными формами осознания и отражения действительности, поскольку государство, создаёт вовсе не зеркальное, а весьма своеобраз-

ное воспроизведение существующего, где многие реальные отношения выглядят или перевернутыми, или грубо искажёнными. Именно этими обстоятельствами определяется то, что наблюдается на всех уровнях существования идеологии: т. е. и государство и формы общественного сознания затемняют и заслоняют собой подлинный предмет научного сознания – процесс материального производства, который является детерминирующим элементом общественной структуры. Идеология оказывается ложным сознанием также потому, что в ней материальные интересы лишены своей первичной значимости, а идеальные силы выступают как конечные причины движения истории.

В России идеология либерализма начала распространяться с конца XVIII в., однако вплоть до 1917 г. она так и не обрела достаточно широкой социальной базы, осталась в основном идеологией интеллектуальной элиты, политическим представителем которой в начале XX в. была партия конституционных демократов (народной свободы). В результате событий 1917 г. либерализм был исключен из политической жизни страны. В настоящее время либерализм так и остался идеологией политической, экономической и интеллектуальной элиты российского общества, не имеющей сколько-нибудь широкой социальной базы. «Угроза потери национальной самобытности сохраняется и в настоящее время. Причиной этого является продолжающийся сохраняться опасный дисбаланс векторов цивилизационного развития» [1, с. 135].

Идеология консерватизма в современной России исповедуется так называемым национал-патриотическим движением, которое отвергает как коммунизм, так и западную демократию, выдвигая в качестве своей цели возрождение России на органически присущих ей, традиционно сложившихся условиях: сильном едином государстве, православии как основе духовной жизни, верности национальным традициям русского народа.

Для социал-демократической идеологии характерны такие принципы, как справедливость, равенство, солидарность. В экономической сфере социал-демократия ориентируется на

смешанную экономику, включающую частную, государственную и общественную формы собственности, конкурирующие между собой. В политической области концепция социал-демократии базируется на плюрализме, многопартийности, свободных выборах, правах человека, правовом государстве.

В современной России на основе единства русской нации и патриотизма существуют источники для возникновения национальной идеологии, для которой современный политолог О. В. Вольтер приводит следующее определение: «система идей, выражающая и защищающая интересы и ценности наций в сфере государственной власти, разновидность идеологических течений, предполагающая постановку властно значимых проблем в качестве составных частей решения национального вопроса» [Там же, с. 136].

Идеологии свойственно стремление к упрощению и обобщению действительности. Идеи, изложенные в упрощённой форме, воспринимаются людьми легче, чем сложная система научных доказательств, кроме того, идеология выдвигает понятные и привлекательные идеи. Каждая идеология стремится к широкому распространению среди населения (пропаганда). Пропаганда бывает устная, печатная, наглядная, агитация; в XX, XXI веке появились СМИ (средства массовой информации). Каждая идеология претендует на то, что именно она даёт верное знание о мире. Различные политические организации стремятся к распространению в обществе своих оценок прошлого и настоящего, и своё представление о будущем. «В период деидеологизации российского общества получили развитие процессы, приведшие в ряде случаев к стагнации и даже разложению духовной, политической, экономической, семейно-бытовой сфер общества. Предполагалось, что освобождение от оков марксистско-ленинской идеологии даст свободу мысли, обеспечит соответствующий взлет экономики, политики и свободной культуры» [5, с. 258]. За последние два десятилетия происходило возрождение культуры и религиозных идеологий в России. Отвергавшие прежнюю идеологию представители демократической власти в России не соотносили культуру, религию и идеологию как части единого целого,

для них эти категории являются разными сущностями. Роль культуры в формировании ценностных категорий в сознании населения, также не являлась за эти двадцать лет точкой отсчёта для руководителей государства. Для культуры не создаются условия свободного развития, при котором способны сформироваться принципы и основы русского мира, независимого от западных идеологий.

Таким образом, присутствие в организованном социуме идеологии не является случайным феноменом, искусственным довеском к реальной жизни общества. Идеологическая система направлена на решение основной задачи – выживания в уникальной самобытной форме.

Точка зрения в обществе о потребительской роли экономики как сферы, достаточной для нормального функционирования общества, является поверхностной, либо носит провоцирующий характер. Экономика формально-функциональна, она может обеспечивать лишь средства к жизни общества, но стержень его индивидуальности создать не способна. В связи с этим и провозглашённый в годы перестройки в СССР приоритет рынка над идеологией не привёл к экономическому росту, и лишь поставил государства, образовавшиеся при распаде единой страны, в зависимость, как от иностранных экономик, так и от идеологических и религиозных систем зарубежных стран.

В последнее время создаются концепции, запутывающие эту сложную, но принципиально важную проблему. До тех пор, пока речь идёт о мобилизующей и организующей роли идеологии, её способности привлечь на свою сторону массы, повести их за собой, вопрос истинности или ложности, содержащихся в ней идей, целей и идеалов не играет существенной роли. Утопические идеалы и недостижимые цели, а то и просто пустые обещания сплошь и рядом оказываются более привлекательными для масс, чем реальность. Подобные идеи часто собирают вокруг себя самые многочисленные армии сторонников и тем самым обеспечивают пропагандистам подобных идей решающую поддержку в нужное время и в нужном месте.

Основной механизм идеологии связан с осмысленными общественными действиями людей и является побудительной силой, непосредственным импульсом для соответствующих действий. Мотивируя людей к социально-активным действиям, идеология вместе с тем обеспечивает действующим необходимую ориентацию.

На этом фоне утверждается определённая модель поведения, как человека, так и всего общества. В результате идеология и выступает как система идей и представлений, истолковывающих окружающую действительность и побуждающих отдельные социальные группы или общество в целом действовать, приближаясь к поставленной цели.

Список литературы

1. Вольтер О. В. Феномен идеологии в современной России // Вестник Волгоградского гос. ун-та. 2009. № 1. С. 134–139.
2. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: Наука, 1983. Кн. 5. 386 с.
3. Исаков В. Кто и как развалил мою страну. М.: Советская Россия, 1996. 248 с.
4. Конституция Российской Федерации: прин. всенародным голосованием 12.12.1993 г. М.: Норма, 1998. 35 с.
5. Малицкий В. С. Идеология в современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. Вып. 2. С. 256–260.

Галина Григорьевна Коломиец,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и культурологии,
Оренбургский государственный университет,
г. Оренбург, Россия,
e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

Гениальность как проблема соотношения природного и социального

Автор статьи рассматривает взгляды на сущность гениальности в аспекте соотношения природного и социального, подчёркивает парадокс необходимости и случайности в появлении гениев. Источником рассуждений служат философские и искусствоведческие материалы, а также исследования по генетике гениальности В. П. Эфроимсона и выводы по современной молекулярной генетике Е. Д. Свердлова.

Ключевые слова: гений, гениальность, стохастика, творчество, музыкальное искусство, соотношение природного и социального

Galina G. Kolomiets,
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor;
Professor of the Philosophy Department,
Orenburg State University,
Orenburg, Russia,
e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

Geniusity as a Problem of the Relation of the Natural and Social

The author of the article considers the views on the essence of genius in the aspect of the ratio of natural and social, emphasizes the paradox of necessity and chance in the appearance of geniuses. The source of reasoning is the philosophical and art history materials, as well as research on genetics genius V. P. Efroimson and conclusions on modern molecular genetics E. D. Sverdlov.

Keywords: genius, genius, stochastics, creativity, musical art, the ratio of natural and social

Гениями рождаются естественно, при этом гениальность обнаруживается только в социальных условиях – таков главный тезис статьи.

В названии на первом месте стоит слово природное, это значит генетика, наследственность, или божественная природа, божественный дар. Здесь хотелось бы подчеркнуть то, что и с философской точки зрения и с научной – гениями рождаются, вопреки известному в обиходе выражению «гениями не рождаются, а становятся». Чтобы стать гением, надо прежде всего им родиться.

В основе слова «гений» лежит корень слова «ген», указывающий с научной точки зрения на биогенетическую природу. Академик Е. Д. Свердлов, говоря о загадках появления гениев, подчеркивает важность открытия выдающегося советского генетика В. П. Эфроимсона.

Эфроимсон искал научные доказательства наследственных и социальных закономерностей в появлении гениев и выдвинул гипотезу, которую проверял, изучая многие биографии гениев, в том числе и музыкальных гениев. Результатом его исследований стало утверждение его гипотезы, содержащей следующие положения.

1. Гениями рождаются.

2. Гений указывает на существование гигантских потенциальных возможностей «нормального» человеческого мозга. Гений – это не отклонение от нормы в психике, а сверхвысокая творческая активность, заложенная природой, генетикой.

3. Объяснение гения включает три главных понятия, раскрывающие фазы развития гениальности:

а) потенциальный гений (дар природы, биогенетический фактор);

б) развившейся гений (детско-подростковый период, биосоциальный фактор, т. е. благоприятная среда воспитания и образования);

в) реализовавшийся гений (социобиологический фактор, который предполагает общественный спрос на гения, т. е. для реализации гения важно родиться в определённое время и в нужном месте, быть востребованным).

Таким образом, путь от рождения до признания гениальных дел сложный, где гению приходится пройти две пропасти, лежащие между тремя фазами развития и раскрытия гениальности.

С высоты сегодняшнего дня Е. Д. Свердлов указывает на силу стохастики в причинах появления гения. Гениальность появляется случайно, и предсказать её появление не представляется возможным, а тем более воспитать, вырастить гения.

Действительно, техногенная цивилизация XXI века указывает на то, что мы живём в мире, где царствует борьба Хаоса и Гармонии, и в данный момент всемирной истории человечество переживает острое ощущение действия Хаоса, случайности (стохастики). Роль стохастики сильна на разных уровнях. Стохастика, случайность проявляет себя в генетике и поэтому ответа на то, как появляется на свет гений – у науки нет и, пожалуй, не будет. Так заявляет современная молекулярная генетика. Что же мы знаем сегодня о соотношении природного и социокультурного в таком явлении, как гениальность?

Что такое гений?

Гений и гениальность привлекают внимание учёных, поскольку «человек является продуктом космической эволюции» [9, с. 19], он призван взаимодействовать с природной средой, преобразовать мир в творческом процессе. *Творчество* – «божественный дар; космический принцип; родовая идентичность человека» [6]. Творчество – самое необходимое условие существования человечества.

Слово «творчество» долго не применялось к человеку. В Средние века говорили, что Бог – «креаре», Творец, Создатель мира из ничего, а человек – «факире», т. е. он только делает. В эпоху Возрождения стали говорить «человек творец самого себя», в последующие времена: человек – творец культуры.

Творчество отличается новизной и оригинальностью выражения, творчество – это новизна, но не всякая, а высокая степень новизны, которая зависит от гениальности. Приведем несколько определений.

Гениальность – «наивысшая степень проявления творческих сил человека. Связана с созданием качественно новых, уникальных творений, открытием ранее неизведанных путей творчества...» [8, с. 22].

Оксфордский словарь: Гений – это «природная интеллектуальная сила необычайно высокого типа, исключительная способность к творчеству, требующему выражения, оригинального мышления, изобретения или открытия» [10, с. 22].

И. Кант: гений – это дар природы, «это врождённая способность души (*ingenium*), посредством которой природа даёт искусству правила» [3, с. 180]. Кант определяет признаки гения:

- природный дар;
- новизна и оригинальность;
- творчество гения является образцом, примером для других;
- гений сам не может описать, как он создает свое произведение. Поэтому «слово гений есть производное от *genius*, своеобразного, данного человеку при рождении, охраняющего его и руководящего им духа, который и внушает ему эти оригинальные идеи» [Там же, с. 181].

Немецкий философ XX века Теодор Адорно считал, что под термином «гениальный» понимается момент отчуждения от индивидуального Я под давлением обстоятельств дела, который является символом и обозначается термином «гениальный» [1, с. 247]. Как видим, подчёркивается абсолютная природность гения (особый индивид). У Канта гений – обособленный (трансцендентальный) субъект.

С трансцендентального субъекта понятие гения переносится на эмпирического, реального художника в эстетике Гёте, для которого характерна «потребность наделять действительность поэтической формой» и который смысл своего существования видел в вечно живом стремлении к созиданию, поскольку именно искусство он понимал, как предвосхищение, антиципация рационального знания. В этом значении художник превосходит природу и достигает божественного, демонического, при этом «творческий процесс развивается подобно игре действия и противодействия между природой и художником» [2].

«Гениальное, – пишет Теодор Адорно, – представляет собой некий диалектический узел – в нём переплетено всё,

чуждое шаблону, не повторяющее пройденного, свободное, но в то же время несущее в себе чувство необходимости, парадоксальный фокус, проделываемый искусством на основе одного из самых надежных его критериев. Гениальное – это некая противоречивая ситуация, нечто объективное, носящее глубоко субъективный характер..., ибо плод свободной фантазии и необходимое никогда, в сущности, не сплавляются воедино» [1, с. 250].

Всё же понятие «гений» не тождественно креативному субъекту в социальном смысле, субъект как представитель деятельности и индивид – разные понятия.

Гений и талант различны

Гений представляет собой не просто высшую степень одаренности, а связан с созданием качественно новых творений. Эстетик Е. Г. Яковлев указывает, что гениальность имеет качественное отличие от таланта, для которого характерны природные предпосылки, реализуемые в творчестве, оригинальность, новизна. Гений к тому же обладает даром глубочайшего проникновения в глобальные проблемы бытия, проблемы человеческой жизни, способностью узреть зарождающееся в духовной жизни, культуре [11, с. 244].

Здесь уместно привести слова Ф. Шлегеля о том, что искусство участвует в процессе развития человеческой истории, оно не следует за историей, а творит человеческую историю.

Если талант – неповторимая индивидуальность с присущей ей оригинальностью мышления, то гений, по словам Плеханова, выдающаяся личность, великий человек, в своём творчестве он исключительная личность [Там же, с. 245].

В. П. Эфроимсон считал, что у человека существуют две наивысшие взаимодополняющие части космического долга. Это:

- 1) долг по отношению к себе как реализация своих способностей и возможностей;
- 2) долг по отношению к другим, исполнение которого осуществляется на благо человечества, всего человеческого вида в целом.

Различая гений и талант, Эфроимсон приходит к выводу: «Гений делает то, что должен, талант – то, что может» [10, с. 23]. Иначе говоря, гений не подвластен себе, он следует

своей детерминированной сущности, роковой обречённости творить. Он, гений, творец, по словам великого Леонардо, – счастливый смертный бог.

Почему счастливый? Потому что живёт творением совершенного, идеально воплощает свои идеи, он знает своё предназначение, осознаёт смысл своей жизни. Ему удаётся то, что сравнимо с божественным творением. Он творит на века. Примером может служить случай с Микеланджело. Когда в Италии, во Флоренции выпал снег, и Микеланджело попросили вылепить из снега фигуру, то он ответил, что снег растает, а он творит на века, в этом его смысл творчества.

Интуитивное знание своего предназначения, подчинение всего себя своему творчеству двигала великим композитором Л. Бетховеном, написавшим большую часть творений, будучи глухим.

«Бетховен чувствовал себя беспредельно могучим, даже умирая» [Там же]. А в молодые годы, когда его поразила болезнь глухоты, Бетховен написал в своём завещании, что он не может уйти из жизни, не свершив всего, к чему предназначен.

Гении действовали, сознавая что-то вроде внутреннего призыва, примерно такого, как сказал Гёте: «И если в тебе нет этого – умри, но стань! – то ты лишь скорбный гость на мрачной земле» [Там же].

Особенностью гения являются целеполагание и способность к титаническому труду, абсолютная одержимость в создании совершенства. И. С. Бах оставил труды, которые уже по своему объёму представляются непостижимыми. Моцарт, несмотря на короткую жизнь в 35 лет, создал великие произведения. Жизнь Моцарта была одержима творчеством. Современникам казалось, что он ведёт беспечный образ жизни в Вене с 1781 года, когда он освободился от службы у Зальцбургского архиепископа, так как каждый вечер устраивались вечера, и казалось, что искусство достаётся ему легко, но у него была фантастическая целеустремленность. На самом деле в его голове происходила непрерывная музыкальная работа.

Гениями рождаются, но важны условия воспитания и образования, на что обращает внимание Эфроимсон. Решающим шагом является становление ценностных ориентаций, целеполагания, стимуляции дарования.

Музыкальный гений, как правило, рождался в музыкальной семье, он с детства считал музыку «душой своей», самым важным делом на свете, смыслом своей жизни. Здесь играла роль музыкальная наследственная предрасположенность – это абсолютный слух, разительная музыкальная память, любовь к музыке – всё это нужные, но всё же недостаточные условия. Необходима сверхсильная мотивация, увлечённость, стремление к творению. Так, к примеру, Ф. Шопен обладал сверхвысокой восприимчивостью к музыке, ко всему, что его окружает, впечатлительность вела к богатой фантазии. Ему повезло, что домашняя обстановка погрузила его с младенческих лет в мир звуков, чему способствовала его *мать, которая была хорошей пианисткой*, и он не мог слушать её игру без слёз.

В детско-подростковом возрасте правильное воспитание сводится к тому, чтобы у гениев и талантов не была упущена стадия формирования увлечённости и этической ориентации. При формировании одарённого ребёнка велика роль любящей матери, воспитание моральным чувством, любовью, альтруистическим порывом. Важны нравственные качества: становление совести, человечности, «без которых талантливый и даже гениальный человек может стать и преступником, и эксплуататором чужих дарований, и душителем чужого таланта...» [10, с. 68].

Ценностные установки в детские годы формируют этическую составляющую личности, но не являются правилом, гений и злодейство, к сожалению, совместимы, могут одновременно уживаться в человеке, вопреки крылатой фразе из пушкинской трагедии «Моцарт и Сальери». Эфроимсон писал по этому поводу: «Старый вопрос о совместимости «гения и злодейства» давным-давно историей был решен положительно, хотя Сальери, конечно же, не отравил Моцарта. За много лет до смерти Моцарт дважды был на краю гибели из-за невыносимой болезни почек, от которой он и умер,...» [Там же].

Значит, чтобы гениальность выразилась счастливым образом и благом для человечества следует использовать аксиологический подход, ориентированный на формирование

этических ценностей. Добро и зло в жизни и творческая идея в искусстве – разные вещи, этическое и эстетическое расходятся.

Эфроимсон изучал *наследственные факторы, которые стимулируют умственную активность*.

Это некоторые биологические особенности, даже болезни, такие как гиперурикемия (подагра), гипоманиакальная циклотимия, повышенный уровень андрогенов и «гормональные» синдромы, (мужская половина человечества более продуктивна), высоколбие – эти качества встречаются у гениев статистически чаще, чем среди обычных людей. К гениальности более склонны мужчины.

Изучив биографии и патографии гениев по сохранившимся медицинским материалам, учёный приводит большой перечень великих деятелей истории и культуры, обладавших подобными биологически унаследованными факторами. Например:

– к «подагрическим гениям» (урикемия – отложение в различных тканях организма моноурата натрия или мочевой кислоты, артрит) Эфроимсон относит Бетховена наряду с Петраркой, Монтенем, Лейбницем, Кантом, Вольтером, Рембрандтом и др.;

– к гипоманиакальным (циклотимия – колебания нервно-психического тонуса в виде периодов нерезкого возбуждения или слабо выраженной подавленности) он относил Р. Шумана, Гуго Вольфа, Джонатана Свифта, Торквато Тассо, Ван Гога, З. Фрейда, Э. Хемингуэя и др. При этом Эфроимсон делает вывод, что гипоманиакальные отклонения могут быть стимулом, но не определяют саму гениальность. В смешанных биофакторных типах встречаются такие гении как Мартин Лютер, Гёте, Пушкин, Дарвин, Шопенгауэр, Диккенс.

Вместе с тем, учёный отмечает, что нельзя дать медицинскую характеристику депрессии и быстрым сменам настроения, которым отличался Доницетти, или объяснить переход Россини от фантастической продуктивности к сорокалетней бездеятельности, который за 13 суток с фантастической скоростью написал оперу «Севильский цирюльник» и много других

опер. Эфроимсон показал, что наследственность, биохимические особенности организма, влияют на характер личности гения и его поведение. Но он не считает, что гениальность обречена на ненормальные психические состояния, психоз.

Главный вывод Эфроимсона заключается в другом: Гениальность – «это существование гигантских резервных возможностей, гигантских потенций «нормального» человеческого мозга. Потенций, которые нуждаются в развитии, волевой стимуляции и возможностях реализации для того, чтобы творить очень талантливые и даже гениальные дела» [10, с. 24].

Американский психоаналитик Р. Мэй критикует распространённую точку зрения, что «творчество – это невротическое состояние» [5, с. 41]. Творчество отнюдь не продукт невроза. Процесс творчества необходимо рассматривать не как результат болезни, или перенос чувств или влечений, как утверждает теория сублимации, а как признак полного эмоционального здоровья, как проявление самореализации нормальных людей. Гении – тоже люди, они, как и другие могут болеть, болезнь может быть стимулом творчества, но не причиной.

Гениальность и талант могут быть реализованы только в благоприятных социокультурных условиях жизни общества для раскрытия творческих возможностей.

Замечено, что гении и таланты появляются «вспышками», группами в те исторические, социокультурные периоды, когда складываются благоприятные условия для развития и реализации потенциальных возможностей. «Вспышки» проявленной гениальности обусловлены стимулирующей средой. Например, творчество музыкальных гениев Древней Греции не дошло до нас, так как почитались философы, ораторы, политики, скульпторы и драматурги. Что касается музыки, то она почиталась как наука, музыкальная теория наряду с геометрией и астрономией. В эпоху Ренессанса, когда произошло провозглашение гуманизма, центральным в этико-эстетической мысли стало достоинство человека, которое заключается в его возможной досотворённости самого себя, открывая путь к науке, знанию, искусству. В эту эпоху возникает массовый спрос на живопись, создающей чудо зрительной иллюзии.

Художники эпохи Возрождения, гении создавали реальность, приближённую к действительности (время, когда не было фотографии, кино).

Решающее значение для реализации гения, как отмечает Эфроимсон, имеет «общественный спрос», удовлетворение «социального заказа» на гениальность. Информационные и социальные кризисы способствуют повышению значения гениальности.

О гениальности много писали в философии, особенно в XVIII, XIX веках. В XIX веке в появлении гениальности считали решающим фактором наследственность и воспитание, в XX веке условия воспитания и влияние социума, окружающая среда. Современная наука, по словам Сврдлова, считает, что гипотеза Эфроимсона интересна и во многом верна, но мир ещё сложнее, чем мы полагаем. Выдвигается значительная роль третьего фактора – стохастики, случайности. Стохастика играет роль в эмбриональном развитии в том смысле, что «некодируемый геном имеет индивидуальную вариабельность» [7, с. 131] (значит, точного кода нет или он для нас тайна).

Сегодня мы не можем ни предсказать, ни запрограммировать гения с помощью биомедицинских технологий. Сврдловым приводится ироническая история, как в Америке пробовали воспроизвести гениев искусственно из спермы нобелевских лауреатов, от трёх доноров родилось 215 потомков, но ни один не был одарённым.

Гениальный индивидуум – это редкий, счастливый случай.

Главное в гениальности:

1) генетическая предрасположенность, но как она передаётся, когда в момент зачатия возможен миллиард вариантов и что зафиксировано в эмбрионе – неизвестно;

2) реализации гения не всегда способствует социокультурная среда, социальное должно отвечать духу гения, т. е. только счастливое соотношение естественного и социального дают миру гениев.

Если есть индивидуальные ненаследуемые качества, то клоны и клонирование не представляются возможными (пока их нет).

Есть ещё один момент в том, как играет стохастика, где наследственные факторы оборачиваются «злой» шуткой. Встречаются дети и взрослые люди необычайно одарённые, но не ставшие гениями и вовсе не по причине воспитательных и социокультурных условий. Например, некий ребенок – Дорон Блэк в США обладал невероятным природным даром: в 2 года пользовался сознательно компьютером, в 5 лет освоил шахматы, в дошкольный период изучал алгебру, но ничего нового, творческого, гениального в будущем не изобрёл.

Знать, уметь и творить – вещи разные. Таких природно одарённых людей, но не ставших гениями называют аутистами. Один аутист мог наизусть воспроизвести 9-томный музыкальный словарь. Другой, музыкант-аутист «Слепой Том» после разового прослушивания музыкального произведения мог сразу воспроизвести его на пианино абсолютно точно. Но это не гении, так как атрибут гения есть творчество, непревзойденная новизна на века. В этом смысле данные IQ тоже не имеют отношения к творчеству.

В порождении новых идей работают разные типы мышления, а не простое воспроизводство, память, интеллект, аналитика – всё это недостаточно для гения, творящего новые гениальные идеи и произведения.

Заключение. *Гений – это природа и творчество.* Гениями рождаются, а для раскрытия гениальности нужны многие социальные факторы. В антропологическом и социальном измерении переплетаются необходимое и случайное, возможное и вероятное, но вывести какую-то закономерность человеку не дано, во всяком случае, пока не дано, гениальность остаётся для нас тайной, как и происхождение человека. «В эстетическом аспекте это означает действие энтропийной силы случайности, вторгающейся в гармонию, порядок, красоту, разрушая устойчивую форму, чтобы создавать переменные возможности новых, непредсказуемых форм творческого бытия... Эстетическое как совершенное, прекрасное, гармоничное, как ценностное отношение к миру в гениальности имеет связь с волевым началом... Этический аспект генетики гениаль-

ности проявляется в долженствовании, в проблеме заданной необходимости творить на века, несвободного выбора гения в социокультурных условиях» [4, с. 14].

Случайность проявляет себя в появлении гениев на всех уровнях, начиная с природы, наследственности, космического дара и простираясь на протяжении всего жизненного мира, наполненного творческими поисками.

Список литературы

1. Адорно Т. Эстетическая теория. М.: Республика, 2001. 527 с.
2. Гилберт К. Э., Кун Г. История эстетики. М.: Прогресс, 2000. 316 с.
3. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.
4. Коломиец Г. Г. Эстетический аспект генетики гениальности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 7. С. 4–14.
5. Мэй Р. Мужество творить. М.: Ин-т общегум. исслед., 2008. 160 с.
6. Самохвалова В. И. Творчество: божественный дар; космический принцип; родовая идентичность человека. М.: РУДН, 2007. 538 с.
7. Свердлов Е. Д. Гениальность: Гены. Культура. Стохастика // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79, № 2. С. 131–149.
8. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985. 1600 с.
9. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.
10. Эфроимсон В. П. Генетика гениальности. Изд. 3-е. М.: Тайдекс Ко, 2004. 376 с.
11. Яковлев Е. Г. Эстетика. М.: Гардарики, 2002. 464 с.

Наталья Сергеевна Кондакова,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
E-mail: ntlz@list.ru

Агрессия человека: проблемы соотношения естественного и социального

В представленной статье рассматривается вопрос о причинах человеческой агрессивности. Автор отмечает как естественные, так и социальные факторы, влияющие на агрессивное поведение человека. Автор приходит к выводу, что в основании агрессии лежат природные факторы, однако в социальной среде они усиливаются как достижениями науки и техники, так и условиями существования человека. В заключении представлен вывод о двоякой роли социальных факторов в человеческой агрессивности, из чего следует, что именно обращение к социальным факторам приведёт человека к мирному существованию.

Ключевые слова: агрессия, естественные факторы, социальные факторы

Natalia S. Kondakova,
Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor, Philosophy Department,
Transbaikalian State University,
Chita, Russia,
e-mail: ntlz@list.ru

Human Aggression: Problems of Correlation Between Natural and Social

The article deals with the causes of human aggression. The author notes both natural and social factors influencing the aggressive behavior of a person. The author concludes that the basis of aggression are natural factors, but in the social environment, they are enhanced by the achievements of science and technology, and the conditions of human existence. In conclusion, the author presents a conclusion about the dual role of social factors in human aggression. The author concludes that the appeal to social factors will lead the person to peaceful existence.

Keywords: aggression, natural factors, social factors

Вопросами изучения агрессии человека занимаются учёные различных областей. Данный предмет интересует психологов, философов, юристов, медиков, антропологов и основ-

ной вопрос, которым задаются учёные заключается в определении причин агрессии, в установлении степени влияния биологического и социального факторов на развитие агрессивности современного человека.

Обращаясь к истории развития человечества и опираясь на данные в области истории, археологии, культурной антропологии, мы обнаруживаем, что агрессия существует на протяжении всего существования человечества и с развитием индустриальной культуры продолжает сопровождать жизнь человека. Более того, мы наблюдаем, что агрессия приобретает масштабный характер и вырастает до уровня международного терроризма.

Традиционно в выявлении причин агрессии человека выделяется влияние как естественных, так и социальных факторов. Стоит отметить, что определить, какие именно факторы являются ведущими в агрессивном поведении человека, не представляется возможным, поскольку именно совокупность естественного и социального составляет сущность агрессивного поведения человека. Н. Д. Субботина полагает, что «человек обладает биогическим телом и инстинктами, следовательно, закономерности животного мира не могут не оказывать воздействия на человеческое поведение. При этом, разумеется, нельзя закономерности животного мира переносить на поведение людей механически» [3].

Представляется наиболее продуктивным комплексное исследование причин агрессивности человека, при котором учитывается биологическая природа человека, его глубокая связь с животным миром, с одной стороны, и социальная составляющая, которая провоцирует и усугубляет врождённые инстинкты, потребности, чувства человека.

Обращаясь к естественной, биологической стороне агрессии стоит обратиться к представлениям К. Лоренца, который подробно изучал вопросы развития и функционирования агрессии в животном мире и пришёл к выводу, что в человеческой агрессивности участвуют те же механизмы, что и у животного.

Рассуждая о природе человеческой агрессии, С. Г. Сукиасян подчёркивает, что «внутренние силы агрессии в самом

начале формирования и становления человека были основаны на необходимости выживать среди более приспособленных и сильных животных. В последующем, решив эти задачи, агрессивность не прошла и не могла исчезнуть, поскольку оказалась благоприобретённым, экологически осмысленным признаком» [4]. Он также отмечает, что «агрессивное поведение животных выполняет три функции: распределение по жизненному пространству, отбор в поединках, защита потомства. Агрессивность же человека выполняет только первую функцию – распределение по жизненному пространству, хотя оно у одних и без того достаточно» [5]. Таким образом, изначально человеческая агрессия способствует выживанию человека, но далее, став самым сильным в мире, он не останавливается и продолжает проявлять агрессию и по отношению к тем, кто слабее, и по отношению к сильным, и по отношению к равным себе, и даже по отношению к самому себе. С. Г. Сукиасян объясняет данное явление трансформацией человеческой агрессии в зависть и ненависть, а, как полагает В. Франкл, «до тех пор, пока исследования проблем мира будут заниматься лишь интерпретацией субчеловеческого феномена “агрессия” и не будут анализировать человеческий феномен “ненависть”, они обречены на бесплодие. Человек не перестанет ненавидеть, если ему внушить, что им владеют некие механизмы и импульсы» [6].

Более того, агрессия человека «не останавливается»; захватив одну территорию, он стремится захватить ещё. Убив одного, он убивает снова. Как пишет Э. Фромм, «вероятно, только человек получает удовольствие от бессмысленного и беспричинного уничтожения живых существ» [7], он также отмечает, что «человек – это единственная особь среди млекопитающих, способная к садизму и убийству в огромных масштабах» [7].

Из истории мы видим, что в человеческом сообществе не всегда побеждает физически сильнейший, как в животном мире, а побеждает тот, кто умнее, богаче, обладает большим техническим потенциалом.

К. Лоренц, рассуждая о человеке и проявлении его агрессивности, уделяет немаловажное значение развитию абст-

рактного мышления и культуры, ведь именно благодаря достижениям человека в технической области стали возможны убийства на расстоянии, массовые убийства, которые при этом не требуют особой физической силы и мук совести. Он пишет: «расстояние, на котором действует огнестрельное оружие, спасает убийцу от раздражающей ситуации, которая в другом случае оказалась бы в чувствительной близости от него, во всей ужасной отвратительности последствий. Эмоциональные глубины нашей души попросту не принимают к сведению, что сгибание указательного пальца при выстреле разворачивает внутренности другого человека. Ни один психически нормальный человек не пошёл бы даже на охоту, если бы ему приходилось убивать дичь зубами и ногтями. Лишь за счёт отгораживания наших чувств становится возможным, чтобы человек, который едва решился бы дать вполне заслуженный шлепок хамоватому ребёнку, вполне способен нажать пусковую кнопку ракетного оружия или открыть бомбовые люки, обрекая сотни самых прекрасных детей на ужасную смерть в огне» [2, с. 114]. Таким образом, природный инстинкт получает практически неограниченные возможности для своего проявления благодаря культурному развитию.

Ещё одной опасностью или источником бед К. Лоренц называет «головокружительный темп развития» [Там же, с. 116]. И действительно, современное общество настолько стремительно развивается, что мы порой не успеваем за ним, чувствуем свою отсталость, неспособность угнаться за инновациями, что постепенно порождает в человеке не только чувство обиды, депрессии, но и ненависть, зависть, агрессивное поведение, в том числе по отношению к ближнему и к самому себе.

Э. Фромм, подробно анализируя концепции развития человеческой агрессивности и её причины, утверждает, что «человеческая психология оказалась значительно более деструктивной в связи с тем, что человек не только сам создал себе условия жизни, способствующие агрессивности (перенаселение и т. д.), но и сделал эти условия не исключением, а нормой жизни. А поэтому гиперагрессивность человека следует объяснять не более высоким потенциалом агрессии, а тем, что

условия, вызывающие агрессию в человеческом обществе, встречаются значительно чаще, чем у животных в естественной среде их обитания» [7]. С. Г. Сукиасян по этому поводу замечает, что «агрессия есть «благоприобретённое свойство», и человек не является по своей природе разрушителем. Он – жертва своей истории, жертва своей свободы» [4]. Исходя из этого тезиса, мы понимаем, что человек сам создает такие условия, где проявление миролюбивого поведения не всегда возможно, более того, в современности мы видим всё большую «скученность» населения, постоянно идущая урбанизация заставляет человека находиться среди множества людей разного пола, возраста, социального положения, этнических и религиозных различий.

Стоит отметить, что всё ускоряющийся ритм жизни, перенаселённость, социальная конкуренция, урбанизация и многое другое вступили в противоречие с биологической природой человека. «Усиливающаяся миграция приводит к изменению сложившейся структуры городского пространства, возникает нестабильность, шаткость системы, которая зачастую приводит к конфликтам, напряжённости, проявлению нетерпимости и агрессии» [1].

Однако Э. Фромм не согласен с однозначной трактовкой агрессивности как результата скученности населения; к данному фактору он прибавляет и другие социальные и культурные проблемы. Он пишет: «есть множество примеров, доказывающих, что не высокая плотность населения сама по себе является причиной человеческой агрессивности, а ущербность социальной структуры, утрата настоящих человеческих связей и жизненных интересов» [7].

Огромные возможности массовой культуры по манипулированию человеком, по созданию ложных ценностных ориентиров ещё более усугубляют проблему адаптации. Состояние перманентного стресса является стимулятором агрессивного поведения и его патологической направленности у человека. Бесчисленные варианты «бегства от реальности» (алкоголь, наркотики, рок-музыка и многое другое) представляют перевод агрессии на себя (аутоагрессию) и принимают в настоящее

время глобальный характер. Стремительный рост преступности в разных странах мира подтверждает патологический характер развития цивилизации.

Анализируя вопросы влияния социальных факторов на развитие агрессивности человека, мы приходим к выводу, что культура, научно-технический прогресс, социальные условия жизни человека, безусловно усиливают естественную агрессию в человеке. Однако стоит отметить и тот факт, что в животном мире существуют естественные инстинкты, сдерживающие агрессивное поведение животного, у человека же такие естественные инстинкты отсутствуют. Отсюда стоит понимать, что лишь социальные факторы, моральные нормы, чувство ответственности могут сдерживать гнев и агрессию человека. Таким образом, социальные факторы выступают с одной стороны провокацией агрессивного поведения, а с другой стороны ограничивают, сдерживают и переориентируют его.

В заключение хотелось бы отметить, что XX век и первые десятилетия XXI века оказались очень жестокими и кровавыми, именно здесь мы столкнулись с проявлениями садизма, терроризма, геноцида, бесчисленными жестокими войнами. Под влиянием массовой культуры низкого качества утрачиваются многие ценностные ориентиры и направляющие жизни человека; сам человек в современности оказывается оторванным от традиции, в нём рождается экзистенциальный вакуум, и в силу своей разорванности он ожесточается, теряет ориентиры, ему легче в этой жизни удержаться с помощью агрессии и насилия, он прибегает к тому, что у него есть от животного и к тому, что позволило ему когда-то на заре развития человечества победить в естественном отборе и выжить.

Но основной вопрос состоит в том, сможет ли человек с помощью животных инстинктов сохраниться? Думается, что, скорее всего, нет, и жестокость, насилие и разрушительность – это деградация и регресс человечества. Человеку нужно обратить внимание на то, что у него есть отличного от животного и что до сих пор удерживало человечество от самоуничтожения – это чувство ответственности за свои поступки, возможность предвидеть дальнейшее развитие ситуации, способность сдерживать свою животную сущность.

Список литературы

1. Кондакова Н. С. Проблемы устойчивого развития города в условиях усиления миграционных потоков // Общество, философия, история, культура. 2017. № 12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.24158/fik.2017.12.17> (дата обращения: 19.03.2018).
2. Лоренц К. Агрессия. М.: Прогресс, 1994. 272 с.
3. Субботина Н. Д. Естественные и социальные составляющие агрессии // Гуманитарный вектор. Сер. Философия. Культурология. 2010. № 4. С. 88–99.
4. Сукиасян С. Г. Агрессия: природа человеческой агрессивности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.otrok.ru/teach/agress/agress22.htm> (дата обращения: 15.03.2018).
5. Сукиасян С. Г. Суть и природа человека: эволюция Homo sapiens [Электронный ресурс] // Концепт. 2015. № 1. Режим доступа: <http://www.e-koncept.ru/2015/15376.htm> (дата обращения: 15.03.2018).
6. Франкл В. Человек перед вопросом о смысле [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.krotov.org/library/f/frankl/vopr_o.html (дата обращения: 18.03.2018).
7. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Прогресс, 1973. 316 с.

УДК 159.9.07

Надежда Михайловна Сараева,
доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры теоретической и прикладной психологии,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: saraiewa@mail.ru

Междисциплинарный подход к изучению жизнеспособности молодёжного населения в регионе экологического неблагополучия¹

В работе представлено обоснование необходимости применения междисциплинарного подхода к изучению жизнеспособности человека, проживающего в экологически неблагополучном регионе – Забайкальском крае. Эта необходимость определяется как самой постановкой

---

¹ Работа поддержана РФФИ, проект № 1-ОГН «Изучение жизнеспособности молодежного населения региона экологического неблагополучия (на примере школьников и студентов Забайкальского края)».

проблемы, так и уточнённым пониманием жизнеспособности человека как системного свойства системы «человек – жизненная среда, природная и социальная».

Ключевые слова: жизнеспособность, жизненная среда, системное свойство, регион экологического неблагополучия, междисциплинарный подход

Nadezhda M. Sarayeva,

Doctor of Sciences (Psychology),

Associate Professor;

Professor of the of Theoretical and Applied Psychology Department,

Transbaikal State University,

Chita, Russia,

e-mail: saraiewa@mail.ru

Interdisciplinary Approach to Studying Youth Population Resilience in the Region of Ecological Trouble¹

The paper justifies the necessity of interdisciplinary approach to studying resilience of a man living in ecologically unfavorable region – Zabaikalsky krai. This necessity is determined both by the problem statement and clarified understanding of human resilience as a system attribute of the “man – living environment, natural and social” system.

Keywords: *resilience, living environment, system attribute, region of ecological trouble, interdisciplinary approach*

Междисциплинарным исследованиям в психологии традиционно принадлежит важное место. Известный отечественный психолог Б. Ф. Ломов отмечал: «Важнейшая функция психологии в общей системе научного знания состоит в том, что она, синтезируя в определённом отношении достижения ряда других областей научного знания, является интегратором всех (или, во всяком случае, большинства) научных дисциплин, объектом исследования которых является человек» [8, с. 19].

Как пишет А. Л. Журавлёв, «в настоящее время приоритетными в большой мере становятся междисциплинарные

---

¹ The work was supported by RFBR, Project № 17-06-00151-DHS «Youth Population Vitality Study in the Ecological Trouble Region (research analysis of Transbaikal students)».

исследования, и это касается не только психологии или социогуманитарных наук, но и всей науки в целом» [3, с. 15]. Междисциплинарные исследования имеют для психологии особое значение, так как «...сама проблема психического изначально является междисциплинарной. В её исследовании у психологической науки нет и не может быть монополии: феномен психики по своей объективной природе предполагает междисциплинарность его изучения» [Там же, с. 17].

Человек как объект психологического анализа по природе и сути своей представляет единство биологического и социального. И это единство вызывает необходимость обращения к методологическому, теоретическому арсеналу и естественных, и гуманитарных, общественных наук для обеспечения полноты анализа психических свойств человека. Проведение исследований на «стыке» разных научных дисциплин – современная познавательная норма.

Прежде всего, это относится к разработке сложных психологических проблем, которые включают в себя вопросы природы, структуры, функций интегральных образований психики. В их число входит проблема жизнеспособности человека.

Жизнеспособность – междисциплинарное понятие, широко используемое в биологии, социологии, экономике, политологии, педагогике, технических и других науках. Впервые оно было применено в физике материалов [9], отсюда перешло в область изучения живых систем и далее распространилось как «вширь», в самые разные сферы научного знания, так и «вглубь» – в рассмотрение всё более сложных и тонких явлений действительности, таких как психика.

В психологии, в первую очередь, зарубежной, затем и в отечественной, изучение жизнеспособности было связано с необходимостью обнаружения механизмов и свойств, позволяющих человеку сохранять устойчивость психики, эффективность деятельности, психологическое здоровье и возможности адаптации в трудной жизненной ситуации. При этом в качестве таковой рассматривалась ситуация социальная. Естественно, что в понятии «жизнеспособность человека» психологи акцентировали социальные характеристики и в

итоге сводили психологическую сущность жизнеспособности к индивидуальным личностным свойствам. Даже придание жизнеспособности статуса системного свойства мало что изменило, поскольку в качестве систем-носителей свойства назывались лишь социальные системы [6; 9; 10; 12].

Мы уже рассматривали, как понимается в отечественной психологии сущность жизнеспособности, её структура, сопоставляли определения, которые даются понятию, и подчёркивали, что абстрагирование от биологической и психофизиологической составляющих жизнеспособности человека приводит к сужению содержания понятия [13]. Не возвращаясь более к обоснованию необходимости трактовки жизнеспособности как сложного био-психо-социального явления, предполагающего включение в его содержание не только комплекса социальных (личностных) характеристик, но и необходимой нейропсихологической, психофизиологической базы для их реализации [15], обратимся к основным позициям нашего проекта по изучению жизнеспособности, которые, как мы полагаем, позволяют считать исследование междисциплинарным.

Междисциплинарное исследование может быть реализовано на нескольких уровнях. Первый – внутрипсихологический – предполагает исследование тех проблем, которые возникают на границах различных психологических направлений и отраслей. Второй уровень – внешнепсихологический – предполагает исследования, пограничные с другими науками: медициной, физиологией и прочими.

В нашей работе изучение жизнеспособности проводится, прежде всего, на внутрипсихологическом уровне междисциплинарности и частично – на внешнепсихологическом уровне.

Обозначенный подход реализуется в следующих основных позициях.

Постановка проблемы

Впервые к разработке принята самостоятельная проблема жизнеспособности человека, постоянно проживающего в регионе с субэкстремальными природно-климатическими характеристиками и значительным экологическим неблагополучением.

чием природной среды – в Забайкальском крае. С системных позиций трактуя жизнеспособность, многие исследователи подчёркивают, что она проявляется во взаимодействии человека с окружающей средой [6; 9; 10; 12 и др.]. Утверждается, что защитный адаптационный потенциал человека противостоит средовым факторам риска. Однако последствия взаимодействия человека с экологически неблагополучной природной (физической) средой для его жизнеспособности ранее не рассматривались. Между тем, экологически деформированная природная среда не вполне адекватна гено- и фенотипическим свойствам человека [4] и на биологическом уровне жизнедеятельности негативно сказывается на функционировании организма [1; 2; 5; 17 и др.]. Данные медико-биологических исследований о повышенной заболеваемости, снижении адаптационных биологических показателей людей, проживающих на экологически неблагополучных территориях, служат обоснованием правомерности вопроса о том, каковы же показатели жизнеспособности данной категории людей на более высоких уровнях системной организации человека [7] – психологическом и социальном (личностном)?

Методологические предпосылки исследования

Новая постановка проблемы потребовала применения иного, чем в проведённых ранее исследованиях, методологического подхода, который позволил бы включить в число условий и факторов жизнеспособности человека не только социальные воздействия, но и природную (физическую) среду. Такими возможностями обладает экопсихологический подход к развитию психики (В. И. Панов [11]), основным методологическим требованием которого является анализ психических явлений в системе «человек – жизненная среда». Жизненная среда представляет собой единство природных и социальных условий и факторов жизнедеятельности человека. Исследование исходит из идей единства человека и среды (И. М. Сеченов, И. П. Павлов, К. Левин, Ж. Пиаже), взаимосвязи биологических, нейросоматических и психических явлений (С. Л. Рубинштейн, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, И. В. Давыдовский и др.).

В нашем исследовании жизнеспособность человека рассматривается в контексте влияний на его психику экологически неблагоприятной природной среды при обязательном рассмотрении роли среды социальной.

Расширение содержания понятия

Разработка проблемы стала возможной также в связи с экспликацией понятия «жизнеспособность» как обозначающего системное свойство системы «человек – жизненная среда, природная и социальная», сложное био-психо-социальное явление, предполагающее включение в его содержание не только комплекса социальных личностных характеристик, но и необходимой психофизиологической, нейропсихологической базы для их реализации. То есть для более полного изучения жизнеспособности человека, проживающего в экологически неблагоприятной среде, необходимо привлечение возможностей таких наук, как биология, нейропсихология, психофизиология. Такой междисциплинарный анализ позволяет преодолеть сведение содержания понятия «жизнеспособность» только к биологическим или, с другой стороны, только к личностным характеристикам человека.

Трактовка структуры жизнеспособности

Если в ранее выполненных исследованиях, несмотря на декларируемое понимание разноуровневого характера жизнеспособности, в том числе выделение индивидуального, физиологического уровня (в работе А. И. Лактионовой [6]), в качестве составляющих её структуры назывались преимущественно личностные свойства, социально-психологические характеристики (например, самоэффективность, настойчивость, совладание и адаптация, внутренний локус контроля, семейные/социальные отношения, религиозная вера, нравственность, культура человека [9]; у А. А. Нестеровой это самоопределение, жизненная позиция, смысложизненные идеалы, цели и ценности человека и т. п.) [10], то в нашем изучении жизнеспособности ограничиться анализом только «высших этажей» психики невозможно. Они по законам поведения системы, конечно, испытывают влияние экологически неблагоприятной природной (физической) среды, но влияние косвенное и мно-

жественно опосредствованное. Опосредствованное биологией, нейропсихологией, психофизиологией и «средними этажами» психики человека. В связи с этим в нашей работе структура жизнеспособности определяется в соответствии с системной организацией человека А. Н. Леонтьева [7] и дифференциацией психического и психологического Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева. В структуре целостной жизнеспособности выделены связанные отношениями иерархии психофизиологической, психической и личностный уровни.

Операционализация понятия «жизнеспособность»

Для эмпирического анализа жизнеспособности населения, проживающего на экологически неблагоприятных территориях, проведена операционализация понятия, выделены параметры диагностики. И поскольку жизнеспособность понимается как системное свойство системы «человек – жизненная среда» и сама представляет собой систему свойств, эти параметры относятся к её трём выделенным уровням. Параметром диагностики жизнеспособности человека на психофизиологическом уровне стала умственная работоспособность. Показатели психического уровня жизнеспособности определялись по таким параметрам, как уровень развития интеллекта и свойства, диагностируемые с помощью ММРІ. Параметром диагностики на личностном уровне жизнеспособности была избрана жизнестойкость человека, доводы о биологических основаниях которой приводились нами и А. А. Сухановым [18].

Основания гипотезы и концептуализации эмпирических данных

Применение экпсихологического подхода к развитию психики для разработки проблемы жизнеспособности позволяет обосновать гипотезу о возможном существовании отличий показателей уровня жизнеспособности людей, постоянно проживающих в регионе экологического неблагоприятия, от средненормативных, о снижении уровня жизнеспособности населения. Понимая жизнеспособность человека как системное свойство системы «человек – среда», мы, вслед за другими исследователями, называем среди основных показателей/компонентов жизнеспособности человека возможности его

психологической адаптации. Результаты многолетних исследований специфики психологической адаптации молодёжного населения Забайкальского края свидетельствуют о снижении показателей психологической адаптации тех, кто родился и проживает на территории экологического неблагополучия. Это трактуется как проявление минимизирующей адаптации [Там же]. Её естественной основой является недостаточность энергетического обеспечения психической деятельности человека, пребывающего в экологически неблагополучных условиях жизненной среды. Согласно медико-биологическим исследованиям, в Забайкальском крае большое число детей рождается с признаками гипоксии организма, респираторного дистресса, гипоксидона. Следствием гипоксидона являются нарушения энергетического метаболизма, падение энергообразования [17].

Существует ещё одна причина снижения энергетического обеспечения психической деятельности – дисбаланс в распределении энергии между уровнями системной организации человека: биологическим, с одной стороны, и психологическим и социальным (личностным) – с другой. В конкуренции за энергию биологический уровень оттягивает на себя энергию, необходимую для поддержания, прежде всего, материальных основ жизни в не вполне адекватных средовых условиях. Совершается, по словам нейропсихологов, «энергетическое обкрадывание психической деятельности человека» [16, с. 45].

Эмпирическая программа исследования

Эмпирическая программа исследования для подтверждения/опровержения представленных выше теоретических построений относительно жизнеспособности человека, проживающего в регионе экологического неблагополучия, включает в себя не только общепсихологическую, но и нейропсихологическую диагностику. Привлечение нейропсихологических методов изучения позволяет отчасти компенсировать недостаточность учёта естественной составляющей жизнеспособности, характерной для психологии.

Обозначенные позиции определяют междисциплинарный характер проводимого исследования, что позволяет надеять-

ся на получение более полных данных о жизнеспособности человека, проживающего в экологически деформированной жизненной среде.

Выполнение проекта будет способствовать уточнению представлений о соотношении средовых (природных и социальных) детерминант жизнеспособности населения в регионе экологического неблагополучия.

Список литературы

1. Абашкина Е. В. Эпидемиология нервно-психических расстройств у детей в зоне экологического неблагополучия в Забайкалье (город Балей): автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.00.18. Чита, 2002. 26 с.
2. Гомбоева Н. Г. Эколого-физиологические, этнические особенности адаптации человека в условиях Восточного Забайкалья и проблемы здоровья населения: дис. ... д-ра биол. наук: 03.03.01. М.: РУДН, 2012. 280 с.
3. Журавлёв А. Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: неклассическая перспектива / под ред. А. Л. Журавлёва, А. В. Юревича. М.: ИПРАН, 2007. С. 15–32.
4. Казначеев В. П. Современные аспекты адаптации. Новосибирск: Наука, 1980. 192 с.
5. Кохан С. Т., Башаров А. Р., Сердцев М. И. Влияние экологических факторов на состояние здоровья населения. Чита: ЧитГУ, 2009. 108 с.
6. Лактионова А. И. Взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации подростков: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. М., 2010. 184 с.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
8. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
9. Махнач А. В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Ин-т психологии РАН, 2016. 459 с.
10. Нестерова А. А. Социально-психологический подход к пониманию конструкта «жизнеспособность личности» // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М.: Ин-т психологии РАН, 2016. С. 49–59.
11. Панов В. И. Экопсихология: парадигмальный поиск. М.; СПб.: Психол. ин-т РАО: Нестор-История, 2014. 304 с.
12. Рыльская Е. А. Психология жизнеспособности человека: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. Ярославль, 2014. 446 с.

13. Сараева Н. М. О содержании понятия жизнеспособности человека в отечественной психологии // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: VIII Междунар. науч. конф. / под общ. ред. Н. Д. Субботиной; пер. О. А. Борисенко. Чита: ЗабГУ, 2017. С. 229–235.

14. Сараева Н. М., Суханов А. А. Социальное и биологическое в жизнестойкости человека // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: VI Междунар. науч. конф. (г. Чита, 16–17 апр. 2015 г.) / под общ. ред. Н. Д. Субботиной, М. В. Приваловой. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 140–146.

15. Сараева Н. М., Суханов А. А. Субэкстремальная экологически неблагоприятная жизненная среда как лимитирующий фактор психической деятельности человека // Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Інституту психології імені Г. С. Костюка НАПН України. Т. 7. Екологічна психологія. Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2016. Вип. 41. С. 352–364.

16. Семенович А. В. Введение в нейропсихологию детского возраста: учеб. пособие. М.: Генезис, 2005. 319 с.

17. Сердцев М. И. Экология Забайкалья и здоровье человека. Чита: ЗабГПУ, 2001. 68 с.

18. Суханов А. А. Психологическая адаптация человека в регионе экологического неблагополучия. Чита: ЗабГУ, 2016. 341 с.

УДК 159.9:61(075.8)

Владимир Алексеевич Скуденков,

магистр психологии,

старший преподаватель кафедры социологии и психологии,

Байкальский государственный университет,

г. Иркутск, Россия,

e-mail: vskudenkov@mail.ru

Психология (не)болезней

В статье рассматриваются причины (не)болезней в современном обществе, показываются социальные и психологические основы возникновения заболеваний, тем самым автором выделяется влияние социального на естественные показатели и условия физического и психологического состояния человека.

Ключевые слова: *психология болезней, (не)болезни, социальное, естественное*

Vladimir A. Skudenkov,
Magister of Psychology,
Senior Lecturer of the Department of Sociology and Psychology,
Baikal State University,
Irkutsk, Russia,
e-mail: vskudenkov@mail.ru

Psychology of (not)diseases

The article examines the causes (not) of diseases in modern society, shows the social and psychological basis for the emergence of diseases, thereby authorizing the influence of the social on the natural indicators and conditions of the physical and psychological state of a person.

Keywords: *psychology of disease, (not) disease, social, natural*

Царские таблетки – беднякам не помогают.
Китайская мудрость

Далеко не все болезни обусловлены генетически или в результате механического повреждения. Значительная часть болезней возникает в результате определённого поведения, мышления или психологического давления извне. Представители разных религий полагают, что болезни посылают нам Боги в качестве испытаний и проверки силы веры и служения; психологи и эзотерики предполагают, что основой тех или иных заболеваний выступает ментальное восприятие себя и мира вокруг. И те, и другие видят связь между духовным и физическим состоянием человека.

Современные психологи и философы, врачи и социологи выявили несколько интерпретаций взаимосвязи психического и физического состояния, которые обозначаются общим термином «психосоматические заболевания». Стрессы, негативные эмоции и установки, конфликты приводят к тому, что нарастает внутреннее напряжение, которое через некоторое время выражается в психосоматических болезнях [3; 4; 5].

Термин «(не)болезни» применялся Н. Р. Кеппе [2] в анализе происхождения болезней различной этимологии. Вслед за ним, мы попробуем разобраться в причинах возникновения психосоматических заболеваний.

«Все болезни от нервов», гласит народная мудрость, что верно в большинстве случаев, так как «нервность» возникает в результате стресса. Жизнь современных людей – это один большой стресс (проживание в ограниченном пространстве, отсутствие личного пространства, утренние и вечерние пробки, конфликты в семье и на работе, информационные перегрузки, негативная информация из СМИ и от окружающих людей и этот список можно продолжать до бесконечности).

Стоит понимать, что стресс сам по себе необходим человеку – это состояние «повышенной готовности» психики и организма к внешней угрозе. Но современные люди практически все время находятся в состоянии «повышенной готовности», зачастую неоправданной ни психически, ни физиологически. Постоянно работающий «аварийный режим» приводит к износу и выключению тела – к болезням, когда организм сам говорит «стоп». Психосоматика сработает в том органе, который наиболее ослаблен. Хотя обозначенные выше авторы приводят данные о большей вероятности заболеваний при стрессе сердечно-сосудистой системы или органов пищеварения.

Второй группой причин психосоматических заболеваний выступают *негативные эмоции*. Это могут быть разнообразные эмоции: от тревоги и страха до обиды и злости; от разочарования и «угрызений совести» до зависти и агрессии.

Эмоция – это не только состояние, осознаваемое человеком, это определённое состояние всех внутренних органов. Негативные эмоции вызывают активную выработку желчи, выблеск адреналина, повышение давления и т. д., что приводит к «боевой готовности» всего организма. Данные всплески помогают выжить при реальных угрозах выживания. Но когда мы искусственно загоняем организм в возбуждённое негативное состояние и не даём возможности реализовать (выплеснуть) эмоции – они «оседают» опять же в слабых органах человека, что приводит к психосоматическим заболеваниям на основе негативных эмоций. Принцип действия такой же, как и при стрессе. Высокое кровеносное давление и заболевания сердечно-сосудистой системы – прямые последствия повышенного негативного эмоционального фона.

Ещё одним фактором, приводящим к болезням, является *подавление эмоций*. Непроявленные или не пережитые эмоции могут принести не меньший вред организму человека, чем стресс или негативные эмоции. «*Печаль, которая не проявляется в слезах, заставляет плакать другие органы*» – говорил академик К. М. Быков [1, с. 432].

Эмоция – это состояние, которое возникает в нашем сознании и теле в ответ на взаимодействие с миром и если мы её не проявляем, то она начинает разрушать нас самих. Невозможность реагировать на критику или недовольство родственников, начальства выражается в язвенной болезни (самоедстве). Так называемое «спускание пара» через активные виды спорта, сауну и прочие процедуры помогает пережить внешнюю агрессию и не направлять её на внутренние органы.

Четвертым фактором появления болезней выступает собственно *выгода от болезни (мотивация)*.

Данный мотив срабатывает тогда, когда болезнь является поводом для получения каких-то выгод. Дети порой начинают болеть тогда, когда им не хватает внимания родителей или возникают конфликты в школе, или же через болезнь они пытаются сохранить родительскую семью, если та находится на грани распада. Работники начинают болеть, когда устают и не могут отдохнуть за выходные или же – когда пытаются придумать самооправдание для собственной лени. Условная выгода от болезни является частым способом получения неких бонусов, которые по каким-либо причинам иначе получить не получается.

Также причиной психосоматических заболеваний может выступать противоречие между «хочу – могу – надо». Хочу делать одно, а деньги приносит совсем другое (конфликт между «хочу» и «надо»). Или же делаю то, что надо, но это ниже моих компетенций и квалификации (конфликт между «могу» и «надо»). Если мы не находим достойную (приемлемую для нашей психики) систему личного вознаграждения и нахождения времени «на себя», то в результате получаем психосоматические заболевания.

Медицина будет работать тогда, когда проблема осознана и проработана на психологическом уровне (поняты причины болезни, мотивы, деструктивные мысли и стрессовые ситуации; рассмотрены альтернативные варианты решения причин болезней). Это может происходить как на когнитивном, так и на аффективном уровне, но если они не воплотятся в действительный уровень (не изменится реальное поведение человека), то говорить об эффективности медицинского лечения не придётся.

В начале статьи приведена китайская мудрость – *«царские таблетки – беднякам не помогают»*. Причина стрессов, негативных или не проявляемых эмоций, мотивов болезни у людей с разным достатком и социальным статусом, местом и качеством жизни, кругом общения и досуга отличаются. Условия жизни определяют наши потребности и возможности, цели и ориентиры; для людей разных социальных кругов «качество» жизни меряется разными линейками, так же, как и ценность карьеры, ответственности, власти и денег, любви, доброты и тепла.

Слова могут быть одинаковыми, но смыслы и значения будут отличаться. Поэтому лечение людей разных социальных кругов должно опираться на ту систему ценностей и потребностей, что сформированы его окружением. Далеко не все могут отринуть социальные условности, закрыть глаза на условия и форму жизни.

Психология (не)болезней лежит в нашем сознании. Многие процессы запускаются и реализуются с того момента, когда психика присвоила или не присвоила себе те или иные состояния или процессы. Социальные условия во многом определяют естественные особенности развития психологии не(болезней).

Список литературы

1. Быков Константин Михайлович // Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 1 / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1969. С. 432.
2. Кеппе Н. Р. Происхождение болезней, психических, соматических и социальных / пер. с португал. К. Э. Френкель. СПб.: Шк. Н. Кеппе интегр. психоанализ.-аналит. трилогия, 2003. 135 с.

3. Качан Е. П. Роль личностного смысла болезни в лечении пациентов с хроническими соматическими заболеваниями // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2017. № 17–3. С. 131–137.

4. Орлова М. М. Социально-психологический контекст изучения соматического здоровья и болезни // Культурно-историческая психология. 2012. № 3. С. 12–18.

5. Субботина Н. Д. Диалектика естественных и социальных предпосылок и последствий здоровья и болезни // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: VIII Междунар. науч. конф. / под общ. ред. Н. Д. Субботиной; пер. О. А. Борисенко. Чита: ЗабГУ, 2017. С. 66–83.

УДК 130.2

*Алексей Николаевич Фатенков,
доктор философских наук,
профессор факультета социальных наук,
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия,
e-mail: kfa@fsn.unn.ru*

**«Блоковская незнакомка», ещё одна: Революция
как произвол стихии, регуляция справедливости
и внеморальное величие красоты
(актуальные ретроспекции и перспективы)**

В соотношении с мировоззренческой позицией Александра Блока осмысливаются сущностные аспекты социальной революции. Общественные процессы берутся в сопряжении с процессами природными и рассматриваются по преимуществу в эстетической проекции. Всё рассуждение ведётся в русле поэтико-философского реализма и с экстраполяцией на ситуацию сегодняшнего дня.

Ключевые слова: Александр Блок, революция, произвол стихии, регуляция справедливости, внеморальное величие красоты

Aleksey N. Fatenkov,
Doctor of Sciences (Philosophy),
Professor of the Faculty of Social Sciences,
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
Nizhni Novgorod, Russia,
e-mail: kfa@fsn.unn.ru

**One More “Blok’s stranger”: Revolution as an Outrage
of a Force of Nature, Regulation of Justice and an Immoral
Grandeur of Beauty (actual retrospections and prospects)**

In relation to worldview position of Alexander Blok the essential aspects of social revolution are being considered. Social processes are being taken in a correlation with natural processes in a predominantly aesthetic projection. The whole reasoning is being made from a poetic-philosophical realism's standpoint while extrapolating it to today's situation.

Keywords: *Alexander Blok, revolution, outrage of a force of nature, regulation of justice, immoral grandeur of beauty*

Философу всегда есть чему поучиться у поэта-художника. Прежде всего – способности той же мыслью, не чем-то иным, схватывать *стихию реальности*: противоречивой... противоречивой в своей противоречивости... и так ещё и ещё – чуть ли не до бесконечности. Поучать поэта – себе дороже: укажешь второпях свысока на его алогичность, а она окажется вдруг не гносеологического, а онтологического порядка; не от недостатка человеческого рассудка, а от безрассудства природы, жизни. Поэтическая метафора – не отдельно стоящий предмет критики для философского ума, она – в его основании и оправданно переосмысливается только вместе с этим основанием.

Связи философии и поэзии разнообразны. Порой неразборчивы. Что ж, с кем не бывает... Совместимых поз, однако, на удачу, не меньше, чем в «Кама-сутре». Из всех их выделим в качестве приоритетной одну (вариаций не счесть), небезосновательно именуемую реалистической.

В отрицательной своей части она отталкивается как минимум от четырёх «нет»:

– нет игре в объективизм;

- нет субъективистскому манерничанью;
- нет отвлечённому эстетству (ни в форме никудашно возвышенного спиритуализма, ни в форме бездушного конструктивизма);
- нет бесхребетной меланхолии.

В положительной своей части реалистическая поэтическая философия, отдавая должное вне нас существующей реальности (как материальной, так и идеальной), опирается не на конформные словарные значения, а на экзистенциально легированные смыслы. Приверженцы её без стеснения страстно смотрят на мир – «и с ненавистью, и с любовью!..». И не скрывают, что любят плоть – «и вкус её, и цвет...». Они всегда в готовности, оставив словопрения, «ломать коням тяжёлые крестцы и умирять рабынь строптивых...». Воин-земледелец и воин-поэт – два единственно вмняемых мужских типа. Торгаш-буржуа есть нечто физиологически и эстетически отвратное («бдительного» читателя отсылаю к дневникам А. А. Блока). Выдерживая дистанцию и внутри родного культурного ареала, и на его границах, русский поэтический философ-реалист чтит наследие Запада, арийские интенции европейцев (германофил Блок их ценил высоко) – но без низкопоклонства, с достоинством, при случае оборачиваясь к пластически прооперированной цивилизации «своею азиатской рожей».

Натурная жёсткость, мощно выписанная в «Скифах», существенно отличается от хамства, которого тоже, увы, у нас предостаточно и о котором со справедливым негодованием высказался недавно тёзка Серебряков. Внесу, правда, немаловажное уточнение. Во-первых. Надо помнить об особенностях эффекта, производимого негативно-неординарным: один урод затмевает собой десяток красавиц, один случай хамства отодвигает в сторону сотню проявлений порядочности и доброжелательности. Во-вторых. Хамоватость – черта характера и поведения, индивидуального и группового, и черта, разумеется, не сугубо доморощенная, и за границей она не в диковинку. Всегда и везде, однако, подлинная элита нацеливает народ на изживание этого негатива, а псевдоэлита, сама бездарная

и наглая, с незатейливым плебейским душком, корыстно поощряет его в подданных. И тогда, конечно, хамство становится «идейным», правильнее сказать – идеологическим: вульгарным антуражем недалёкой, эксплуататорской политики. По факту, и неудивительно, в столице этого непотребства ничуть не меньше, чем в провинции, скорее наоборот: народное тело, как и рыба, гниёт с головы, в России – без сомнения. Я не в защиту непристойностей глубинки (тут никаких иллюзий) – я против первопрестольного жлобства. И не в защиту злобно-завистливой неотёсанности простолюдина – против претенциозного скотства столоначальников и бомонда. Интуиция, совесть и вкус, у кого они не зачали, позволяют безошибочно распознавать и дифференцировать контекстуально уместную натурную жёсткость и никак неуместное хамство.

Когда высокопоставленное должностное лицо (и где был фейс-контроль?) заявляет, что если, дескать, школьный учитель (кто по человеческим представлениям даёт путёвку в жизнь) не доволен уровнем зарплаты, пусть идёт в бизнес, – это вообще ни в какие ворота...

Ступенькой ниже – но с теми же оценками. Требования Минобра к профессуре и преподавателям по написанию и перманентной доработке РПД и ФОСов, этой белиберды, приправленной «компетенциями», – не просто издевательство вконец обнаглевшей федеральной бюрократии, пытающейся всеми неправдами оправдать собственное существование. Это прямое вредительство по отношению к будущему страны. На смену «утечке мозгов» (пока ещё есть чему утекать – в реакции на дискомфорт в стране) грозит прийти их атрофия. Неужели не доходит до министерских чинов (и их ректорской челяди «на местах»): ненавидят их лютой ненавистью – те, кто, саботируя по мере сил спускаемый сверху формализованный бред и бредовый формализм, продолжают, несмотря ни на что, содержательно учить школьников и студентов. Продолжают трудиться – с надеждой на возмездие. И, заготовив осиноый кол, ждут только случая, оказии, стечения обстоятельств. Зачем загонять людей в угол и доводить до белого каленя? Ведь ясно, при циничной, нахрапистой политике (а в сфере образо-

вания, по крайней мере, сегодня она именно такова) рано или поздно рванёт (или окончательно всё опустится ниже плинтуса): исторический опыт ничего другого не предвещает. И до «канадской границы» успеют добежать не все. Это тем, кому есть куда бежать. А их прихлебателям-порученцам податься вовсе будет некуда. И покаянными ужимками никто не отделается... Важное в поддержку немеланхоличной надежды обнаруживаем в творческом наследии А. А. Блока: всепронизывающую ненависть испытывает тот, кого не обошла стороной всепронизывающая любовь – неподражаемо человеческая, без кадила с ладаном.

Не исключено, прав всё-таки был политически наивный М. Хайдеггер: подлинная национальная революция (национальное возрождение) вызревает и пускает первые ростки не где-то, а в университете. Внедряемому в высшую школу корыстному бизнес-проекту, нацеленному на штамповку полуобразованных конформистов, исподволь противопоставляется – группами сопротивления и стойкими одиночками – стратегия обучения и воспитания самостоятельного и ответственного человека: с мозгами, совестью, вкусом, с нерастраченным физическим и психическим здоровьем. Когда-то это (или нечто похожее, с некоторыми, быть может, коллективистскими излишествами в образце) называлось «гармонически развитой личностью» и не вызывало тотального отторжения у властей предрержащих. Сейчас – не то. Всесторонне развитый индивидум не нужен, конечно же, ни бюрократам, ни олигархам, ни попам – он опасен для них. Они для него – социально незначимы, пустышки, а то и просто идут со знаком «минус», как социальный балласт. Противоречие антагонистическое – как ни крути. Кто-то должен проиграть.

С вступлением, несколько затянувшимся и, возможно, чересчур эмоциональным, покончено. Но что делать: не одно достойное бытие, но и наличествующая небытийная мерзость определяет сознание. И как тут не проникнуться симпатиями к революционным настроениям, даже учитывая очевидные риски, даже догадываясь о кратковременной всего лишь, не долгой отдушине, которую можешь обрести в результате радикаль-

ных общественных перемен. Всё, однако: теперь – предметно. Тем более что блоковское восприятие тектонических социальных сдвигов заметно оптимистичнее (хотя бы периодами).

Базовая цитата. Александр Блок – о социальной революции. «Она сродни природе. Горе тем, кто думает найти в революции исполнение только своих мечтаний, как бы высоки и благородны они ни были. Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несёт новое и неожиданное; она жёстко обманывает многих; она легко калечит в своём водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных; но – это её частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издаёт поток. Гул этот всё равно всегда – *о великом*» [2, с. 12].

Первое впечатление от фрагмента: очень похоже на немецкую (Гегеля и Маркса) диалектику в толковании философии истории. Разнонаправленные и в разной степени осознаваемые действия индивидов складываются в итоге – сами собой или благодаря некоей доминирующей, но подчас скрытой силе – в правильный, осмысленный вектор развития. В результирующем великом поэт выделяет два ракурса, два уровня. Один – не предельных глубин, его можно отнести к феноменальному разряду – предполагает установление (восстановление) справедливости по отношению к эксплуатируемому народу-труженику. Оправданное, без сомнения, ожидание. Но в нём сквозят ещё нотки подслеповатого интеллигентского народопоклонства. Через пару лет после Октябрьской революции А. А. Блок не без доли растерянности отметит в своём дневнике: никто не хочет работать. И будет объяснять элементарную лень – гуманно, но не очень убедительно – ретро-гнётом многовекового подневольного труда. Другой – глубинный, ноуменальный уровень чаемого великого поэту видится во вселенском утверждении внутренней красоты, эпической, вагнеровского масштаба и тональности, музыкальной драматичности мира. Мощнейшая, без умаления земных реалий, идея!

Перед нами взгляд эстета, не отрывающего основания прекрасного от посюстороннего, физического мира. Поэт, по

Блоку, «это – носитель ритма. В бесконечной глубине человеческого духа, в глубине, недоступной для слишком человеческого, куда не достигают ни мораль, ни право, ни общество, ни государство, – катятся звуковые волны, родные волнам, объемлющим вселенную, происходят ритмические колебания, подобные колебаниям небесных светил, глетчеров, морей, вулканов» [1, с. 404–405]. Талантливая музыкальная композиция, понятно, ещё ближе к динамике мироздания, непосредственно смыкается с ней.

Как и произведения искусства, явления природы, возвысившись над повседневной прагматикой, оцениваются по преимуществу эстетически. Если череда социальных событий сродни естественному ходу вещей – то бурному, то неспешному, – то и для перипетий общественной жизни, стало быть, эстетический критерий оказывается коренным. Из вспомогательного мерила феноменального уровня, пласта тиражируемой социальной эмпирии – где гегемонит морализаторская справедливость – музыкальность и поэтичность превращаются в главенствующее мерило на уровне ноуменальном, в сфере социально шедеврального. И тут, наверное, не избежать драматического, трагедийного столкновения эстетического с этическим. Красота обнаруживает стремление спасти мир безотносительно к слезинке ребёнка. Что уж говорить о ситуативном – в том же революционном катаклизме – торжестве негодяев и поражении людей порядочных. Небезупречны в плане добродетельности, собственно, и герои. Единственный из двенадцати красногвардейцев, названный в революционной поэме по имени (апостольским именем Пётра-Петруши), идёт биться за правое левое дело, для начала рассчитавшись пулей с шалавой, к которой остался неравнодушен. Если помогавший ему в налёте Андрияха-Андрей (с отсылкой к Первозванному) тоже из числа двенадцати, значит, оба поименованных бойца революции с уголовным клеймом. Впрочем, и остальные под стать: «В зубах – цыгарка, примят картуз, / На спине б надо бубновый туз».

Философу не уклониться от хитрости разума, поэту – от внеморальных вывертов эстетического. Аргистическую

натуру, пишет А. А. Блок, отличает «отсутствие гуманной размягченности»; нет в ней и оптимизма, свойственного цивилизатору, у артиста прогрессистские ожидания «сменяется трагизмом: двойственным отношением к явлению, знанием дистанций...» [1, с. 365]. Последняя черта – вовсе из аристократического, элитаристского арсенала. И она заставляет задаться вопросом: стоит ли пускать слезу по поводу тягот и горестей народа, если сам он, позволяя себя нещадно эксплуатировать, отступился, по сути, и от справедливости (только жалко бормоча про неё себе под нос), и от земной красоты, профанировал её, превратил в лубок?

Отрицательный ответ – нет, не стоит; и нечего согбенному и забитому на социальное зеркало пенять, коли у самого рожа крива, – порывает скорее не с революцией, а с излишним морализаторством вокруг неё. Восстановление социальной справедливости, конечно же, дело праведное, но и его незачем возводить в фетиш. Эволюция взглядов Александра Блока после Октября 1917 года идёт именно в этом направлении; возможно, правда, с чрезмерным эстетским пафосом и надрывом, с интеллигентской очарованностью нарочито невзрачными и деланно варварскими служителями искомой ноуменальной красоты. По мне, полнота справедливости – утопия. Полнота красоты – в заповедных уголках природы и шедеврах культуры; в пластике дикой кошки и недемонстративном жесте изящной женщины (штудировать Хайдеггера ей совершенно необязательно); в футбольных изысках «Барселоны», Месси и Гвардиолы – творящих, конечно, и для зрителя, но прежде всего для самих себя. Встретиться с красотой – не столько впечатлиться неординарно высоким среди ординарного (тут достаточно и эффектного), сколько – освободиться от всяких фоновых значений низкого и заурядного. В повседневной общественной жизни, с её шаблонами и приставленным к человеку соглядатаем-Другим, полноты прекрасного не сыскать. Ни у рабочего станка, ни в трамвайной толчее, ни на модном курорте. И само собой – ни в коррумпированных присутственных местах, ни на проституированном подиуме. Реалистичный потолок общественной практики – ликвидация

несправедливости, граничащей с уродством. Эту задачу периодически и решают в истории социальные революции – увы, не без эксцессов уродливой справедливости. Надеюсь, что осиновый кол – это всё-таки стильно.

Список литературы

1. Блок А. А. Дневники // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. М.: Гослитиздат, 1960–1965. С. 17–426.

2. Блок А. А. Интеллигенция и революция // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.: Гослитиздат, 1960–1965. С. 9–20.

Научное издание

**Проблема соотношения естественного
и социального в обществе и человеке**

*Сборник подготовлен редакционной коллегией
при участии издательства*

Вёрстка И. Н. Аргуновой

Подписано в печать 19.05.2018.

Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 16,6. Уч.-изд. л. 13,7. Заказ № 18074.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30